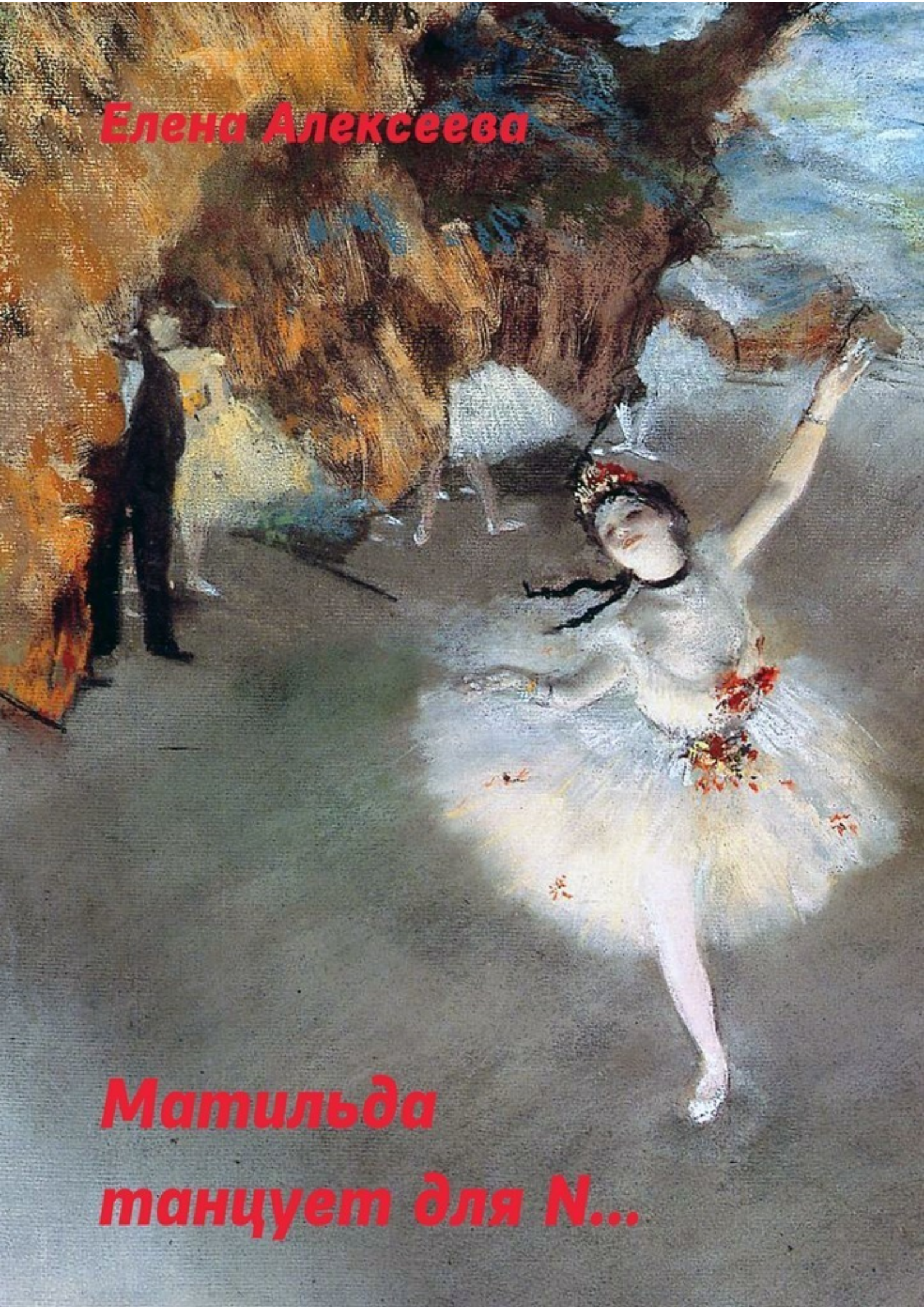

Елена Алексеева

**Матильда
танцует для N...**

Елена Алексеева

Матильда танцует для N...

«Издательские решения»

Алексеева Е.

Матильда танцует для N... / Е. Алексеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903013-9

Эта книга — роман Наследника Николая Александровича и Матильды Кшесинской. История о красивой и несбыточной любви вопреки, которой не должно было быть. История о влюбленных, нарушивших все правила. Это книга о страсти и беспощадности судьбы. О противоречии любви и долга. О красоте и власти, которым не под силу бороться с истинным чувством. Это извечное движение от встречи к расставанию, от расставания к новой встрече. Судьба свела их, и от их решения теперь зависит ход истории.

ISBN 978-5-44-903013-9

© Алексеева Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	20
4	26
5	30
6	38
7	39
8	42
9	48
10	53
11	55
12	71
13	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Матильда танцует для N...

Елена Алексеева

Художник (автор изображения на обложке) Эдгар Дега

Фотограф (фото автора) Светлана Ящук

© Елена Алексеева, 2018

ISBN 978-5-4490-3013-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Улица считалась в Петербурге одной из красивейших. Капризам творцов нечасто потакают свыше, – а все же неуступчивое, но и странно рассеянное порой провидение позволило (не иначе как по оплошности) воплотиться этому несомненному зодческому озарению. Способствовал ли стройности проекта мечтательный глазомер архитектора или особым образом сошлись звезды на небе, или сквозной петербургский ветер внес свой невесомый, но решающий вклад, вытянув линии в безупречные параллели – доподлинно нам неизвестно. Два бесконечных до головокружения одинаковых фасада смотрелись друг в друга как в зеркало, рождая предположение (весьма, кстати, спорное) о существовании высшего благого равновесия. В симметрии сторон мерещилась античная протяженность. Воскресший призрак Эллады витал над повтором парных колонн, а бессчетные арки окон, казалось, множились бы и дальше, не положи им внезапного предела нарядное здание театра, утвердившееся в глубине улицы с той же неизбежностью, с какой точка встает в конце фразы.

Тыльный театральный фасад, украшенный двумя крылатыми девами-близнецами (с одинаковой мечтательной задумчивостью на гипсовых бледных лицах обе несли по венку на ближнюю голову имперского орла) замкнул сквозную до того перспективу, превратив ее в прелестный тупик. Искусство склонно воздвигать тупики, – и разве не в этом его предназначение? Величественный храм Мельпомены заодно уж дал улице имя – запросто, без затей та назвалась: «Театральная».¹ (Какой-то чудак заметил, между прочим, что будь его воля, устроил бы он этакое приятное глазу зрелище: залил бы улицу водой и чтобы балетные дивы танцевали здесь белой ночью в белых же платьях, поднимая фонтаны брызг... – сумасшедшая красота!..) Сумасшедший романтик – да ведь в российской столице и летом прохладно...

Теперь над пустоватой улицей смыкались мартовские сумерки, так удивительно шедшие общей соразмерности и прямым сходящимся линиям, и фаянсовой голубизне колонн. Днем обильно капало, даже текло, – солнце доедало с железного противня крыш остатки слоеного, уже основательно подтаявшего ледяного пирога. К вечеру ощутимо похолодало, – легкий морозец выращивал мутного стекла сталагмиты под жерлами водосточных труб, а разрозненные живые капли падали сверху, и все еще звенел в воздухе щебет невидимых городских птиц. Природа словно испытывала механизм своих весенних новеньких часов, – те сбивались, останавливались и вновь возобновляли ход. Наконец, нужный ритм был задан, – весенние часы пошли весело и уже необратимо. Сумерки добавляли пейзажу туманной неясности, нежности, зыби.

На углу улицы перед складным этюдником топтался одинокий живописец, – высокий, сутуловатый молодой человек лет, может быть, двадцати трех. (При первых же знаках весны академическое начальство высылало своих питомцев из просторных плохо натопленных учебных классов на городские этюды – и вовсе уж насквозь продуваемые). Заметно было, что художник изрядно уже продрог, время от времени шмыгал носом и несколько раз успел чихнуть, чертыхнувшись и утеревшись не слишком-то свежим платком, вытянутым за уголок из кармана двумя меньше других испачканными пальцами. Гладкое непримечательное лицо его с впалыми щеками с резко обозначенными скулами выглядело в мутном свете сумерек испитым и бледным; широкополая черная шляпа с помятой тульей надвинута была на самые брови, на худой шее повязан не то шарф, не то женский платок. Изрядно потертая суконная крылатка местами лоснилась, а обшлага рукавов оживлялись кое-где веселыми пятнышками красок. (Избрав делом жизни красоту, художник, очевидно, не слишком-то заботился о красе

¹ В настоящее время – ул. Зодчего Росси

собственной наружности; вообще в среде столичного студенчества модно было носить на лице выражение этакого брезгливо-заносчивого нигилизма).

Уже образовался на палитре веселый лиловатый хаос, и миниатюрная копия улицы, все более утончаясь, проявлялась на холсте точно переводная картинка (вроде бы похоже на действительность, – а все-таки мираж, иллюзия, другое измерение). Художник планировал изобразить сумерки на грани темноты – сумерки с последним румянцем умирающего луча, со сквозящим скелетом бесчисленных сдвоенных колонн...

– «И прелюбопытное же время... точнее сказать, безвременье. Будто взял Господь паузу между светом и тьмою – и вышло этакое синее ущелье, узкий промежуток. Уже не день, да и не ночь еще – странное преддверие... и куда ведет та дверь? Свет бедноватый, тусклый, того и гляди совсем стемнеет. Однако колорит!.. захочешь, да не сочинишь. И все-таки быстрое письмо способствует определенной легкости. Конечно – церемониться-то некогда».

Художнику сильно хотелось курить. Заботливо пристроив кисть (кончик точно обмакнули в сине-лиловый воздух), он похлопал ладонью по карману, вытянул папиросу, укрыв зажженную спичку в сложенных раковинной горстях. Ветер раз за разом задувал пляшущий огонек – и вновь чиркала спичка, вновь озарялись и гасли худые скулы, опущенные ресницы. Наконец удалось прикурить, – одинокая жаркая точка замаячила в холодной синеве. Глубоко затянувшись, художник закашлялся, – и почему-то именно теперь, на свежем весеннем холоде табачный дым не принес желаемого удовольствия, показался горьким, едва ли не тошнотворным.

Держа папиросу на отлёте, художник подошел ближе, взгляделся. От холста повеяло привычным живично-скипидарным духом (и эти запахи: льняного масла, красок, растворителя почти всегда вызывали в его душе волнующий озноб и добавляли глазам зоркости, а пальцам сообщали тот радостный зуд, что передавался потом кисти и краскам, и отпечатывался на полотне).

– «Что ж, по крайней мере, имеем *status praesens*.² В картину потом доработаю. Сказано ведь – этюд пиши как отражение в зеркале, картину выдумывай из головы. Что значит, натура... только успевай поворачивайся – это тебе не на стены в мастерской глазеть. И да, все-таки хорош у меня тот розовый край неба... и закатные блики и тени на колоннах...

Он с одобрением взгляделся в уличную перспективу, отметив обморочную бледность фасадов и фиолетовые прямоугольники теней на мостовой.

– Только применишься, глядишь – в момент уж все другое. И воздух, будто изнутри светится. И почему-то эти сплошные долгие стены не давят, точно подвешены они в пространстве... – вследствие легкости пропорций что ли? Вот право же позавидуешь умению так ловко рассчитать. И поди ты еще ухвати, улови тот неуловимый баланс...

Художник перевел взгляд на холст – и неожиданно разочаровался.

– Тяжеловато будто... легкости натурной нет и в помине. И не оживает, и не трогает. – Досадуя, он сплюнул. – М-да... мало что вышло. В сущности, ничего.

Короткой минуты сомнения хватило ему, чтобы полностью разувериться в успехе дела. – «Лубок, раскрашенная олеография. Вместо нежной прозрачности вышел этакий розовый ярмарочный пряник... – он дернул плечом, сильно растер ладонями курчавившуюся на щеках порось; – нет, но Дусе-то определенно не понравится».

Недовольно гримасничая, он отыскал заочеченными пальцами мастихин и решительно соскоблил край румяного неба. Поколебавшись, заодно уж снес лазурные колонны. («Розовое, голубенькое... сюсю-мусю, грезы чувствительной институтки»). Тем временем быстро темнело, и безвозвратно ускользал такой выгодный – ультрамарин с бирюзой – *status praesens*...

² положение в настоящее время, сиюминутное (лат.)

Профессор Беляков (Дуся, как за глаза звали его академисты) особенно любил и ценил в пейзаже его сквозную ветреность, легкость, прозрачность, – как раз то, чего не обнаружил теперь художник на своем холсте.

– «Несравненная прелесть пленэрного пейзажа – с его чистым цветом, со случайным солнечным лучом, с вибрацией воздуха...» – мягким голосом, нараспев увещевал Дуся (при этом он задумчиво поглядывал на взбухающую сизую Неву: из окна не было видно набережной – и казалось, что холодная темноватая аудитория сама по себе плывет, несется куда-то по свинцовым невским волнам...) Букву «р» профессор выговаривал по-петербургски, – то есть, слегка грассируя. Эта не дающаяся ему «р» перекачивалась меж других, относительно безопасных букв алфавита точно ручей по камешкам, и в устах мечтательно-конкретного Дуси это выглядело даже симпатично.

Непонятно когда и почему – разве что вследствие особой мягкости характера, закрепилось за преподавателем это уютное прозвище.

Дуся носил профессорскую бородку-эспаньолку. Его спокойный высоковатый голос отличался вкрадчивыми интонациями (и даже очки в золотой оправе с овальными, повторявшими форму глаза стеклами так же, словно украдкой, поблескивали в тускловатом свете просторного класса). И почему-то все начинающие академисты непременно ожидали от Дуси каких-то неявных для себя неприятностей (каковые, стоит заметить, и происходят-таки порой от людей подобного вкрадчивого склада). Однако шли годы учебы, а профессор, вопреки опасениям молодняка оставался все тем же милейшим и добродушным Дусей – и в отличие от других преподавателей умел не только толково и внятно объяснить, чего он ждет от своих студентов, но и научить их каким образом следует того достигнуть.

Расхаживая по классу, Дуся вдруг останавливался, снимал очки. Потом, не спеша, тащил из кармана клетчатый платок, дышал на плоско отблескивающие стекла, неторопливо протирает, наводил на люстру. Пропуская меж пальцев рыжеватую бородку, он какое-то время задумчиво рассматривал тускловатые хрустальные подвески.

– «Больше, больше воздуху, господа!.. воздух – вот для нас главное, – негромко, словно бы сам для себя, заключал Дуся, и его мягкий с характерным петербургским *grasseuement*³ голос наполнялся энтузиазмом. (И даже само это слово „воздух“ профессор произносил с проникновенной ласковостью). – Да-с, в хорошем пейзаже, прежде всего, необходим вольный дух, свежесть, пространство!»

Помолчав, он проделывал все манипуляции в обратном порядке: совал в карман платок, вновь цеплял на нос очки, безуспешно пытался заправить за уши сопротивлявшиеся дужки. Мечтательные интонации профессорского голоса вызвали желание немедленно распахнуть форточку и впустить, наконец, в качестве натурщика хоть немного этого столь обожаемого Дусей воздуха (который в Петербурге целиком состоит из крепкого невского ветра, да еще и с особым ледяным, полярным привкусом).

– «Есть ли он у меня этот воздух?» – художник чихнул и, уныло терзая нос, глядел на холст. Вновь сравнивал свое творение с сиреновой реальностью – и вновь выходило не в пользу холста. Действительность, словно бы его дразня, выглядела особенно живой, подвижной, ветреной, – да еще и звучала на разные голоса. Загромыхало в водосточной трубе – гора ледяной крошки с пугающим шумом изверглась на тротуар. По низу заметно подмораживало; холодный воздух насквозь, до дрожи пронимал весенней прелой свежестью.

– «А нужно чтобы так же зябко как мне теперь стало бы всякому кто будет глядеть потом на картину. И чтоб услышал он, например, как с крыш капает, как шуршат, шаркая по снежной крупе калоши той бабы в сером платке... Определенно есть какая-то загадка. Не умение, не техника... но что? Взять того же зрителя: вроде бы посторонний для меня человек –

---

³ грассированием (франц.)

а запросто ведь распознает и мой настрой и эту промозглую сырость. Так себе получился этюд, – но сам-то я точно знаю, каков он должен быть. И не водит ли моей рукою тот, кто хочет через меня доставить свой взгляд на этот мир? И не следует ли из моих предположений, что я с моим даром ничто – всего лишь проводник, инструмент в чьих-то руках?.. Говорят же, что пленэрный этюд есть прикосновение к Богу...» – Ему вдруг представился людный вернисаж. Подле большой ярко освещенной картины (не той, что стояла сейчас на этюднике, – но другой, прекрасной, главной, которую он непременно когда-нибудь напишет) кругами ходят зрители. Поначалу они пробегают мимо – потом, словно споткнувшись, возвращаются. Подойдя ближе, молча вглядываются, оценивают самые мелкие детали, рассуждают про композицию, колорит. Хвалят.

Кто-то пятится, разглядывая картину в кулак. Хорошенькая барышня с серьезным и строгим видом быстро пишет в переплетенную сафьяном книжечку. (Не раз уж замечал он это при страстие барышень писать на вернисажах – непременно какая-нибудь похожая на курсистку девица деловито строчит тонким карандашиком). – «И чего они только там расписывают? И если бы еще хоть что-то понимали в нашем деле».

Будучи не в силах отвлечься от приятного видения, художник застыл, обняв себя за суконные черные локти. И таким заманчивым представился ему образ будущей картины: увитые зеленью арки, легкие фигуры – и все это нежно расплывается, мреет в прозрачном итальянском воздухе...

Не замечая холода, он смотрел на желтые фасады. Внезапный порыв ветра едва не сорвал с головы шляпу. Хлопнув по тулье, художник поежился, потянул носом, вынул изо рта папиросу (глаз давно уж слезился от едкого дыма), отбросил в сторону. Тлеющий кончик начертил в сиреневатом воздухе светящуюся алую дугу, веером искр рассыпался по мостовой. Художник наобум потыкал кистью в палитру и, подступившись к холсту, тронул основание колонны, бросил недостающий блик на фасад, подсинил масляные небеса. Нужно было спешить. Отложив кисть, он мастихином растушевал верхний угол, наскоро подправил пальцем. Близо вглядываясь, невнимательно вытер палец и мастихин разноцветной тряпкой. Прищурившись, вновь приценился к улице: бутылочный блеск льда, гармония парных колонн, общая мягкая освещенность. И все это – прелестное, легкое, цветное – не давалось, ускользало, не желало переселяться на полотно...

Меж тем на глазах мрачнели сероватые тени. Овальные окна из лимонных сделались янтарными, – свет в них потеплел, загустел точно мед. Почти не различить уже было красок; львиные маски над узорчатыми театральными подъездами то ли хмурились, то ли улыбались и все больше напоминали характерное со знакомыми бакенбардами Пушкинское лицо. (Слишком растиражированное оно мгновенно узнавалось в любом мало-мальски похожем очертании).

Порывистый мартовский ветер свободно разгуливал по темнеющему простору улицы. (Не тот ленивый ветерок, что летом гоняет по подворотням запах кошек и табачного дыму, – нет, этот был молодой, сильный, дышащий свежестью залива, ледяной влагой Балтики). Нырнув сквозь хоровод голых лип на Чернышевой площади, ветер помедлил, затаился за углом – потом, словно бы опомнившись, привычно разогнался, загремел железными листами крыш, сполз по гулкой водосточной трубе – и всем порывом, всей воздушной глыбой обрушился на мостовую. Резвясь, поднял в воздух обрывок газеты, закрутил маленький вихрь из уличного мусора, смел в подворотню пару-тройку шуршащих окурков. Бросился наперерез неторопливой пожилой чете (и он и она тут же почтительно склонилась перед шквальным натиском). Едва не свалил пошатнувшийся этюдник, мимоходом заворотил суконную крылатку художника. (Тот оттирал радужной тряпкой цветные лунки ногтей и заледеневшими непослушными пальцами собирал кисти и закручивал, то и дело их роняя, крышечки на свинцовых, мягко гнущихся тубиках).

Художник напоследок взгляделся в перспективу. Говорят, что симметрия лежит в основе вселенной. – Хм... да можно ли математической формулой расчесть гармонию? И разве одной лишь сухой логике цифр подчиняется красота? Городские пейзажи в основном унылы – а все же взору эстета есть чем поживиться в Петербурге. Например, таким вот триумфом пропорций или драгоценным проблеском шпиля в голубоватой перспективе проспекта. Чугунной садовой решеткой, фильтрующей сквозь черные кружева сероватый холодный воздух. Невнятной улыбкой флорентийского льва, встряхнувшего мраморной гривой на ступенях богатого особняка. Нескончаемой стеною дворцов, застывших на набережной... – да мало ли чем еще.

В крупитчатом рыхлом снегу точно в речном песке вязли колеса экипажей, повсеместно уже сменивших легкие саночные полозья. Лошади напрягались, выдыхали туманный пар и все косили куда-то в сторону агатовым кротким глазом. Небо с мечтательными многоточиями звезд, с червонного золота месяцем, похожим на половинку обручального кольца темнело точно бархатный потолок над этой странной, лишь для красоты выдуманной улицей.

Одну из сторон целиком занимало Театральное училище; Терпсихора об руку с Мельпоменой воспитывали здесь будущих актеров, а также танцовщиков для Императорского классического балета – того, что и столетие спустя будет возглавлять перечень главных национальных ценностей совсем уже другой России. В закрытом для посторонних глаз учебном заведении ковались и шлифовались до блеска уникальные человеческие изделия, получавшие на выходе звонкое звание артистов Императорских театров. Производство работало бесперебойно, труппы столичных и иных театров пополнялись из года в год все новыми сильфидами и амурами. Училище во все времена особо опекалось императорской фамилией, здесь царили свои незыблемые устои, а казенная жизнь учеников была расписана жестко и непреложно.

И в соответствии с многолетней традицией на нынешний мартовский вечер назначен был в училище выпускной экзамен-концерт.

По столь важному случаю ожидалось прибытие Государя и прочих членов августейшей фамилии. Красная ковровая дорожка спускалась с пологих ступеней и продолжалась потом на тротуаре; бдительный служитель ревностно оберегал праздничную алость от случайного грязного башмака. (Впрочем, желающих пересечь сей охраняемый рубикон пока что не находилось – дорожка оставалась девственно чистой). Училищное начальство в полном составе вышло теперь на улицу, чтобы встречать у входа высочайших гостей.

Кареты одна за другой подкатывали к широкому училищному крыльцу. Кренясь и громыхая, разворачивались и беспорядочно толпились потом у освещенного входа. Лошади дыбились, – их с трудом удерживали бородатые кучера. Лакеи, соскочив с запяток, бежали отворять дверцы и раскладывать нахолодавшие ступени. Важные гости, слегка сутулясь, выбирались из карет и торопливо шли по дорожке.

Радуюсь возможности приступить к своему главному делу, топорща усы, и надувая сизые от холода щеки, оглушительно засвистели городовые (суета их привнесла в атмосферу встречи как раз ту торжественно-суматошную ноту, что и сопутствует всегда прибытию высоких персон). Не вынимая свистков изо рта, стражи порядка решительно теснили не слишком многочисленных любопытствующих, сбежавшихся на их оглушительный свист.

Спустя минуту, сотряся мостовую орудийным топотом копыт, великолепная царская тройка с расчетливой точностью подлетела – подкатила почти вплотную – к училищным ступеням. Всхрапывая и бурно дыша, так что ходили их вздрагивающие лоснящиеся бока, резко встали лошади казаков, верхом сопровождавших этот самый главный столичный экипаж.

Служитель еще раз старательно и неторопливо обмел и без того чистую ковровую дорожку. Швейцар, не проявляя излишней суетливости, со спокойным достоинством отворил и придерживал тяжелую входную дверь. Городовые вытянули руки по швам, вздернули подбородки и замерли, без выражения глядя прямо перед собою.

2

Внутри здания все так же все было залито светом. Люстры сияли, дробя и множа радужные огни в промытых хрустальных подвесках. Лестницы, обычно унылые, теперь из-за расстеленных пестрых дорожек приобрели вполне украшенный и веселый вид. (Выходило так, словно и ступени принарядились по случаю торжества и теперь в нетерпении ожидали той минуты, когда с удобством и мягкостью пройдутся по ним важные государственные ноги).

Все блестело парадной чистотой. Праздничными запахами наполнился теплый воздух. Скипидаром и мастикой навевало от малинового, атласно лоснящегося паркета (не зря спозаранку скользили по коридорам конькобежцы-полотеры с пристегнутыми к мускулистым ногам щетками). Вовсю благоухала рассыпная французская пудра, и витали девические не слишком тонкие преимущественно цветочного свойства духи. Пахло также натопленными печами и табачным дымом и какою-то праздничной снедью – судя по ароматам, печеной ванильной и сдобной...

И что-то еще – неопознанное, невнятное, связанное с приближением Чрезвычайно Важного События, – незримо витало, носилось в воздухе жаркими сквозняками.

Заметим, что более или менее одинаково (по крайней мере, чрезвычайно похоже) происходит подобная акция в любом заведении – независимо от времени и пространства, в котором оно, заведение, существует. Ни годы, ни десятилетия (ни даже столетия, промчавшиеся над головами учеников и их менторов) не привнесут новизны в событие, именуемое Выпускным актом – равно как и эти наставшие новые времена не изживут и не изменят его волнующей сути. Суетливой рысью, топая и косолапя, с выражением крайней озабоченности на взволнованных красных лицах все так же будут пробегать бестолковые служители – и начальство все с тою же отрывистой краткостью будет раздавать последние команды. И особенно полно, на правах главных виновников, включены будут во всеобщую суматоху ученики...

Ученики (теперь уж они были выпускники) в волнении толпились за кулисами учебного театра. Небольшой по размеру театр имел довольно просторную сцену, позволявшую осуществлять полноценные драматические и балетные постановки.

Сцена!.. как забьется сердце артиста при одном только этом слове. Как уютно светит здесь электрическое солнце, как манят фальшивые колонны, увитые фальшивым же плющом! Отчего так много душевной энергии отдается сцене – этому довольно незатейливому изобретению человечества? С благими – или напротив с сомнительными намерениями сооружен был некогда этот дощатый подиум, навсегда приковавший к себе внимание публики? И служат ли высокому его адепты – или втайне препоручили они свои души лукавому? Да и нужно ли объяснять театр – явление отнюдь не новое и вовсе не главное в списке важнейших человеческих ценностей? Короткое слово – но как много скрывает оно: самоуверенность и страх, провал и взлет, падение и славу. Провозглашает самоотверженное служение искусству – и не избегает при этом ни зависти, ни коварных интриг. Скольких соединяли театральные подмостки – и скольких разделяли они; сколько громких имен рождали – и погружали затем в небытие. И каждый последующий, ревниво озирая сценическое пространство, мнил себя обязанным подняться выше своего предшественника. А иначе, зачем и вступать на прельстительное поприще, зачем выходить на обозрение столь многих глаз, так внимательно и жадно за тобою следящих? И если никогда не стояли вы, читатель, перед готовым распахнуться занавесом, если не накрывала вас с головой волна зрительских оваций, если не летели вам под ноги, роняя нежные лепестки, охапки сладких роз – словом, если не переживали вы ничего подобного, значит вы не артист, вы... счастливый человек! Вы не заражены бациллой актерства, вас не поразил сей неизлечимый недуг... да и слава Богу! Значит не знакомо вам

болезненное тщеславие, страстная жажда аплодисментов; значит, не тоскуете вы в ожидании новой роли, не ждете блестящей газетной рецензии...

Но и не дано тогда вам, непосвященному постичь тайну артистической души – не суждено понять тех, кто всерьез вознамерился провести главную (и лучшую – заметим, лучшую!) половину собственной жизни в придуманном, обманном и двойственном мире театра. Занавес – вот что разделило на две противоположные, но и взаимодополняющие половины артистов и зрителей...

Накаленный воздух кулис буквально искрил сейчас от нервного, почти осязаемого, почти электрического напряжения. (И должно быть, не одну свою новейшую и ярчайшую чудо-лампу могли зажечь бы изобретатели «русского света» господи Лодыгин и Яблочков, трансформируя они высокий накал закулисного волнения в плохо изученную, мало кому понятную энергию электричества).

Небольшой училищный театр олицетворял собою едва ли не весь театральный мир – мир взбалмошный, тщеславный и суетливый. В тусклом свете дежурных ламп рассеянно бродили похожие точно сестры выпускницы, – и все как одна они были красавицы. (Таково уж свойство театрального грима, умеющего даже из будничной серой невзрачности сотворить ошеломительную праздничную красоту).

Мерцали в полутьме подведенные глаза, порхали мотыльки баснословных ресниц; красавица щурилась, глядявалась в зеркало – и вдруг спохватившись, с лихорадочной поспешностью принималась повторять свою партию. Отрешенный взгляд делался сосредоточенным, подкрашенные губы беззвучно шевелились; взлетали и опадали лепестки пышных юбок – и казалось, что после намеренно затянутого прыжка танцовщица не слишком-то торопится приземлиться (да уж, не в этом ли воспарении над действительностью как раз и заключена пресловутая магия балета?)

Всеобщее волнение достигло уже наивысшей точки. Установилась та тревожная тишина, какая бывает в природе перед грозой – лишь изредка нарушалась она бодрым дроботком балетных туфель. (Твердые проклеенные носочки танцовщицы разбивали маленьким молотком, потом засовывали туфельку в дверь меж косяком и петлями, намеренно расплющивая потрескивающий мысок; затем атласные пяточки штопались суровыми нитками – и все эти последовательные хитрости проделывались, во-первых, для того чтобы туфли не казались для пальчиков железным футляром, во-вторых, чтобы не скользили и, в-третьих, чтобы твердые носочки не барабанили так явно и гулко по дощатому полу сцены).

Солидно покашливая, с выражением надменности на безусых лицах прохаживались вдоль зеркал молчаливые выпускники. Время от времени они также принимались разминать мышцы и тогда сосредоточенно прислушивались к собственным телесным ощущениям, стараясь почувствовать и отладить каждый мускул. Танцовщикам надлежало быть атлетами уже и для того чтобы наглядно продемонстрировать на сцене райскую бестелесность своих партнеров (которых им нужно было вовремя подхватить, подбросить и снова поймать – и все это без малейшего видимого напряжения, с радостной улыбкой на вдохновенном лице).

Преподаватели выпускных классов также были теперь за кулисами и поспешно повторяли с ненадежными учениками (а такие непременно найдутся и в Императорском Театральном училище) те сомнительные места, что безусловно требовали еще одной последней репетиции. Наставники беззвучно хлопали в ладоши, командовали: «Можно. И-и р-раз!...» – и небрежными движениями кистей изображали то что их воспитанникам надлежало проделать ногами. (Эти на посторонний взгляд странные жесты мгновенно, почти с полунамека понимались теми, кому

они были предназначены). Ученики послушно выполняли – а наставники наблюдали за ними внимательным, впившимся взором.

Музыканты маленького оркестра, специально приглашенного дирекцией для сегодняшнего концерта деловито строили уже инструменты, прислушиваясь к ним склоненным ухом и производя ту самую оживленную какофонию какую устраивают все без исключения оркестры мира. Под звуки этих нестройных хаотичных пассажей тревожно и весело бились сердца выпускников, в последний раз выходявших на школьную сцену.

Уже и публика с суетливым, жужжащим гулом роилась в маленьком зале, и даны были два последних звонка.

Белокурый тонкий Павлик Савицкий, вбежав за кулисы, срывающимся юношеским тенорком тревожно и внятно прокричал: «Приехали – теперь уж приехали все! И Государь император с Государынею прибыли... и с ними наследник цесаревич... и все великие князья!»

(Этим известием наделал он еще большего волнения и переполоха – еще быстрее все задвигалось, закружилось, засуетилось). Волна восторженного нетерпения подхватила и понесла всех, кто в волнении слонялся за потертым бархатным занавесом.

Великие князья во главе с Государем были главными гостями торжества. Личным своим присутствием царская семья как бы освящала событие, придавая ему монархическую весомость и привнося в него толику той прелестной, слегка беспечной королевской романтики, что похожа на крошечную золотую коронку, блеснувшую вдруг в уголке обычного батистового платка.

Выпускной экзамен означал для воспитанников прощание со строгой школой, где провели они все свое детство и большую часть юности. Неудержимо и бесповоротно истекало последнее школьное время. Прощай, прощай, незабвенная *alma mater*⁴ – и спасибо тебе за то, что так упорно и целенаправленно ты пестовала наши юные таланты!.. Здравствуй, новая веселая взрослая жизнь!

Экзамен был событием в общем радостным и сулил выпускникам многообещающую метаморфозу: спеленатая жестким училищным распорядком личинка-куколка сбрасывала сегодня промежуточный невзрачный панцирь, чудесным образом превращаясь в молоденькую бабочку, – очаровательную, но и несколько глуповатую в своем наивном неведении.

Вчерашние школяры получали статус профессиональных артистов. Бабочки и мотыльки расправляли крепнущие крылья, готовясь вылететь в неизведанный театральный мир – и он казался им таким ярким, таким сверкающим! Едва ли не на следующий день начиналась для них взрослая жизнь: карьерные (неприменно блистательные) перспективы, и обвал артистической славы, и непомерное зрительское обожание – да мало ли разных щедрых предпочтений предоставляется молодому человеку на освещенной софитами сцене...

Посмотреть на это превращение учеников в артисты как раз и прибыли главные гости – те, ради кого собственно и продолжалась вся эта с утра начавшаяся суета (суета, приятная уже и потому, что каждому добавляла она собственной значимости – и не только основным, но и второстепенным и даже третьестепенным участникам торжества).

Своим присутствием члены императорской фамилии как бы подводили закономерный итог, подтверждали непреложный факт, – а именно тот, что молодая театральная поросль вполне уже созрела для профессиональной сцены.

– «Прибыл Государь!..» – после столь ожидаемой новости с еще большим нетерпением стали поглядывать на круглые стенные часы («приехали – ну, наконец-то!») и «ах, поскорее бы уж начиналось...» – заговорили все вокруг).

---

⁴ мать-кормилица (лат.)

Танцовщицы ладошками обмахивали раскаленные лица и строили себе в зеркале удивленные гримасы. Загибавшимися к концам пальчиками они осторожно ощупывали узлы глянцевого волос, торопливо подтягивали бретели, одергивали оборки, поправляли рукавички; разогреваясь, прыгали, бросали вверх ноги и накручивали многочисленные пируэты... Все понимали: сейчас произойдет то главное, к чему готовились они весь последний год (впрочем, все долгие училищные годы, слившиеся для них в один сплошной бесконечный экзерсис).

Услышав о приезде Государя, встрепенулась, хлопнула в ладоши и с веселым коротеньким взвизгом подпрыгнула (при этом плеснула, взвилась ее шелковая голубая юбка) молоденькая выпускница – не то чтобы выдающаяся красавица, но очень хорошенькая, очень тонкая в талии девушка с круглыми блестящими глазами. Благодравие послушной ученицы честно изображалось в смиренно-любопытном взгляде этих ярких глаз, и лишь внимательный наблюдатель заметил бы в них и озорство и лукавое кокетство и самонадеянность... и даже готовность к определенному сумасбродству разглядел бы сквозь напускную скромность.

– «Ах, неужели приехали все? И Государь?.. Значит, скоро начнется?» – девушка опрометью бросилась к занавесу. Ее рыжеватые с ореховым оттенком волосы, превращенные горячими щипцами парикмахера в спиральные завитки, подпрыгивали вместе с ней, вздрагивая точно проволочные. Подол расшитого ландышами платья голубой шелковой волной плескался вокруг тренированных твердых ножек – те казалось бежали впереди выпускницы, так что и сама она едва за ними поспевала. Мимолетным пытливым взглядом барышня окинула себя в стенном высоком зеркале.

– «Как идет ко мне голубое! И вот зачем, спрашивается я мечтала о меланхолической модной бледности, если карминовый этот румянец так дивно меня украшает? – Подняв брови, она похлопала ресницами и состроила себе в зеркале томно-надменную мину. – В самом деле мила! Ну чем не Лиза? – она еще повертелась перед зеркалом и, встав в позу, карминово-алыми губами поцеловала воздух. – Лиза... как есть Лиза!»

Во всяком случае, с нею трудно было поспорить: круглые глаза блестели, спирали-локоны раскачивались вдоль нежных висков, щеки жарко алели... – разве не прелесть? Косым ударом пальчиков она отбросила от щеки спиральную прядь, сморщила нос и еще раз улыбнулась своему хорошенькому отражению. В па-де-де из балета «Тщетная предосторожность» барышня танцевала сегодня Лизу; отрывок был выбран ею заранее и уже полгода репетировался с партнером.

– «Как все-таки обожаю я этот чудный балет! Вот именно – обож-жаю! Всегда обожала. По крайней мере здесь много что можно станцевать: и характер, и действие, и озорство. И эта мелкая техника – прямо кружевная... вот люблю повозиться с мелочами, тонко отделать...» – все это накануне вечером она говорила своей сокурснице и подруге Любочке Егоровой. (Сидя на полу под балетной палкой, барышни вели негромкий разговор о предстоящем завтра испытании). Перед важнейшим концертом выпускники в самый последний раз показывали друг другу номера, чтобы получить дельный совет и полезные замечания и утвердиться в мысли, что все, в общем, сделано правильно. Мнение со стороны было особенно ценно.

Любаша хвалила – но и недоумевала.

– «До сих пор не понимаю, Малька, почему именно это па-де-де? Еще и такой тяжелый кусок выбрала... Только ведь кажется простым – на самом деле там столько всего накручено, будто не танцуешь, а крючком вяжешь. Главное, много мелочовки – постоянно думаешь, как точнее прыгнуть, как прийти в позицию... Запросто ведь могут потом придаться. Скажут здесь не дотянула, там не встала, тут не довернулась... Не боишься, что поймают на всяких мелких неточностях?»

– «А что они были? были неточности, да? Ты заметила?» – с тревогой выпытывала Лиза, искоса взглядывая на подругу и дергая себя за пальцы.

– «Нет, ну почему сразу были? сегодня не было – а завтра, например, помешает волнение... да мало ли что. На репетиции все хорошо – а на сцене вдруг перенервничаешь, как раз про мелочи и забудешь».

Лиза помолчала. Прикинув про себя, задумчиво проговорила: «Теперь уж поздно колебаться – раньше надо было думать. И знаешь, Любаша, отчего-то я не сомневаюсь в своем успехе. Вот не сомневаюсь и все. Уверена, что выложусь и станцую именно хорошо. Я, когда волнуясь, будто вдохновляюсь и тогда уж танцую даже лучше, чем на репетиции. И вроде бы мы с Колей все теперь довели до ума, все вычистили... да ты и сама видела. Есть, конечно, несколько совсем уж неудобных мест... там артистизмом возьму, что ли, – она беззаботно махнула рукой, засмеялась. – И вот прямо чувствую себя Лизой! Вот это мое – понимаешь? мой характер, мой темперамент... да у нас с нею и возраст примерно одинаковый! Кстати, как тебе Коля?» – желая получить дополнительное подтверждение в искренности ответа, она пытливо и пристально заглянула подруге в глаза.

– «Хорошо, – та с серьезным видом покивала, – нет, правда, хорошо. Я даже не ожидала от него. А он как раз молодец. Работает в приличном стиле – без этой, знаешь ли, разухабистой русской удалы... по-европейски сдержанно. И с пониманием, что для старинного балета нужен... маленький консерватизм что ли. Вообще, вам обоим идут эти партии. Тебе особенно».

Лиза расцвела. – «Ах, поскорее бы завтра...» – она порывисто, со сдержанной страстью вздохнула. Барышня не признавала полутонов и оттенков. Ее пленяли лишь яркие краски, ею правили лишь сильные желания, ее влекли грандиозные цели...

«Тяжелый», как выразилась Любаша, кусок был на самом деле эффектным и выразительным. И существовало по крайней мере две веских причины для того чтобы танцевать его на экзамене.

Во-первых, Лизанька имела право на собственный выбор экзаменационного танца и грех было этим правом не воспользоваться. (По уставу самостоятельный выбор выпускного номера дозволялся лишь первым ученикам и ученицам – и таковою она всегда считалась в училище).

Во-вторых, именно с этого балета началось осмысление ею своего места в балете. (В «Тщетной предосторожности» балетная ученица впервые увидела знаменитую итальянку Вирджинии Цукки – «неподражаемую, несравненную, божественную» – только так, лестно и всегда в превосходной степени писали о балерине едва ли не все петербургские газеты).

Барышне в то время было четырнадцать лет, и она только фыркала.

– «Ах, уже и божественная! И как только не надоест это бесконечное возвеличивание иностранных гастролерш!» – словно бы раскрывая невидимый бальный веер, девочка отводила в сторону тонкую ручку и саркастически вздыхала. Ей решительно не нравилось засилье итальянок в столичном балете. Тогда же, на перемене, облокотившись спиной о балетную палку, она вслух читала одноклассникам газетную рецензию. Рассеянно слушая, каждая занималась своим делом. Кто-то поливал из старой лейки дощатый пол, кто-то завязывал ленты вокруг лодыжек. Задрав ногу на палку, кланялись истертому носку балетной туфли; сосредоточив взгляд на утонувшей в побелке шляпке гвоздя, неизвестно когда и неизвестно кем вбитого, без устали вертелись, отрабатывая чистоту фуэте. – Да мало ли дел у балетных учениц в танцевальном классе...

– «Можно подумать, что на итальянках свет клином сошелся. Все-таки удивительно как любят у нас славословить! Главное превозносят одних и тех же! – девочка бросила газету на подоконник и, тряся головой, возмущенно поморгала. – Ф-ф-ф! Вот никогда не пойму этого низкопоклонства перед заезжими примами! Будто уж не найти в Петербурге своих достойных танцовщиц... и что за обычай на все лады расхваливать иностранок?» – Ученицы ей поддакивали: «Вот именно, Малька! Любят у нас сделать вид, что в балете никого нет кроме итальянок».

И так решительно, так целеустремленно прыгали потом девчонки на дощатом, обильно политом полу, что, казалось, прямо сегодня они полагали обойти в мастерстве знаменитых итальянских танцовщиц (которые увы, до сих пор оставались непревзойденными).

...Но когда она увидела знаменитую Цукки на сцене, она разом забыла все что думала и говорила прежде. Это было как обморок, как солнечный удар! Итальянская прима не просто ее удивила, – сказать так означало бы не сказать ничего вовсе. Цукки ворвалась в нее точно вихрь, смела все прежние взгляды, поколебала все основы... Итальянка появилась на сцене – и воздух словно бы сгустился, соткался золотым легким облаком вокруг тонкого силуэта. В тот раз Цукки танцевала с Павлом Гердтом, и на эту пару хотелось глядеть бесконечно. Танцовщицы не притворялись влюбленными, но казалось, были влюблены по-настоящему; оставалось лишь завидовать столь гармоничной предназначенности их друг другу.

Гердт запросто мог соперничать в красоте сложения с Бельведерским Аполлоном (и даже в перенаселенной красавцами древней Греции ни Мирон ни Леокар наверняка уж не отказались бы от возможности заполучить для себя столь совершенного натурщика). Будучи еще и прекрасным танцовщиком, Гердт податливо откликнулся на любой каприз своей знаменитой партнерши. На ее улыбку мгновенно отвечал о улыбкой, улавливал малейшую дрожь ресниц, угадывал даже мимолетное движение своенравной римской брови...

– «Что это? – У девочки звенело в ушах, горели щеки, а в мыслях образовался восторженный хаос. Роскошь таланта, блестяще выполненное дело, красота – разве не действует все это на нас подобно сладостному гипнозу? Даже музыка, крадучись, отошла к кулисе – будто бы боялась помешать столь самоуверенному мастерству. И долго еще преследовал ученицу тот сияющий сценический призрак. Стоило сосредоточиться – и тут же возникал перед глазами обрисованный радужным светом силуэт, мелькали быстрые ножки, сияли томные глаза, сверкала осыпанная блестками юбка...

Девочка поймала себя на странном чувстве, имя ему было: ревность. Она ревновала балет к Вирджинии, Вирджинию к Гердту, а их обоих – к публике, ко всем этим невежественным поклонникам, только и умевшим, что хлопать да кричать «браво» – на самом же деле ничего не смыслившим в балете. Ценителями и судьями могли быть лишь искушенные, лишь такие как она сама. Девочке хотелось восхищаться прекрасной Вирджинией в одиночестве, хотелось любить эту фантастическую танцовщицу, не деля ее ни с кем... и главное, чтобы не мешали, не лезли со своими глупыми суждениями.

– «Все! я раб...» – расплетя побелевшие пальцы, она уронила их на колени и с блуждающей мечтательной улыбкой оглядывала потолок. Находясь под впечатлением чужой гениальности, девочка забыла, что нужно дышать, – напало вдруг на нее веселое нервное удушье. Невероятные впечатления высыпались разом, точно ворох цветов из садовой корзины...

– «Так вот ради чего люди годами стоят у палки! Как много времени я уже потеряла! Из того, что я принимала за надоевшую школьную рутину, другие делают шедевры! И да, должен быть не просто дуэт, но полное слияние, глаза в глаза! И непрменный любовный подтекст – такой же упоительный, такой же манящий как у Цукки с Гердтом».

Она вдруг взглянула на балет иными глазами; рассеялся туман детской неосведомленности. Большой талант всегда свеж, всегда оригинален. Итальянка словно дразнила всех своей дерзостью, смелостью, непохожестью на других. А ведь подобное своеволие всегда основано на уверенности. Как же она хороша! Глаз не отвести от крутого подъема, с таким немислимым совершенством изогнутого природой. Почему это так прекрасно?!.. Девочке хотелось прямо сейчас бежать в класс – чтобы танцевать как Цукки. Появился новый взгляд и осознанная цель. Природный азарт торопил, подталкивал к достижению вершин, обозначившихся теперь впереди так ясно, так зримо. Под воздействием чужой гениальности начинаешь лучше осознавать собственные возможности...

Находясь внутри процесса, с малых лет стоя у палки, ученики Театрального училища воспринимают балет как изрядно надоевший школьный предмет. Повседневный, обыденный, временами невыносимо нудный и скучный этот предмет изо дня в день буквально вбивают, вдалбливают – в голову, в руки, в ноги. Балет задуман как праздник для публики. Маленьким ученикам и ученицам – потеющим в ежедневном прилежном усердии, до изнеможения тянущим носок и шею, выворачивающим ступни и коленки – танец видится неким продуманным механизмом. Элементы механизма следует сперва твердо заучивать и потом, обстоятельно каждый шлифуя, собирать в единое целое. Детали соединяются в последовательной жесткой логике – к заданному порядку следует неустанно приучать тело. Если у воспитанника что-то не получается, это значит, что он, воспитанник, недобрал, недоработал, недоучил... Опустив глаза в пол, мальчик или девочка выслушивают негромкую, но весьма внушительную проповедь наставника (одновременно железные пальцы впиваются в плечо ученика ласковой требовательной хваткой). И после этого ученик начинают работать...

Священный огонь возжигается в ученических душах на протяжении всех учебных лет. Великий долг балетного служения осознается воспитанником раз и навсегда; в этом священном жертвенном пламени обречены гореть все прочие жизненные удовольствия. И вряд ли встретите вы ученика более старательного, более сознательного и более упорного (вместе с тем менее унывающего, менее капризного и менее обидчивого), чем балетный. Согласно кивнув наставнику, сжав зубы и стоически сдерживая слезы (или же горестно их глотая), юный приверженец Терпсихоры станет самостоятельно добиваться совершенства – и будьте уверены, он его достигнет. Балетный не успокоится до тех пор, пока невозможное не станет для него простым и обыденным.

Ученица провожала Вирджинию Цукки завистливым взглядом. Это гипноз, это колдовство какое-то – когда чувства передаются без единого слова, лишь в безмолвном движении под музыку. Ерзая на стуле, девочка кусала губы, кусала палец, терзала оборки на платье. Гуттаперчевая итальянка без малейших усилий, ловко и отчетливо творила на сцене чудеса. Девочка не могла понять, как это сделано. Незаметно было привычной механики, стыков и соединений, всех тех специальных гаечек и винтиков, что скрепляют танцевальную конструкцию и как правило, заметны осведомленному глазу. Итальянка не показывала виртуозных штучных достижений (хотя именно так и поступали многие балетные артисты) – она проживала на сцене жизнь, полную событий. То был не балет поз, но сплошное единое совершенство... Казалось, невозможно уж сделать лучше – а все-таки каждое последующее раc было безупречнее предыдущего. Взлет в недостижимые высоты – и при этом живой естественный юмор. Мечтательность – и одновременно трезвый жизненный смысл...

В глазах итальянки, в ее детской искренней улыбке отражались все движения трепетной души. Подлинные – видно ведь, что подлинные!.. Рядом с Цукки танцевала ее тонкая тень, и какая-то невесомая сверкающая пушинка все порхала подле слоеной воздушной юбки...

– «Господи, да разве возможно такое сотворить? Все движения как залигованные ноты. А линии – изгиб спины, поворот шеи!.. А руки! Нет, она гений, гений! Не могу я даже приблизительно разгадать ее секрета. Только так и выглядит идеал. Выходит, что я ничего не знаю, ничего не умею...»

Талант итальянки точно беглый солнечный луч, без разбора, без особого намерения, осветил неизведанные темные углы. Воспитанница балетного отделения никогда раньше в них не заглядывала – а ведь там, в сумраке сверкали сокровища...

– «Теперь-то я знаю, что впечатляет лишь одержимость, лишь фанатизм. Да – и еще непременно запомнить! Все чувства должны быть настоящими, это дорогого стоит».

Выйдя тогда из театра, она долго не могла прийти в себя. С отсутствующей улыбкой следила глазами за высоким стройным господином – не Гердт ли? Что она? Где она? Вернувшись

из того яркого, ошеломительно-прекрасного сценического мира, в этом, тусклом и обыденном, она потерялась. Девочка стояла одна, посреди всеобщей суеты, растерянно озираясь.

Ее задевали, толкали – она не чувствовала. Лишь когда совсем близко, почти над ухом, хлопнула дверца отъезжавшей кареты, она отпрянула, огляделась. Словно бы очнувшись, медленно приходя в себя, заторможенной слепой походкой она побрела отыскивать одиночку, которую отец пообещал выслать за ней к театру.

– «Я только теперь поняла, что такое балет! – прижимая ладони к горевшим щекам, говорила она вечером старшей сестре. – Цукки будто поселилась у меня в голове! Поселилась и живет там со своими тонкими ручками!.. Представь – пока я ехала домой, она всю дорогу стояла у меня перед глазами. Не знаю, как тебе объяснить, но меня тянет туда где она танцевала! С ней невозможно расстаться... – то ли с самой Цукки, то ли с ее Лизой. Понимаешь, она вдруг стала мне необыкновенно близка! У меня такое чувство, что ее надо оберегать, что другие не понимают, как она прекрасна. Как я ей завидую! И, слава Богу, у меня теперь есть цель: буду учиться танцевать как Цукки! Потому что она гений – подлинный, настоящий гений! Это непередаваемо, что творила она на сцене – и даже примерно не смогу я тебе описать! А ведь балет-то комический. Но, понимаешь... это было божественно!..»

– «Да?..» – старшая сестра рассеянно бросала в чашку кусочки наколотого сахара и помещивала, звеня ложечкой.

– «Я влюбилась в нее... понимаешь – по-настоящему влюбилась! И еще: какой чудной Марцелиной был Энрико Чекетти! Я знаю, что это всегда мужская партия – но ты только вообрази: маэстро Чекетти в юбке! Это с его-то мускулистыми мужскими ногами! Но как же он был виртуозен! я смеялась все время... и восхищалась. А Цукки... лучше ее нет на свете!»

– «Тебе так понравилась эта итальянка?»

– «Понравилась? Я даже не знала, что такое возможно!»

Старшая сестра иронически приподняла бровь.

– «Мне кажется, ты слишком восторженна. Может быть, Цукки и впрямь отлично танцует – спорить не стану. Но я заметила, например, что иногда она позволяет себе выйти на сцену не слишком-то хорошо причесанной. Да и не молоденькая уже. А для Лизы так и вообще старовата...»

Младшая смотрела на нее исподлобья. Юля вздохнула.

– А впрочем, что ж! Ну и старайся, и дерзай, ангел мой. И, в общем, это похвально, что наконец-то у тебя появился идеал – сестра покачала ногой в полуснятой домашней туфельке. – Вот уж никогда я не задумывалась, и только сейчас пришло в голову. Отчего так похоже звучит: «идеал», «идол»? Неужели совпадение?»

Младшая вдруг взвилась.

– «Вот именно, Юля, не мешало бы тебе чаще задумываться! И пожалуйста, не надо принижать моего кумира своими глупыми дамскими замечаниями! И обывательскими вдобавок! И мерзко будничными! Гений вправе быть слегка растрепанным – возьми вон хоть... Бетховена! И ничего предосудительного я в том не вижу – наоборот, так даже интереснее! И не нужно этих твоих противных намеков: „идол!..“ – Ф-ф-ф! Вообще не понимаю, зачем ты мне все это говоришь! Я приехала воодушевленная, счастливая – так нет же, непременно испортишь настроение! И у тебя это получилось, поздравляю!» – выговорив свою отповедь, младшая развела руками, картинно поклонилась и так стремительно вылетела из комнаты, что хлопнувшая дверь прищемила подол ее чесучовой юбки. (Вильнув, та замешкалась – и как всегда несколько отстала от своей порывистой хозяйки).

Старшая сестра взяла из вазочки печенье и близко поднесла к глазам, придирчиво изучила облитую шоколадом клетчатую поверхность.

– «Нет, я что – разве против? Я и говорю, что твоя Цукки душка прелесть и знаменитость... и все такое... и чего тут обижаться не понимаю», – спокойно проговорила сестра, огля-

нувшись на дверь. Она уже привыкла к шумным демаршам младшей и теперь ограничилась легким пожатием плеча.

С тех пор наша барышня не пропускала ни одного выступления великой Вирджинии. Она запоминала все бессчетные, на одном дыхании выполненные фуэте и чеканный поворот изящной маленькой головки и проворную легкость ножек – и даже широкий пояс со сверкающей алмазной пряжкой, так красиво обозначивший тонкую талию. И невесомые руки, певшие свою отдельную мелодию в унисон с оркестровыми скрипками... Цукки стала предметом обожания, вожденным томительным идеалом (что уж греха таить, недосыгаемым). Как должные, как вполне заслуженные принимала теперь девочка и газетные дифирамбы, и неумеренные восторги публики. Раз и навсегда влюбившись в итальянскую танцовщицу, она заодно влюбилась и в простодушно-веселый балет – тот, где увидела она впервые своего кумира.

И если невыносимо нудным казался обязательный ежедневный экзерсис, если надоедали бесконечные монотонные повторения, девочка мысленно переносилась в тот незабываемый вечер, говоря себе, что триумф невозможен без рутины. Образ Цукки действовал на нее как вдохновляющий эликсир...

Потому и выбрано было для выпускного экзамена именно это па-де-де.

Чтобы взбодрить некоторую архаичность хореографии, она добавила в партию Лизы собственной беспечности и определенного веселого пренебрежения к устоявшимся классическим канонам. У барышни было все, чтобы завоевать балетный Олимп: послушные мягкие ножки, крутой подъем («почти как у Цукки» – думала она, глядя в классное зеркало) и выразительные тонкие руки, и высокий затылочный прыжок... Она знала себе цену и в глубине души надеялась очаровать зрителей, главными из которых были Государь и Государыня.

Нет, – главным все-таки был Государь...

...Государь Александр Александрович шел по училищному коридору, шурясь, поглядывая себе под ноги, словно бы гася о пеструю ковровую дорожку взгляд насмешливых светлых глаз. Большой, с могучими плечами и широкой грудью (при каждом шаге вздрагивали на ней золотые шнуры), царь подкручивал кончики своих соломенных усов, и встречные с поклонами расступались по сторонам дорожки. Широкий училищный коридор казался неожиданно узким в сравнении с массивной, почти квадратной фигурой самодержца. О недюжинной силе царя ходили легенды. Говорили, что забавы ради он легко сгибал пополам серебряный рубль и железными пальцами сворачивал потом в трубку. И в забавном противоречии с мощным обликом императора летел теперь вслед за ним странно нежный, с едва уловимым лимонным оттенком аромат кельнской воды, мешавшийся с запахом кожи от только что снятых перчаток. Прямоугольная светло-русовая борода несколько простила лицо Государя, придавая ему мужицкое, хитроватое выражение. Александр Александрович и впрямь напоминал кряжистого русского мужика, бурлака – под его тяжелой поступью прогибался и скрипел красноватый паркет училищного коридора. (Поговаривали в столице, будто именно с Государя и писал художник Васнецов центральную фигуру своей славной былинной троицы).

Члены царской фамилии уже рассаживались на приготовленные для них места. Все смотрели на императорскую чету. Государыня Мария Федоровна, остановившись у дверей, заговорила с великим князем Владимиром Александровичем, слывшим большим любителем и знатоком балета. Великий князь Владимир склонился над рукой императрицы и, расправляя усы, улыбаясь, почтительно слушал.

3

Итак, наша Лиза собралась произвести на высокопоставленных ценителей и судей примерно такое же впечатление, какое получила некогда сама, наблюдая за выступлением итальянской примы. Нынешним вечером судьба дарила ей этот шанс – подносила на золотом блюдечке. Танцевать так же вдохновенно как Вирджиния Цукки!..

– «Наконец-то настал мой звездный час! Я покажусь им во всем блеске. Государь непременно должен меня заметить. Нельзя упустить момент – это было бы глупо, глупо... И когда еще выпадет мне счастливый случай станцевать сольную партию перед их величествами... перед всею царской фамилией».

Стоя за тяжелым занавесом, девушка вынужденно близко рассматривала его неказистую изнанку. – «В этом и есть скрытая суть театра... К зрителям он повернут бархатом и позолотой, зато к артисту невзрачной и грубой дерюжкой», – философски заключила барышня, прислушиваясь к шуму по ту сторону занавеса. С рассеянной улыбкой она поцарапала ноготком тканый испод, нервно потопала атласной туфлей, оставившей на свежeweымытых досках мучнисто-белый канифольный след. (Канифолили подошвы, чтобы не скользили, и всегда в углу стоял деревянный, с низкими бортами короб, полный янтарно-золотистых камешков, позже раздавленных в пыль ногами танцовщиков; от короба в разные стороны разбежались белые следы тех, кто уже успел потоптаться: большие мужские и маленькие девичьи).

Барышня невнимательно расправила голубые оборки, трижды – мелко и быстро – перекрестилась. Вся императорская фамилия будет смотреть на нее сегодня... – и не просто смотреть, но придирчиво оценивать. Именно для этого они и собрались в их маленьком зале. Но как же вдохновляет высочайшее внимание!.. Отыскав на полотнище занавеса едва заметное рваное отверстие (кто-то из учеников провертел явно для наблюдения за зрителями), девушка встала на цыпочки и, постукивая в пол атласным носком туфли, рассматривала немногочисленную блестящую публику.

– «Attention! Государь император входит в залу! И Государыня... в каком роскошном платье! Ах, все рассаживаются в кресла!..»

– «Пусти, пусти, дай же и другим взглянуть! Подвинься, Малька, ты ведь не одна здесь!» – заgrimированные большеглазые танцовщицы столпились у занавеса. Им хотелось рассмотреть царя и высочайшее семейство. Девчонки настойчиво теснили Лизу с ее наблюдательной позиции, которую та держала с упорством бойца, обороняющего главный рубеж.

– «А за Государем, кажется... точно – наследник Николай Александрович! его императорское высочество...»

Лиза вдруг спохватилась: высокопоставленные гости вполне могли ее слышать; ахнув, она проворно отпрыгнула от занавеса, ладошками прихлопнула смеющийся рот.

Подоспевшая классная дама уже шикала на своих взрослых воспитанниц. Не имея возможности сделать громкий выговор, madame прикладывала палец к губам и с сокрушенным видом качала головой. Ее красивые глаза, сильно увеличенные стеклами пенсне, выражали скорбную укоризну; тонко подрисованные брови неодобрительно ползли вверх. На возмущенную наставницу, впрочем, не слишком и обращали внимание, – с сегодняшнего вечера власть madame неумолимо приближалась к логическому концу.

Подпрыгивая, шепотом пререкаясь, сталкиваясь руками, голыми плечами, выпускницы по очереди приникали к невидимому бархатному перископу. Шум, возня, вскрики, писк, приглушенный хохот. И тут же – шиканье, шепот, шуршание накрахмаленных юбок.

– «А наследник-то, наследник – какой право душка! И как хорош собою, – прямо ведь красавчик! Прелесть как хорош!»

– «Пусти, пусти, покажи, – который из них наследник?»

– «Да вот же, вот! – И правда, какой хорошенький! Как бы я мечтала с ним познакомиться!..»

– «Позвольте, а где же Государыня? Малька, где ты видела Государыню? Ее величество, похоже, не приехала...»

– «Не может быть, говорили, что Государыня непременно будет, – она обожает балет. Она и сама много танцует на балах... – да вон же, вон Государыня! там, у дверей... Боже, в каком красивом платье!»

Император опустил в скрипнувшее кресло и, поворочавшись, устраивался в нем поудобнее. Слегка поморщившись, он сунул ладонь за тугой воротник кителя, покрутил головой, расстегнул давившую пуговицу. Достав из кармана платок, отер лицо, быстрым насмешливым взглядом окинул маленький зальчик.

Наследник Николай Александрович уселся рядом с отцом, так же рассеянно огляделся. Что-то сказал императору и, подняв глаза к потолку, разглядывал цветной плафон. Подошла императрица Мария Федоровна, – красивая, не по годам стройная, с тонким, как у девушки, станом. Вьющиеся светло-каштановые волосы разделены ровным пробором, ожерелье из крупного розоватого жемчуга в несколько рядов вокруг гладкой белой шеи. Продолговатое личико императрицы (все еще свежее, с твердым овалом, с ямочками на щеках) выражало веселое добродушие; казалось, ее величество постоянно удерживается от смеха, иронически наморщив нос и сжав яркие губы. Императрица приветственно покивала вставшим зрителям, жестом усадила их в кресла и сама села рядом с мужем.

Как всегда неожиданно, в зале погас свет. Легкий сквознячок смешал в один обольстительный аромат разнообразные запахи духов. В темноте мгновенно утихли говор и суета, лишь в углу слышались сдержанные покашливания да легкая возня. Перхающая вереница чьих-то многократных чиханий возникла и тут же сошла на нет, задушенная вытянутым из кармана платком. Кто-то со стуком что-то уронил, – под кем-то громко заскрипело кресло; без таких сугубо театральных звуков не обходится, пожалуй, ни один зрительный зал в мире.

Неровно и неуверенно, точно внезапно начавшийся дождик, пробежался по залу шум снисходительных аплодисментов, – и это был своеобразный аванс для молодой артистической поросли в предвидении ее будущего взрослого успеха. Неторопливо, с ленцой, с отчетливо слышным металлическим скрежетом разошелся на две стороны занавес, – глазам зрителей предстал ярко освещенный прямоугольник сцены. Взмыл смычок над плечом скрипача и словно бы на цыпочках вкрадчиво вошла и зазвучала, запела музыка. Выпускной концерт-экзамен начался.

Снаружи, на весенних городских улицах, было темно и сыро, пронизывающий ветер дул со всех сторон, а здесь на маленьком пространстве сцены длился вечный солнечный день. Молоденькие выпускницы, похожие на пышно разодетых кукол, вдруг ожили и закружились, затанцевали в потоках яркого света. Их фарфорово-румяные личики казались сказочно красивыми, прозрачные, цветного стекла глаза загадочно сверкали в свете новейших электрических ламп.

Петербургский балет во все времена был обласкан властью, – это был балет имперский, классический, пышный. Тривиальные человеческие телодвижения – те, каким в повседневном обиходе мы не придаем вовсе никакого значения, здесь на сцене наполнялись вдруг особым смыслом и ценностью, и красотой. Жест, поза, неожиданный поворот, – все это было возведено в культ, выверено, отточено, огранено. Молоденькие исполнительницы блистали точно драгоценности, выставленные на всеобщее обозрение.

Царь с довольной улыбкой наблюдал за происходящим на сцене. Обычно собранный, мрачноватый, почти всегда насмешливый, он позволил себе теперь если не расслабиться, то, по крайней мере, переключиться на иной вид государственной деятельности. («Ex officio, – и ничего уж тут не поделаешь», – говаривал царь в таких случаях, пожимая квадратными плечами). Подобного рода обязанности были необременительны и в общем-то, приятны. Покровительствуя музам, царь отдыхал душой. Созерцание этого изящного искусства, обрамленного легкой музыкой, украшенного молодостью и грацией, доставляло Государю явное удовольствие. На самом деле он замечал и выучку, и накал волнения и то старание, с каким балетная молодежь выходила на училищную сцену. (Присутствие монарха на выпускном экзамене естественным образом способствовало душевному трепету и радостной приподнятости).

Впрочем, выпускники Императорского театрального училища были вполне уже готовыми артистами, свои партии они исполняли с непринужденным, почти автоматическим профессионализмом.

Приступили к показу сольных работ.

Держась чрезвычайно стройно, мелькая из-под длинной сборчатой юбки челночками атласных туфель, выбежала на авансцену тоненькая выпускница. Встав в преувеличенно грациозную позу, заметно волнуясь, слегка подавшись вперед, напряженным звонким голосом она объявляла номер за номером. Высокие зрители благожелательно приветствовали всех, справедливо полагая, что аплодируют не просто мальчикам и девочкам, но будущим звездам столичного балета.

И вот: «Па-де-де из балета „Тщетная предосторожность“. Исполняют выпускники Матильда Кшесинская и Николай Рахманов».

С неслышной кошачьей грацией объявлявшая танцовщица убежала со сцены, а на позолоченные светом подмостки выпорхнула, держась за руки, очередная оживленная пара: высокий, с рельефными мускулами, молодой человек и девушка в голубом шелковом платье с очень тонкой талией с веселым кокетливым взглядом. (Та самая Лиза, которая так боялась и трепетала, – но и умирала от желания поскорее выйти на сцену). Несмотря на волнение, барышня, кажется, не сомневалась в своем успехе; она даже заранее его предвкушала.

Государь, услышав фамилию выпускницы, поднял бровь и заинтересованно взгляделся. Он давно и довольно коротко знал отца девушки – известного балетного артиста Феликса Кшесинского (к тому времени ветерана сцены, заслуженного артиста императорских театров). Более тридцати лет назад его в числе пяти лучших исполнителей входившей тогда в моду мазурки выписал из Варшавы сам император Николай Павлович, особенно мазуркой увлекавшийся. Феликс Кшесинский будучи патриотичным приверженцем популярного польского танца, до сих пор исполнял его с неповторимым блеском. Безупречная выправка, несколько старомодный шик, вычурная галантность, – все это в случае старшего Кшесинского не казалось ни смешным, ни неуместным; Феликс Иванович выглядел на сцене удивительно благородно.

Мазурка долго оставалась в моде, – и до сих пор это был главный танец столичных бальных зал. (О своей первой мазурке, отданной некому туманному, стройному красавцу, с замиранием сердца мечтала едва ли всякая барышня-дебютантка). Учителя мазурки были вхожи в известнейшие аристократические семейства Петербурга, и Феликс Иванович Кшесинский еще в этом качестве был в столице нарасхват.

Столичная молодежь всегда любила балы. На скользких бальных паркетах завязывались сердечные знакомства, нередко перераставшие потом в романы. Во время вальса, разрешавшего невольные близкие объятия возникали обоюдные симпатии; в мазурке, поощрявшей невинную легкую болтовню, назначались свидания и происходили любовные объяснения. И когда на последних аккордах падала в поклоне голова кавалера и щелкали каблук перед разлетевшейся юбкой партнерши, оба чувствовали себя участниками нежного тайного заго-

вора. Случалось, что балльные знакомства заканчивались подлинными любовными драмами, – и вся читающая Россия переживала (а дамская половина, вздыхая, еще и мысленно проживала) роман между блестящим холостым ротмистром графом Вронским и обворожительной увы, замужней дамой, женою высокого государственного чиновника Анной Карениной. Писатель граф Толстой вольной писательской прихотью соединил этих двоих в пару и послал танцевать мазурку, ставшую впоследствии роковой для обоих. (И тут же неподалеку, нервно обмахиваясь веером, терзается муками жесточайшей ревности прелестная Кити, как раз во время мазурки и потерявшая предположительно влюбленного в нее жениха...)

Вообще, фамилия Кшесинских в Петербурге была, что называется, на виду и на слуху. В кордебалете танцевала поразительно красивая старшая дочь Кшесинских – Юлия и также не без успеха выступал на императорской сцене молодой балетный танцовщик Иосиф Кшесинский: высокий, темноглазый, уже с русскими, аккуратно подстриженными, темными усиками. (В отличие от отца, который до сих пор был патриотично привержен своим шляхетски вислым, желтоватым польским усам). Нынешний император был третьим российским правителем, кому верой и правдой служил Феликс Иванович, – и все это время мазурка оставалась его коронным любимым танцем.

Теперь же самая младшая из семейства Кшесинских – хорошенькая юная Матильда (в семье ее звали Малей, Малечкой) танцевала перед высокой публикой свой выпускной экзаменационный номер. Было заметно, что танцовщица получала явное удовольствие от пребывания на сцене. Она скакала на пальчиках, резвилась, кокетничала, крутилась веретеном, – и все это, судя по беззаботному виду, не стоило ей ни малейших усилий. Скользя по дощатому полу сцены, озорная Лиза кокетливо хлопала ресницами и время от времени взглядывала в глаза Государю.

– «Вот я какая! Вы только посмотрите на меня, только полюбуйтесь мною!.. Да вы и сами в се видите! Я думаю, вы оцените меня по достоинству, – ведь я для вас, только для вас стараюсь!..» – говорил весь ее беспечный и радостный вид. Впрочем, девушка приглашала всех в свой танцующий солнечный мир. Широко распахнув тонкие ручки, Лиза улыбалась так открыто и доверчиво, что высочайшие зрители незамедлительно откликнулись аплодисментами. Начав словно бы вполголоса, словно бы вполноги, она с каждым тактом добавляла в свой танец и жизни, и огня, и грациозного блеска. Исподволь, незаметно танцовщица подчинила себе маленький зал; к общей безупречной выучке она добавила улыбчивой искренности и неуловимого лоска. Одинаковые для всех рас приобретали в ее исполнении неожиданную оригинальность, свежесть, детскую шаловливость. Кшесинская выделялась среди других выпускниц (может быть даже более старательных и более техничных) как альбинос в стае серых собратьев. К своему несерьезному ремеслу маленькая танцовщица отнеслась вызывающе свободно – и она не только не скрывала от публики намерения пококетничать, но кажется, выставляла его напоказ.

Взлетала голубая юбка, вздрагивали завитые локоны, улыбались ало накрашенные губы, – отчего-то на эту девушку хотелось смотреть бесконечно. Так бывает не отвести умиленного взора от игривого котенка, от резвящейся в аквариуме золотой рыбки...

Партию Колена танцевал вместе с нею Николай Рахманов, – красивый молодой танцовщик с широкими прямыми плечами и столь развитыми бедренными мышцами, что при взгляде на них тут же вспоминались известные брюки времен франко-прусской войны (потом по имени изобретателя генерала Галифе соответственно названные). Атлетически сложенный мускулистый Коля Рахманов лишней раз оттенял хрупкость нежной тоненькой Лизы. В этом танце для двоих убедительнее всего он выглядел в сольных выходах, – по крайней мере в эти минуты публика награждала его аплодисментами. Все же остальное время слишком явно преобладала

улыбчивая партнерша. Безоговорочно очаровав зрителей, она смело диктовала собственные веселые правила, – и как бы ни старался отличиться партнер, с выходом Лизы он превращался всего лишь в скромный фон, в некую машину, умеющую поддерживать, подхватить, помочь устоять на узком носочке... Пока задорная партнерша вращалась голубым волчком в его руках, Коля принимал устойчивую, не лишённую изящества позу, и его твердые ладони уверенно перехватывали тонкую талию, как-то особенно ловко ее подкручивая.

Лиза беззаботно и ласково улыбалась зрителям, – и те улыбались ей в ответ. Объятая голубым шелковым пламенем девушка летала по сцене – и как от вертящегося фейерверка разлетались от голубого платья зажигательные искры. Казалось, что невидимые нервные нити протянулись в зал от тонких ручек танцовщицы. Даже музыканты заиграли вдруг веселее, и еще более нежным и таинственным светом просияли софиты, и растроганно замигала разноцветная рампа...

Барышня жаждала успеха, ей явно хотелось быть первой. Внимание столь многих глаз взбадривало самолюбие юной танцовщицы, и то внезапное озарение, к которому стремятся все без исключения артисты, что называют они «поймать кураж», в полной мере снизошло сейчас на маленькую Кшесинскую. Зрители гораздо громче и дольше чем остальным аплодировали обаятельной голубой танцовщице, а видимый успех добавлял ее веселым глазам дрожащего радостного блеска.

– «Что ж, – вы и сами видите как я хороша! и ничего другого вам не останется, как полюбить меня! – барышня словно гипнотизировала публику. – Я лучшая, я первая, – и все сравнения будут в мою пользу! я одна соберу все ваши аплодисменты! Вы запомните меня, – даже не сомневайтесь».

В эту минуту многие из сидящих в маленьком зале подумали, что девочку в голубом ждет блестящее балетное будущее. Можно было бы упрекнуть ее в самолюбовании – если бы ею не любовались все. На одном дыхании управилась юная танцовщица с конечной вариацией, взмахнула ножкой, – и финальный реверанс стал последней торжествующей точкой в ее выступлении. Лучезарная улыбка и кокетливый взмах ресниц, направленных с намеренным лукавством на кончик собственного носа, довершили ее успех.

– «Позвольте, это которая же Кшесинская? уж не самая ли маленькая? – вполголоса, как бы припоминая, рассеянно проговорил император. – Неужто та самая девчушка, которую Феликс за ручку все таскал по театру?.. – царь усмехнулся. – Подумайте, – она уж и артистка! Молодец!.. хоть сейчас на большую сцену. Похоже, младшенькая и есть, – император, прикидывая, прищурил глаз, – сестра ее кажется уж лет пять как танцует? или дольше?»

В эту минуту партнер вывел Кшесинскую на сцену – кланяться. Оставаясь несколько сзади, он указывал величавым жестом на партнершу, словно приглашал зрителей по достоинству оценить ее успех.

Государыня, склонившись виском к мужу, слушала с рассеянным ласковым вниманием. Согласно кивая красивым профилем, она смотрела на сцену и аплодировала вместе с остальной публикой. Радужные искры разлетелись от сверкающих перстней точно крошечные цветные бабочки.

– «Ах, я не очень-то знаю, mon cher! Это уж ты, мой друг, разбираешься в таких тонкостях, всех помнишь», – ласково усмехаясь, моргая в профиль загнутой ресницей, проговорила императрица.

– «Но право же хороша малышка Кшесинская, – царь скрестил на груди руки, – нет, вы только посмотрите на нее. Мало того, что прехорошенькая, – так еще и на носке вон как твердо крутится... упорная барышня. В отца пошла, – чувствуется шляхетская порода. Натура она как ни крути, все одно скажется, и никуда ты от нее не денешься», – император засмеялся и вновь с одобрением взглянул на миленькую Матильду.

Округлив тонкие ручки, развернув в стороны носки атласных туфелек, та убегала за кулисы; обернувшись, барышня послала зрителям притворно-обольстительную, то есть вполне профессиональную улыбку, открывшую ее белые ровные зубки. И вновь, точно стеклянные, блеснули в ярком свете софитов зеленоватые веселые глаза.

– «По-моему, я смогла! – бурно и часто дыша, маленькая Кшесинская все с тою же лучезарной улыбкой стояла за кулисами. Подбоченясь, опустив глаза в пол, она старалась выровнять дыхание и одновременно прислушивалась к аплодисментам. – Все я сделала правильно, ни разу не ошиблась... и, кажется, точно всех победила! Никому так много не аплодировали, как нам с Колей». – Девушка улыбалась, молчаливо торжествуя свой успех. Тыльной стороной ладони она стерла пот со лба, пальчиками промокнула подведенные брови и оглянулась на партнера. Аплодисменты все еще звучали, – и классная дама энергично махала рукой из противоположных кулис, требуя повторного выхода на поклон. Взяв партнершу за руку, Коля потянул ее за собой. Маленькая Кшесинская пригладила мокрую челку и слегка запнувшись, пружиня на высоких полупальчиках, пошла на сцену. Она обвела глазами маленький зальчик, широко раскрыла округленные тонкие ручки, глубоко вздохнула – и лишь после этого присела в широком реверансе.

– Ну, а тебе-то как, Ники, – понравилась ли Кшесинская молодая?»

Император повернулся к сидевшему рядом сыну. Тот в очередной раз со скучающим видом оглядывал плафон с летящими гениями, фигурные розетки и большую круглую люстру.

4

Цесаревич Николай Александрович (в семье его любовно и коротко звали Ники) был стройным, чуть выше среднего роста молодым человеком. Большие широко расставленные глаза, прямой нос, хорошо очерченная линия юношеских губ (над которыми совсем недавно он взялся отращивать модные маленькие усики), – на красивом лице наследника не усматривалось изъянов. Все черты, гармонично соединяясь, складывались в единое выражение безмятежного и спокойного простодушия. Молодой цесаревич олицетворял собою здоровье, румяную свежесть, добропорядочность, – неудивительно, что к его персоне постоянно было приковано внимание всех барышень и молодых дам.

Услышав вопрос отца, Николай Александрович перевел взгляд на сцену, мимолетно улыбнулся, – и от этой случайной улыбки как-то враз потеплели и оживились его холодноватые светлые глаза; (не просто большие, – но какие-то настежь распахнутые; и не просто светлые, серые или голубые, – но бирюзово-синие, с оттенком индиго, с тем необъяснимым лазурным отсветом, какой морская волна являет на своем прозрачном, пронизанном солнцем гребне). Такие глаза редко увидишь на русских лицах, – и не случайно едва ли не все собеседники цесаревича Николая Александровича в первую очередь отмечали необычную красоту его глаз. И все без исключения попадали под очарование вроде бы откровенно доверчивого, – но при этом странно многозначного и неопределенного взгляда. И еще одним притягательным свойством обладали глаза наследника: они умели смеяться на совершенно серьезном лице, когда губы даже не намеревались улыбнуться.

– «Ах, Никочка, постой, погоди! Встань-ка, встань опять вот так – против света! (На днях посреди голубой гостиной его остановила, удержав за руку, сестра Ксения). – Я только теперь заметила, как чудно твои глаза гармонируют обстановкой залы! И вообще... у тебя очень красивые глаза, – она за руку подвела его к высокому зеркалу. – Смотри, как дивно сочетаются они с цветом стен! Твои глаза... бросаются в глаза! – засмеявшись своему неожиданному каламбуру, она охватила ладонями виски брата и близко взгляделась в его лицо. – Твои глаза прозрачны как слеза!» – Николай Александрович, не противясь ласковым манипуляциям сестры, соорудил, однако, ужасную гримасу: дивные глаза он сощурил до китайских щелочек, отчаянно сморщил нос, а красивое лицо скривил так, что оно казалось состоящим из двух разных половин. Брат и сестра столкнулись носами и засмеялись, одновременно взглянув в висящее в простенке большое зеркало.

Вообще на лице цесаревича присутствовало постоянное выражение благожелательного равнодушия, так часто свойственное совершенно уверенным в себе людям. Уравновешенный, несуетливый, едва ли не медлительный, наследник принимал кипевшую вокруг него жизнь с ироничной и невозмутимой сдержанностью. Общее спокойствие духа было его обычное состояние. Все еще сохранявшаяся в его повадках легкая юношеская скованность (отнюдь не застенчивость) казалась даже симпатичной и вовсе не мешала естественности поведения. Меж тем, наследник всегда и везде оставался объектом неизменного пристального внимания. Разумеется, что преувеличенный интерес к нему общества объяснялся не одной лишь красивой внешностью, но высотой той миссии, что возложена была на этого юношу силою жизненных обстоятельств. Прибавьте, кроме прочего, элегантную простоту дорогого костюма; военный или штатский тот всегда прекрасно сидел на его невысокой, но вполне стройной и ладной фигуре. (Наследник был из разряда тех не слишком рослых, но гармонично сложенных людей, создающих о себе впечатление, что более высокий рост им вроде бы и ни к чему – и даже наоборот, помешал бы он общему изяществу их облика).

Слишком многие молодые дамы и барышни ждали от наследника если не внимания, то хотя бы мимолетного благосклонного взгляда. Цесаревич же всегда оставался безмятежным, его красивые глаза хоть и доброжелательно, но вполне равнодушно (даже с некоторой рассеянностью) скользили по женским лицам. Именно так: скользили, – не останавливаясь ни на одном (ни на одной) персонально.

Занимая столь высокое положение, что все, не исключая и дам, должны были вставать при его появлении, цесаревич, тем не менее, был весьма прост и скромен в обращении. Он нередко замечал подобострастие в глазах окружающих, и это всегда неприятно удивляло его. Николай Александрович всерьез опасался как к чему-то должному привыкнуть к постоянному всеобщему поклонению. Иногда ему казалось, что люди словно бы вступили в некий заговор с целью определенного развращения его натуры. Сам же он делил окружающих приблизительно на две половины по собственному им изобретенному признаку. С одной стороны были люди душевно глухие, нечуткие – и, как он считал, плохо образованные. Противостояли им, напротив, натуры тонкие, наделенные несомненным душевным слухом.

Первые могли выложить случайному собеседнику едва ли не всю свою подноготную и считали возможным с похвальбой сообщать товарищам о своих прежних и настоящих любовных победах. Они же могли не слишком удачно пошутить – и тут же громко захохотать над собственной шуткой, нимало не заботясь, покажется ли та смешной собеседнику.

Вторые, напротив, говорили о себе скупой и скудной – или не говорили ничего вовсе (потому что слишком мало полагались на слова), зато они мгновенно распознавали интонацию, жест, взгляд, – и каким-то образом уже с первых минут знали многое (а порой и все) о своем собеседнике.

Наследник желал бы относить себя ко вторым. Довольно замкнутый, прохладный, не болтливый, Николай Александрович умел читать по глазам и умел промолчать даже если сильно хотелось возразить.

И пока что никто – даже из ближнего круга полковых друзей и товарищей – не мог похвалиться своею осведомленностью о сердечных предпочтениях цесаревича.

Отношения Государя с сыном внешне носили характер доверительной с полунамеком понимаемой обоими шутливости – и уже это подразумевало определенную душевную близость. Поскольку Николай Александрович наследовал престол, постольку отец предполагал сделать из старшего сына своего духовного преемника и безусловного единомышленника. Царь рассчитывал привить на молодой саженец побеги, которые в недалеком будущем развились бы в мощную хорошо разветвленную крону – вполне связную систему взглядов, принципов и устремлений, в полной мере соответствующих (по крайней мере, не противоречащих) отцовским.

И все же наследник Ники был другим – и он не слишком-то походил на своего отца. В отличие от Государя Александра Александровича, цесаревич Николай был мягче, прохладнее, сдержаннее. Наследник был напрочь лишен той безрассудной, очень русской удалости, которая так удивляла и привлекала многих в характере Государя. Ники не обладал ни свойственной отцу прямоотой, ни его жесткостью, ни его безоговорочной решительностью. В нем не было скрытой энергии, импульсивности, порывистости, – той особой совокупности черт, так или иначе составлявших характер Государя. Впрочем, наружностью Николай Александрович сильно напоминал императора в молодости; однако черты лица его были как будто бы глаже, тоньше, красивее, общее их выражение представлялось несколько более легковесным и холодноватым, нежели у отца.

При всей разнице их характеров отец и сын необычайно походили друг на друга. Они были по-настоящему близки, – кровно, душевно; и они не только одинаково думали, но порой

одновременно произносили одни и те же фразы. Оба были ироничны, памятьливы, насмешливы, скоры в реакции. Оба любили шуточные полунамеки – и оба благодаря блестящей образованности легко перебрасывались латинскими, английскими или же французскими остротами (и все это с той спокойной веселой точностью, с какою опытный теннисист принимает на ракетку звенящий мяч и тут же, не задумываясь, отсылает его партнеру).

Следует заметить, что с родителями цесаревич всегда был подчеркнуто вежлив и никогда не позволял себе с ними споров или пререканий; если же в чем-то он не был с ними согласен, то, как правило, предпочитал промолчать.

Теперь в отличие от Государя, Николай Александрович оставил без внимания старания балетных выпускников и на сцену поглядывал лишь изредка. Мысли его текли своим чередом. Едва погас свет, цесаревич вытянул ноги и, прикрыв глаза, в состоянии ленивой расслабленности размышлял о том, что музыка, как и духи, определенно имеют волновую природу. Что все эти звуки и аромат (он повернул голову на прилетевший сбоку запах) сообщают жизни своеобразную прелесть и намекают на разнообразие удовольствий, этой самой жизнью предоставляемых. Он вообразил нечто неясное, смутное, – связанное с мгновенным очарованием, с быстрым смехом, с пепельностью легких волос. С холодком атласа, с теплом винно-красного бархата. С перламутром пуговиц и лепетом по-французски. Как часто неважные мелочи добавляют жизни пикантной прелести...

Эти его лениво текущие мысли как раз и были прерваны вопросом императора.

– «Кшесинская? Из тех, что всей семьей танцуют в императорском балете? – наследник мельком взглянул на сцену, – я, признаться, не слишком внимательно наблюдал (на самом деле краем уха он слышал похвалы отца в адрес веселой танцовщицы). А так, что ж... барышня танцует весьма прилично. Charmante⁵... вполне миленькая. – Он без особого интереса разглядывал кланявшихся выпускников. – По мне так и партнер хорош. Но уж барышня явно намерена быть лучше всех. Вроде бы волнуется – и при этом совершенно в себе уверена. Страстно мечтает понравиться. Явно любит себя и хочет, чтобы так же любовались ею другие».

– «Вот как», – проговорил Государь и поднял бровь.

Николай Александрович усмехнулся.

– «Я не говорю, что это плохо, – наоборот, весело. По крайней мере понятно, что ей не скучно то, чем она занимается. Заметно, что балет, сцена, аплодисменты – все это ей ужасно нравится, здесь она как рыба в воде», – он проводил выпускницу безразличным взглядом.

– «Да вы физиономист, друг мой! – император подмигнул императрице и засмеялся. – Что ж, тебе и карты в руки! Гусару да не разбираться в барышнях! Однако я в твои годы на балете бы не уснул – как только что ты, мой друг, собирался это сделать. Хотя про Кшесинскую, думаю, подметил верно... судя уж по тому как стреляет глазками, сейчас видно кокетку. На то и барышни – тем более, балетные... кокетство им по статусу положено, allez⁶!..»

Царь вытянул из кармана платок и отер лоб; в зале было душно.

– Но согласись, премиленькая! Вообще, присмотришься к девочке. Увидишь, – непременно станет знаменита. И скоро Я хоть и не знаток, но талант сейчас примечаю. С апломбом, старательная да еще и азартная. Что ж – можно поздравить Феликса. Скоро, скоро его младшенькая в артистку выросла.

Государь вновь повернулся к императрице.

– Время-то летит... кажется, вчера только за ручку водили – этакий была кудрявый мотылек с бантом. И на тебе, – уже и выпускница, без пяти минут артистка. С такими-то задатками,

---

⁵ очаровательна (франц.)

⁶ что и говорить (франц.)

глядишь, и балериной скоро станет. А станцевала отменно», – заключил император, обнаружив неожиданную осведомленность в предмете.

Государыня, кивая, задумчиво проговорила: «Ты прав, мой друг, время бежит... прямо утекает сквозь пальцы».

Наследник Николай Александрович смотрел на сцену и рассеянно улыбаясь, постукивал ладонью по поручню кресла.

5

По завершении представления виновники и виновницы торжества, не переодеваясь, в тех же костюмах, в каких только что выходили на сцену (так уж принято было на выпускных спектаклях), собрались в просторном и гулком с балконами вдоль стен репетиционном зале. Разговаривали вполголоса, стоял постоянный жужжащий шум, размноженное эхо, многократно повторяясь, перелетало от стены к стене.

Раскрасневшиеся танцовщицы, смеясь всякому пустяку, оживленно вертели головами и постоянно прихорашивались. Нетерпеливо переступавшие на высоких ножках девушки были похожи на молодых веселых лошадок, лишь на время сбившихся в игривое стадо, готовых в любую минуту разбежаться, рассыпаться в разные стороны. В свете простых неярких ламп барышни не казались так безусловно красивы, как на сцене, и все же от обычных не балетных барышень они отличались и особой тонкостью хрупких фигурок, выглаженных, выточенных многолетними упражнениями и грациозными жестами удлиненных рук, постоянно норовивших скреститься, и особой посадкой гладко причесанных головок. Бледные прозрачные личики выглядели теперь усталыми и кроткими (утомились – да и стерся искусственно наведенный сценический румянец). Развернутые в стороны узкие ступни с головой выдавали бесспорную принадлежность этих девушек к профессиональному ордену Терпсихоры. (Вот уж неуместный здесь фразеологизм, нужно бы сказать «с ногами»...) Острые лопатки как зачатки ангельских крылышек выделялись на подчеркнуто прямых, спинах, – и обычные, не балетные барышни показались бы рядом с этими и слегка громоздкими и несколько неуклюжими.

...Концертное напряжение понемногу спало, но предстояло персональное представление Государю.

Его, Государя, как раз и ожидали теперь в репетиционном зале. Чувствовалось, что все устали уже от перипетий этого суматошного дня. И отнюдь не способствовали терпеливому ожиданию те заманчивые сдобные запахи, что прилетали невзначай из училищной столовой. (Там, на сдвинутых буквой «П» столах, ввиду торжественности события накрытых белыми крахмальными скатертями, сервирован уже был праздничный ужин, – довольно скромный, не изукрашенный особым разнообразием предлагаемых разносолов, но вполне обильный и очень даже привлекательный для голодных желудков). Приглашенные лакеи надели белые нитяные перчатки и с профессиональной ловкостью уставляли подносы тарелками.

Государь все не шел, – и стоявшие у двери, те, кому виден был широкий коридор, постоянно выглядывали в нетерпеливом ожидании.

– «Идут, идут», – одновременно заговорили все; по залу пронесся ропот, и все головы разом повернулись к дверям. Об руку с супругой неспешно вошел Государь – и вслед за ними, переговариваясь и улыбаясь, блестящей процессией влились сквозь узкие двери остальные члены царской фамилии.

Дежурные классные дамы замерли в настороженной стойке, готовясь подвести к царю заранее определенных начальством лучших пепиньерок.

Император, однако, поступил именно так, как предпочитают поступать приглашенные на торжества высокие особы, – то есть самым решительным образом поломал запланированный начальством порядок. На правах главного распорядителя царь взял инициативу в свои руки, привнес в ход церемонии собственные высочайшие изменения. Естественно, что он не намеревался критиковать ошибок или недочетов выпускников, – равно как и оценивать правильность исполнения балетных элементов с тою степенью проникновения в предмет, с какою сделали бы это их наставники. О достоинствах каждого император судил как обычный зритель, – то есть по силе произведенного на него впечатления. И эта, казалось бы, дилетантская оценка

странным образом совпала с мнением большинства. Особенно запомнилась Государю дочка Феликса Кшесинского.

– «Ну-с, начнем, пожалуй... с госпожи Кшесинской», – проговорил Государь и взглядом пытался отыскать в толпе выпускников знакомое голубое платье.

Изобилующая шипящими и свистящими польская фамилия прошелестела точно ветер под высокими гулкими сводами зала. Выпускники завертели головами и сразу две классные дамы зашпешили к Кшесинской. (Матильда знала, что не она будет подведена к императору в числе первых и потому чинно и смиренно стояла в сторонке, дожидаясь своей очереди). Она была «приходящая», – представлять же первыми полагалось лучших воспитанниц-пепиньерок.

Услыхав свое имя, так неожиданно громко произнесенное Государем (ей показалось, что из высочайших уст оно прозвучало как-то особенно значимо), выпускница Кшесинская встре-пенулась и растерянно заморгала нагримированными ресницами. Почему ее вызывают первой?

– «Не стойте же, *mademoiselle* Кшесинская, идите, идите!.. отчего вы медлите?» – с видимой доброжелательной улыбкой, но при этом недовольным полусшепотом заторопила классная дама. Другая мадам, блестя стеклами пенсне, уже легонько подталкивала барышню в спину.

Обескураженная, со смятым лицом, маленькая Кшесинская пошла, а потом и побежала через строй расступавшихся перед ней выпускников. Приблизившись к императору, она присела в глубоком реверансе и снизу вверх растерянными блестящими глазами взглянула, ожидая, что скажет он ей.

– «Что ж, госпожа Кшесинская, поздравляю вас с отличным дебютом! Желаю отныне и навсегда быть украшением и славою русского балета!» – в установившейся тишине краткая царская речь прозвучала особенно веско и важно (и тут же она оказалась повторена и размножена расторопным эхом, которому безразлично было кого передразнивать). Царь сделал паузу и с веселым видом оглядел собравшихся, словно требуя от них каких-то ответных действий. Ка бы спохватившись, все заулыбались и со старательным воодушевлением заплодировали.

Кшесинская слегка побледнела и вновь присела перед царем в глубоком реверансе. Вспомнив вчерашнюю репетицию ритуала, она поцеловала душистые, сплошь униженные кольцами, пальчики Государыни (все знали, что императрица недолюбливает перчаток), и Мария Федоровна, улыбаясь глазами более чем губами, благожелательно наклонила причесанную на прямой прибор головку.

Взволнованной барышне не хватало дыхания. Сверкая глазами, легким шагом она пошла на свое место.

Стали по очереди представлять Государю остальных выпускников, – и все они так же волновались, и для каждого Государь находил добрые слова.

После того как напутствован был последний выпускник, официальная церемония завершилась. Государь, огляделся, отыскивая глазами свою протезу. Матильда стояла неподалеку от их величеств и сосредоточенно рассматривала кольцо на пальце Государыни.

Углядев знакомое голубое платье, царь поманил ее к себе и с многозначительной улыбкой широким жестом протянул свою широкую со сложенными вместе пальцами ладонь. – «Прошу!» – От руки Государя исходила недюжинная сила. Поскольку избранница была невысока ростом, царю пришлось слегка наклониться. Маленькая Кшесинская положила свои холодные вздрагивающие пальчики на тыльную сторону теплой императорской ладони и с сияющей улыбкой взглянула на своего величественного партнера. Уже на ходу проворными мелкими шажками она подстроилась под широкий шаг императора (тот, заметив ее старания, усмехнулся и слегка сбавил ход), и так рука об руку они и прошестьвовали в столовую. Следом за ними парюю шли императрица и наследник-цесаревич.

Кшесинская вполне уже освоилась и чувствуя уверенное тепло царской руки, выступала легко и победно. – «Я дала бы фору любой гранд даме, если бы вот так в первой паре с императором, открывала какой-нибудь важный придворный бал...»

Государь непременно должен был ее отметить, иначе и быть не могло. О, триумфальные минуты!

Пришли в столовую. Высоченный император со слоновьей грацией повернулся, за кончики пальцев обвел вокруг себя партнершу (рядом с его величеством та смотрелась совершеннейшей Дюймовочкой) и осведомился есть ли у нее в столовой свое место.

– «Н-нет, Ваше императорское величество... ведь я приходящая, – не живу в училище как другие ученицы», – она сама не узнала свой неожиданно тонкий, звенящий от волнения голос. Грустно приподняв плечи, она отрицательно покачала головой. У нее нет своего места в столовой...

Государь с добродушной усмешкой развел руками. – «Ах, вот как! Ну и ладно... не беда, – подумаешь, приходящая! Что ж, *tant mieux*... – он потер лоб и, рассеянно оглядевшись, с примирительным покладистым вздохом повторил: *tant mieux!*⁷ Делать нечего – и теперь уж само собой так выходит, что сядете рядом со мною», – он отвел ей место по левую от себя руку; справа от царя села Государыня, неопределенно и ласково улыбающаяся всем сразу.

Увидав подходившего наследника, император глазами показал ему на следующий за Кшесинской стул, и цесаревич, бегло взглянув на хорошенькую голубую Лизу, послушно уселся с ней рядом. (Та при виде наследника встала, – потом вновь села и опустив глаза, сосредоточенными щипками расправляла на коленях свою воздушную голубую юбку). Несмотря на некоторую растерянность (как же, сам Государь усадил ее подле себя – единственную из всех экзаменующихся), Матильда тотчас узнала молчаливого юношу. Удостоиться хотя бы малейшего внимания со стороны его императорского высочества мечтали все без исключения училищные барышни.

Как-то, учась еще в младших классах, она мельком видела наследника в театре. (Матильдочке было тогда лет десять; ученицы изображали ангелов в одном из спектаклей). Отец издали, из-за кулис указал ей на улыбчивого большеглазого мальчика-подростка, едва начавшего взрослеть. – «Во-он там, видишь, в ложе, – наследник цесаревич. Смотри, Маля, смотри внимательно». Но она тогда была маленькая, ей было неинтересно; взглянув один раз, она тут же и забыла. Теперь же, смутившись, не смела прямо и подробно разглядывать своего соседа. Цесаревич сидел так близко, что чувствовалось хвойное дуновение его одеколona. Сопоставив изображения с оригиналом, Матильда окончательно утвердилась в мысли, что именно наследник, – тот, кого по портретам знала вся Россия, сидит теперь рядом с нею. Она выпрямилась, положила пальчики на край стола, в лихорадочно-веселом возбуждении разглядывая стоящую перед ней тарелку.

– «Так вот он какой. Совсем молодой... даже очень молодой. И как красив однако! В жизни гораздо красивее чем на портретах. Я сижу рядом с наследником! Плечом чувствую тепло его рукава...» – Она вздохнула.

Она не могла сейчас ни пить, ни есть, – все это казалось ей слишком грубым, слишком материальным. Откусывать, жевать, глотать... – как мелко, как недостойно столь прекрасного, единственного в своем роде момента. Да и можно ли тратить время на еду, сидя рядом с императором?

– «Смотрите, очень-то не флиртуйте», – с шуточной угрозой в голосе посоветовал Государь, заметив быстрые взоры барышни в сторону сына. (При этом замечании у Матильды мгновенно высохли губы).

Наследник повел плечом и чуть заметно улыбнулся.

Царь насмешливо прижмурил глаз и вновь взглянул на выпускницу. Та сидела чрезвычайно прямо и, глядя перед собой, в волнении кусала губы. Шутливо подмигнув сыну, импера-

---

⁷ тем лучше (франц.)

тор погрозил им обоим пальцем и повернулся к императрице. Переглянувшись с супругой, что-то негромко ей сказал – и Государыня, положив свою нежную белую ручку поверх его рукава, так же неслышно, с любовной ласковой улыбкой ему отвечала. Сияя глазами, блестя камнями перстней, императрица повела с мужем тихий разговор. Время от времени она оглядывалась вокруг и легко усмехалась, – при этом на щеках у нее обозначались ямочки.

Неожиданно все стихло, – и уже через минуту ритуал вновь покотился по заранее намеченной колее. Бледная и тоненькая Ася Зеленская, слегка запинаясь от волнения, таким же тонким и бледным как сама она голосом старательно принялась читать молитву: «Благодарим Тебе, Создателю, яко сподобил еси нас благодати Твоя, во еже внимати учению...» – Ася тараторила очень быстро, обходясь без точек и запятых.

После небольшой паузы вслед за Асей (и так же как и она, спеша) плотный Костя Стругачев вполне уже мужским и довольно густым баритоном без выражения заученно и громко зачитал: «Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даешь им пищу во благовремении...»

Ярко светили люстры; лакеи, сосредоточенно маневрируя, скользили с подносами по натертому паркету. Нестройный хор голосов, звяканье столовых приборов, восклицания, взрывы тут же умолкающего смеха, покашливание, – все слилось в один сплошной гул, поглотивший содержание отдельных разговоров и сопровождавший празднество как ненавязчивый аккомпанемент. Над столами повис обычный для многолюдного застолья синеватый праздничный чад. Государь и Государыня, стараясь уделить внимание каждому выпускнику, постоянно пересаживались с места на место.

Наследник, молчаливо улыбаясь, поглядывал на сидящую рядом барышню отнюдь не с тем интересом какой можно было бы ожидать от гусара лейб-гвардии Преображенского полка. Матильда водила по сторонам возбужденно блестящими глазами; на цесаревича она взглядывала нечасто и украдкой. Нервный румянец горел на щеках неровными алыми пятнами.

Николай Александрович невозмутимо молчал, не спеша завязывать разговор со своей хорошенькой соседкой, и казалось, что ему лень было обременяться заведомо формальной беседой. В какую-то минуту, почувствовав на себе ее взгляд, он кашлянул, скользнул глазами по обнаженным плечам и, не меняя равнодушно-веселого выражения, оглядел уставленный тарелками стол. Все с тою же спокойной рассеянностью он взглянул на горящие щеки выпускницы.

– «Вы понравились Государю, – почему-то с вопросительной интонацией заметил наследник и слегка к ней развернулся. – Вас зовут Матильда, не правда ли? Это настоящее ваше имя – или, может быть, сценический псевдоним?»

– «Нет, ваше императорское высочество, – радостно улыбнувшись, она слегка приподняла плечи, встряхнула локонами (по выражению его глаз, по улыбке, она поняла, что он заметил это ее мимолетное кокетство) – то есть да, конечно! Это мое настоящее имя: Матильда. Вообще-то меня зовут Матильда-Мария... ведь мой отец поляк», – она проговорила все это на одном дыхании, глядя ему прямо в глаза.

– «Матильда красивое имя. Необычное – да еще и громкое. И, кажется, не польское... – французское? – он одобрительно качнул головой, – но как же вас зовут дома? То есть, как будет уменьшительное от Матильды? Я так, из любопытства интересуюсь. – Он улыбнулся. – Ведь не говорят же вам: Матильда-Мария, иди пить чай? Может быть, дома вас зовут вашим вторым именем, – например, Машей? Или Марусей? Еще раз простите мое любопытство», – глаза его не переставали смеяться.

– «О, нет, ваше императорское высочество, дома меня зовут Малей или Малечкой, – так уж у нас повелось... А вообще-то у меня много имен. Наш преподаватель классики почему-то называет меня Амалией. Девочки в училище зовут Малей, а иногда Тили... или вот еще Алам, – тоже Маля, только задом наперед. А если они мной недовольны – подружки – уточнила

она, – тогда Малькой зовут...» – она вновь состроила веселую гримаску и слегка задохнувшись от волнения, доверчиво на него взглянула. (И тут же подумала, что желая отвечать искренне, наболтала слишком много лишнего, – а уж последнее и вовсе зря, из-за чрезмерного волнения).

– «Что я говорю? Для чего ему все это знать?» – она огорчилась собственной болтливости. И по-прежнему не унималась нервная дрожь, неудержимым огнем горели щеки.

– «Малькой? – он, словно бы сомневаясь, пожал плечом, – ну... как-то непочтительно. Получается излишняя фамильярность, что ли. Нет, вы именно что Малечка», – он выговорил ее имя с неожиданно ласковой интонацией и вновь одобрительно и спокойно ее рассматривал.

У цесаревича был негромкий, приятный, с явными насмешливыми нотками голос, который в разнообразном застольном шуме то и дело терялся, пропадал; ей приходилось напрягаться, чтобы разобрать отдельные слова. Подавшись к нему, она сияла глазами и радостно вслушивалась.

– «Малечка происходит от слова „маленькая“? (Он опять мельком взглянул на ее оголенные плечи). – Вы и в самом деле такая... миниатюрная. И я заметил, что балетные барышни особенно худощавы, – верно уж вам по роду занятий не дозволяется быть упитанными?»

Не удержавшись, она рассмеялась; под суровым взором классной дамы раз в неделю все они с опаской подходили к большим училищным весам.

– «Вы совершенно правильно предположили, ваше высочество! В этом смысле нас точно не поощряют, и это еще мягко сказано... лишние граммы приходится сгонять, стоя у палки. Что-что, а пышность форм в балете не приветствуется. Нам, конечно же, во многом приходится себя ограничивать».

Она усмехнулась, и оба замолчали. Наследник потому что не хотел более говорить, а она потому что не знала, позволительно ли заговорить первой. По всему выходило, что разумнее промолчать. Опустив глаза, Матильда в который уже раз скручивала и вновь расправляла свисающий край скатерти. Теперь уж она рассмотрела цесаревича подробно. Синие глаза, тонкий правильный нос (быть идеально классическим ему мешала легкая вздернутость), красиво очерченный рот. Похож на принца из сказки, – русоволосый, белокожий и щеки с нежно-розовым румянцем. Настоящий Иван-царевич...

– «Да, глаза... никогда и ни у кого не видала я таких глаз! Точно цветные стеклышки в калейдоскопе. И наши плечи по-прежнему соприкасаются... И я сижу не где-то далеко, в конце стола, – но подле их императорских величеств, рядом с его императорским высочеством!.. И неужели вот так запросто я беседую с наследником престола? и я уж не ученица Кшесинская, а выпускница, без пяти минут артистка императорского балета, взрослая дама... Как быстро и как неожиданно все совершилось! Наконец-то начинается настоящая взрослая жизнь».

Она долго готовилась (впрочем, как и все другие выпускники) к этому первому, едва ли не самому значительному итогу своей жизни, и неожиданно все сегодняшние события приобрели гораздо больший размах, чем она предполагала. Все выходило важнее, крупнее, торжественнее. Да вот, пожалуйста, – сам Государь вмешался в ее судьбу. Она с большим успехом исполнила то же самое па-де-де, что танцевала Вирджиния Цукки и не только была замечена императором, но и отмечена первой из всех. Публика аплодировала ей гораздо дольше, чем остальным. И классные дамы остались в прошлом, больше уж они не властны над ней. (Последнее было особенно приятно, и она по-детски обрадовалась).

Матильда придиричливо словно бы со стороны наблюдала за собою (нужно было сохранять достойную, грациозную позу, и нужно было не сказать и не сделать ничего лишнего). Ей хотелось произвести на высоких гостей не просто приятное, но исключительное, незабываемое впечатление. Незаметным быстрым движением она расправила подол платья, приподняла подбородок и слегка покусала губы, чтобы стали еще ярче. Не зная, что еще предпринять, взяла со стола белую фаянсовую кружку и, вертя ее в руках, с притворным интересом разглядывала

незамысловатый синенький рисунок. Наследник, имевший обыкновение в любых обстоятельствах держаться с невозмутимым молчаливым спокойствием, наблюдал, оперев на руку подбородок.

– «Эта кружка, судя по ее виду, едва ли не старше вас. Дома вы, верно, не стали бы из такой пить... – заговорив с нею, Николай Александрович все равно, казалось, думал о своем. – Меж тем, представьте, у нас в полковом собрании кружки в точности похожи на ваши... – он усмехнулся. – Вообще, я заметил, что казенная посуда отчего-то везде одинакова – ну, или почти одинакова... непонятно вот только почему». – Он замолчал и с улыбкой оглядел стол. Взял в руки такую же тяжелую, слегка оббитую по краям кружку (на ней изображены были все те же два зайчика) и с веселым равнодушием рассматривал. (Один из зайчиков сидел, прижавши уши, другой, косясь на первого, столбиком стоял рядом). Матильда отметила, что пальцы у наследника тонкие, – при этом по-мужски сильные, с чистыми розовыми ногтями, а сами ногти красивой овальной формы, аккуратно подстриженные.

– «Настоящий принц! – чтобы взгляд не выдал ее мыслей, она отвела глаза. – Да! Дома мы и правда из таких не пьем. А эти кружки... они как раритет. Не дай Бог разбить, – даже нечаянно. Мы должны их беречь (она шутливо прижала кружку к груди), как вы изволили заметить, сохранять для будущих поколений! Чтобы как эстафету передать потом тем, кто придет после нас».

– «Кружка-эстафета... для всего балета», – сказал он.

Она засмеялась и постукивая пальцем по доньшку, вновь с притворным вниманием рассматривала синих зайцев, гладила их мизинчиком.

– «Может быть, из этой кружки пила сама знаменитая Истомина... Она ведь тоже у нас училась. Мы ее называем Дунечка. Ведь, вы, ваше императорское высочество, слышали о балерине Истоминой? О ней еще Пушкин писал».

– «И верно уж она была похожа на вас, такая же хорошенькая», – заметил наследник, искоса на нее взглянув.

Она, словно бы ожидая от него этого предсказуемого комплимента, торжествующе улыбнулась. Все-таки ужасно приятно услышать от наследника престола, что ты хорошенькая. В этот момент кружка выскользнула у нее из пальцев. – «Ой! – барышня ловко поймала кружку в подол голубой шелковой юбки и засмеялась – на этот раз смущенно. Наследник спокойно поднял брови.

– «Какая замечательно быстрая реакция... вполне балетная. Все-таки, хорошо, что кружка была пустая, – он озабоченно почесал бровь, – а если бы не дай Бог с горячим чаем...» – его синие глаза по-прежнему смеялись.

– «Да, – приняв серьезный смирный вид, Матильда покивала, – вот именно, слава Богу! верно уж сам Господь распорядился так, чтобы этот праздник не был для меня испорчен».

Она осмелилась и взглянула ему прямо в глаза. И верно ведь, необыкновенные!.. Редкостная голубизна этих глаз напомнила ей тот чистой воды голубой топаз, что оправленным в золото носила на безымянном пальце мать. (Сколько себя помнила, с раннего детства Матильда любила рассматривать этот камень, казавшийся ей голубоватым кусочком льда). Потакая просьбе маленькой дочери, мать растопыривала тонкие пальцы и осторожно стаскивала, словно бы свинчивала с безымянного перстень. Подышав на камень, она терла кольцо о рукав и опускала в подставленную маленькую ладошку.

– «Из-за таких вот топазовых глаз и сходят с ума барышни... любая из наших так и сделала бы, появись у нее хоть маленькая надежда». – Она с сожалением отвела взгляд от лица наследника. Рассматривать и дальше в упор его императорское высочество было бы уже просто неприлично.

– «Вот что я хотел предложить вам, mademoiselle Кшесинская... mademoiselle Матильда, – тут же поправился наследник, – если вы, конечно, позволите вас так называть».

Она быстро и радостно закивала.

– «Конечно! – Она вскинула на него глаза. – Считайте, что уже позволила. Мне очень приятно, что вы называете меня по имени».

– «Тогда... давайте отведаем что-нибудь из этих многочисленных яств. Не хотите ли пирожок, – вон тот, круглый? По-моему, выглядит заманчиво», – глазами он указал на блюдо, стоящее от него по правую руку. Кшесинская растерянно взглянула и, мотая головой, энергично принялась отказываться.

– «Нет-нет, благодарю, ваше императорское высочество, – она сглотнула и отчего-то вдруг смутилась, – мне совсем не хочется есть, правда! Вообще... как-то не до еды сегодня».

– «Что ж, вас вполне можно понять... думаю, вы изрядно переволновались».

И вдруг он засомневался.

– Или вы хотели бы, но не можете из-за наложенных на вас ограничений?»

– «Нет, что вы! как раз сегодня нам можно, – она засмеялась. – Я, наверно, и впрямь сильно переволновалась, оттого и есть не хочется».

– «Понимаю, – он беззаботно кивнул, – а я, знаете ли, зверски проголодался. Целый день в полку, – то одно, то другое... и все как водится самое главное, все нужно успеть... – указательным пальцем он попилил кончик носа и доверительно на нее взглянул. – Пришлось спешить. Едва успел переодеться. И обед пропустил, – он махнул рукой, – да и позже не удалось перекусить. Что ж, решительно вы отказываетесь?.. Вы позволите?»

– «Конечно, конечно!.. Я виновата, простите, ваше императорское высочество!.. – спохватилась она, – ведь это я должна была вас угощать... как нашего высочайшего гостя», – ей было приятно, что он подробно рассказал ей про свою занятость, про распорядок своего дня.

Николай Александрович подцепил на серебряную лопатку пирожок и, вопросительно улыбаясь, с предлагающим кивком, взглянул. Матильда отрицательно покрутила головой и чтобы поддержать компанию взяла из вазы яблоко. Осторожно откусила и задумчиво жевала, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Вздохнув, она отложила яблоко в сторону, салфеткой обтерла пальцы.

– «Наследник престола, принц – и вот так, запросто, ест самые обыкновенные пирожки в нашей обыкновенной столовой... пьет чай из наших неказистых, с оббитым краем, кружек... разве такое возможно?!»

Весь вечер они просидели рядом, чувствуя живое тепло друг друга. Несколько раз стлкнулись руками, и этим особенно была взволнована впечатлительная Матильда. Ее оголенное плечо наливалось жаром от соприкосновения с теплом соседствующего рукава (шерстяная ткань, казалось, была заряжена летучим легким электричеством). Ей хотелось, чтобы этот вечер не кончался никогда, – хотелось, чтобы наследник всегда вот так же сидел с ней рядом, и чтобы так же мило и чудно они беседовали.

– «И нечего мне перед собою притворяться, – прекрасно ведь знаю, что с самой первой минуты я в него влюбилась, потеряла голову... Господи, да ведь это и есть любовь с первого взгляда! Ну, почему, почему он такой прекрасный? И никто кроме него мне теперь не нужен. Как будто только его ждала я всегда».

Ей хотелось без конца смотреть в эти голубые глаза, – порой усмехавшиеся, порой равнодушные или вопрошающие и в то же время такие доверчивые, открытые, иногда странно грустные...

– «Когда вот так, мельком, он на меня поглядывает, то, кажется, что все про меня знает. И не только про меня, – про всех, про все на свете! А молчит, потому что не хочет или не может сказать лишнего, потому что это запрещено ему. И улыбка у нег такая нежная, трогательная. Вот именно, – нежная... Он другой, не такой, нездешний. Живет какой-то своей, загадочной жизнью... недоступной мне, недоступной нам, обыкновенным людям. И разве есть на свете кто-нибудь лучше, чем он? И как же это опасно – влюбиться в настоящего принца. Хочется

всегда сидеть с ним рядом, смотреть на тонкий профиль, слушать его милый голос...» – она вновь тайком искоса взглянула.

Неудивительно, что все прежние увлечения (которых, следует заметить, немало уже случилось в ее жизни) показались ей сейчас такими далекими, детскими, глупыми, не стоящими внимания. Меж тем не раз уж она влюблялась в воспитанников старших классов, а также в партнеров (и это еще, не считая литературных героев, которых авторы намеренно описывали как благородных красавцев и о которых она часто и подолгу раздумывала перед сном).

Партнеры вызывали в ней невольное волнение, когда своими сильными, почти мужскими, руками с набухшими голубыми венами обнимали ее за талию во время вращений или же аккуратно и твердо ловили после прыжков. Однако ей делалось смешно, когда в обычной, повседневной жизни эти юноши расхаживали как по сцене, развернув носки и гордо выпятив грудь. И выражение лица у них было при этом высокомерное, напыщенно-глуповатое...

И теперь все эти прошлые любви разом обесценились. Прежние идеалы померкли, былые кумиры обрушились со своих гипсовых пьедесталов.

– «Вот что значит принц по рождению. Не тот, фальшивый, с подкрашенными глазами, с крупными каплями пота поверх растаявшего грима, который только и умеет, что старательно изображать балетных королевичей. Оттого и получается смешно, если не сказать, карикатурно. Наследник Николай Александрович и есть настоящий принц. Как подкупающе просто держит себя... и в то же время с каким неподражаемым достоинством». (Профессиональная танцовщица она знала цену телесной грации и уже с первых минут отметила естественность движений и поз молодого наследника, лаконизм жестов – вообще спокойную уверенность поведения).

Получалось, что все ее прошлые увлечения были репетициями. И теперь появился он – единственный кто по-настоящему достоин любви. Вот мечта, за которую можно отдать все. Похоже, я сказала своему сердцу «прощай», – она вздохнула и встретилась с наследником взглядом.

Несмотря на занятость в училище (порой с раннего утра до позднего вечера), Маля Кшесинская как и другие балетные барышни успевала прочесть рекомендованный подругой французский роман. При этом она нетерпеливо пролистывала скучные бытовые подробности, нудные описания природы, длинные диалоги второстепенных персонажей, – в любом романе ее более всего интересовали любовные отношения героев.

Когда Николай Александрович взглянул на нее своими странно синими глазами, ей стало не по себе, – точно она вторглась в чужой и недоступный мир, куда ее, собственно, никто не приглашал. Вот именно, никто не ждал ее в том мире... И слишком уж непростым, слишком разным и быстро меняющимся был этот взгляд. Только что откровенный – и уже через секунду скрытный. Заносчиво-прохладный – и тут же ласковый, даже смущенный.

В наследнике Николае Александровиче было все, что так привлекало ее в мужчинах: любовная отзывчивость и некая холодность, ироничность, благородство манер.

Ей казалось, она понимает его гораздо лучше других – и потому только она должна быть с ним рядом.

6

Наследник всего-навсего поболтал с барышней, – одной из многих; и все они смотрели на него с восхищением, все краснели и призывно улыбались. Знакомство с маленькой Кшесинской состоялось потому лишь, что рядом их усадил Государь, выделивший эту девушку из целого сонма хорошеньких хохочущих выпускниц. Николай Александрович вовсе не собирався флиртовать – и наверно тут же и навсегда забыл бы этот вечер и маленькую танцовщицу, если бы не смотрела она на него такими влюбленными глазами... Можно было понять и извинить равнодушие его к многочисленным воздыхательницам: слишком часто сталкивался наследник с преувеличенным женским вниманием, слишком был им избалован. Вот и смешливая кокетка Кшесинская с первых минут разговора демонстрировала неприкрытое желание ему понравиться. Близость миленькой пейзажки в откровенно кокетливом наряде была приятна Николаю Александровичу; этой девушке громче и дольше чем другим аплодировал зал, – именно ее, одну из многих, отметил обычно скупой на похвалу Государь. Явно волнуясь, нежным голоском отвечала она на вопросы и весь вечер не сводила с него влюбленных глаз. И наследник был слишком хорошо воспитан, чтобы, по меньшей мере, спокойной приязнью ответить на ее восторженное расположение. Прощаясь, Николай Александрович пожал дрогнувшую маленькую ручку; под прозрачной кожей худого запястья прощупывались все тонкие косточки. Заглянув барышне в глаза, он пожал холодные влажные пальчики и тут же их отпустил.

– «Не правда ли, прекрасный вечер? Вы успешно сдали экзамен... и вы так славно танцевали сегодня. Чрезвычайно рад был с вами познакомиться».

Он разглядывал ее своими красивыми прозрачными глазами.

(«Таких прекрасных, таких драгоценных глаз вообще не бывает в природе, – не может быть! а уж у мужчин и вовсе никогда не бывает... я, по крайней мере, не встречала).

– Ах, я также очень, очень рада! – она старалась, чтобы голос ее звучал как можно мелодичнее. – У меня был счастливый день. Наконец-то я станцевала экзамен, заслужила похвалу Государя... а еще имела счастье познакомиться с вами, ваше императорское высочество».

Ей не хотелось, чтобы он уходил.

Наследник, рассеянно кивнув, проводил глазами стайку пробегавших выпускниц, – потом вновь взглянул на свою взволнованную визави.

– «Стало быть, совсем скоро я увижу вас на сцене Императорского театра? Ведь вы теперь профессиональная артистка? Буквально с сегодняшнего дня, не так ли?»

– «Да!.. Предполагаю, что стану ею, хотя... пока что я не принята в труппу Императорского театра».

– «Я уверен, что это вопрос решенный. Слишком очевидный успех имели вы сегодня – не только у публики, но и у Государя. Это удастся не каждому... не каждой, – быстро поправился он и засмеялся. – И думаю, такой же успех будет сопутствовать вам на профессиональной сцене. Я конечно не прорицатель... – наклонив лицо, он быстро провел пальцами по лбу (и в точности такой жест делал император в минуты раздумья), но беру на себя смелость предсказать вам самую счастливую артистическую будущность. Увидите, – непременно станете знамениты».

Она стояла перед ним с пылающими щеками, с горящими глазами, нервно теребя юбку. Под яркой лампой сиял вокруг румяного лица ореол распушившихся, развившихся волос. По детски крупными передними зубами она закусила пунцовую нижнюю губу, присела в немом реверансе и остановила на цесаревиче смелый красноречивый взгляд.

Николай Александрович, по-военному уронив голову, почти холодно ей улыбнулся и быстро пошел к выходу.

7

Дома Матильду ждали триумфальная встреча и обещанный торжественный ужин. Накрытый стол сверкал серебром и хрусталем: Феликс Иванович знал толк в хорошей еде и любил устраивать домашние праздники. Все значительные события в семье непременно отмечались торжественным застольем. Вот и теперь в серебряном ведре ждала своего часа погруженная в шуршащий наколотый лед белогорлая бутылка шампанского, – отец, обернув горлышко крахмальной салфеткой, самолично взялся ее откупорить.

– «Хочу поднять бокал в честь окончания любимой дочерью курса обучения», – Феликс Иванович, подмигнув, выкручивал пробку. Сестра Юля зажмурилась, засмеялась и ладонями зажала уши. Пробка, хлопнув, отскочила и ударилась в стену. Пили шампанское, кричали «ура» в честь триумфа Матильды. Сама виновница была вполне счастлива. Она так переволновалась и проголодалась, что с готовностью складывала к себе на тарелку все, что ей ни предлагали.

Домашние слушали, требуя от нее все новых подробностей. Родители изумлялись, ахали и переспрашивали: как, – неужели сам Государь изволил столь благосклонно отметить дебют их дочери? Ее, Матильду, одну среди всех, выделил император, именно ей пожелав прославить русский балет? Все искренне радовались и объясняли неожиданную царскую милость уважением к их заслуженному семейству. Новоиспеченную выпускницу, будущую артистку императорского балета, поздравляли словно именинницу. Уже не в первый раз она рассказывала, как Государь подал ей руку и как потом они шествовали вдвоем на глазах у всех... и как царь усадил ее рядом с собою...

Мать расспрашивала во что была одета Государыня, каков был покроем ее туалета, и какие на ней были украшения. Феликс Иванович, вконец растрогавшись, прослезился, заключил дочь в объятия и требовал высоко нести знамя балетной династии артистов Кшесинских...

Вообще, Малечка заметила, что домашние изрядно потускнели и даже как-то сникли, – словно бы утратили былое значение в сравнении с теми блестящими персонами, которых довелось повидать ей сегодня так близко.

В ту ночь она долго не могла заснуть. Самым подробным образом, как наяву, воображался ей наследник цесаревич. Его веселые синие глаза и выложенные на обшлаг рукава белые пальцы. Она и теперь чувствовала тепло его плеча, видела качавшийся носок ботинка с блестящим медным ободком вокруг ранта... Она уже вела с ним мысленный, веселый и кокетливый разговор. (Ах, как жаль, что не случился он в действительности...) Отчего она держала себя так робко, так неуверенно?

– «Господи, почему я так мало с ним говорила, отчего не постаралась расположить к себе? Отчего не спросила, как понравилась я ему на сцене? Вот бы вернуть те прекрасные минуты... раззнать невзначай, когда и где можно вновь его увидеть», – мучаясь запоздалыми сожалениями, она вертелась на прохладной гладкой простыне. Прикладывала ладони к горящим щекам, к горящим ушам, она вздыхала и улыбалась в темноте. Ей было невдомек, что притягательность молодого человека стократ увеличивалась царским саном, славой, богатством.

– «Ах, что же делать мне теперь? – она в который раз переворачивала и со всех сторон подбивала горячую подушку, – что делать мне с собой, с моей любовью? Нашла я в кого влюбиться, – в принца из сказок, в наследника престола... Но разве смогу я теперь без него жить? Я знаю, что между нами установилась особая нежная связь, – ведь смотрел он на меня ласково, сжимал, прощаясь, руку. Ах, непременно я должна с ним встретиться! нужно все досконально обдумать!»

И стал уже складываться в голове у нее сладкий план...

Она лежала с закрытыми глазами, представляя полутемный аплодирующий зальчик (при этом решительно не помнила она своего выступления, – время, проведенное на сцене, напрочь выпало из памяти). Она вообразила императора, глядевшего на нее с выражением добродушного одобрения. Но синие глаза наследника... – о, забыть их было решительно невозможно!

– «Милый, милый! Какой он все-таки милый».

Завертелись перед глазами у нее блестящие колеса прожекторов, загорелись цветные огни рампы, и утомленная непосильными эмоциями этого непомерно долгого дня, изрядно уставшая и счастливая Матильдочка уснула в одну секунду.

...Ей снилось, что вместе с Колей Рахмановым они танцуют на незнакомой просторной сцене. И даже не сцена, нет – цветущий, туманный луг...

Она беззаботно срывала цветы, собирая букет, и спохватилась, когда услышала аплодисменты зрителей. Подозвав Колю, она побежала к нему навстречу – ноги путались в лоснистой холодной траве. И вновь они с Колей танцевали. (В какой-то момент Матильда вдруг с ужасом поняла, что напрочь забыла свою партию, – она не помнила ни единого движения). О, этот кошмар забытой роли – кто из артистов хоть раз не испытал его?

Неподалеку бежал ручей: не нарисованный, как это обычно бывает в театре, но настоящий, быстрый, прохладный.

– «Пить, хочу пить... – Облизывая пересохшие губы, она постоянно оглядывалась на бегущую воду. Коля, в которого во время их совместных репетиций она была немножко влюблена, спеша ей угодить, побежал к ручью (и при этом не забывал держать руки во второй позиции). Матильда стояла и смотрела ему вслед. Он вернулся с полной кружкой – той самой, белой с двумя синими зайчиками. Величавым театральным жестом Коля приложил руку к сердцу и раскланялся перед публикой. Вдруг кто-то (она точно знала, что не Коля) позвал ее по имени, – она завертела головой, припоминая, кому мог принадлежать этот голос.

Публика, явно недовольная заминкой, зашикала, засвистала...

Музыканты несколько раз принимались играть, – но отчего-то у них не ладилось, и все выходило что-то фривольное, почти неприличное. Оркестр то и дело сбивался, замолкал – потом начинал все заново... публика смеялась, и Малечке казалось, что смеются над ней. Потупившись, она стояла с кружкой в руках, – и отчего-то ей было неловко, совестно.

– «Вас ожидает большое будущее», – проговорил Коля; и она вдруг подумала, что не испытывает к нему никаких чувств. Постойте, – да это и не Коля вовсе. Но кто же, кто? Молодой человек, не обернувшись, уходил от нее прочь. Глядя ему вслед, она залпом осушила кружку. Вода не утоляла жажды, то была сухая – совершенно сухая вода. Раздосадованная Матильда отбросила пустую кружку, с раздражением топнула – и почувствовала, что поднимается над сценой. Она попыталась встать на ноги, но кругом был воздух, только воздух. Легкое платье трепетало и струилось на ветру, – так что приходилось обеими руками придерживать взвивавшуюся юбку.

И вновь она услышала аплодисменты.

– «Мне аплодируют, потому что другие так не умеют. Теперь уж и публика меня не видит – слишком высоко. Отчего театр – и вдруг без крыши? Меж тем летать вовсе даже не трудно! И как это я раньше не догадалась? Ведь ничего нет проще... и почему только не летают люди? – Она решила, что прямо сейчас изобрела рецепт свободного полета.

– Всего-то и нужно – оттолкнуться ногой от земли, и лети себе как птица!» Она грудью раздвигала упругий, тугий воздух, разглядывая зеленеющий внизу луг и голубую ленту ручейка.

Шурша шелковистыми крыльями, промахивали мимо нее гигантские бабочки – и они также были танцовщицы. Кувыркаясь в воздухе, бабочки проделывали ловкие танцевальные рас; крошечные ножки были обуты в балетные туфельки. Яркие крылья трепетали точно шел-

ковые флаги. На их тонких пальчиках блистали яркие перстни. Малечке захотелось стать одной из этих бабочек, но при попытке повторить их кульбиты у нее закружилась голова. Она постоянно помнила про свою бескрылость и знала, что напрасно взмахивает неоперенными руками. То и дело с криками проносились птицы, крыльями задевая голые плечи. Порой ей хотелось передохнуть, и тогда она планировала вниз, спрыгивала на траву – и вновь аплодировали ей невидимые зрители. Но теперь уж она была небожительница. Оттолкнувшись ногой от земли, опять взмывала вверх – и опять плыли мимо облака... И даже не облака то были, – замечала она, а кисейные белые тюники из училищной костюмерной. Она дотрагивалась до них пальчиком – и те точно упругие белые мячики отскакивали в сторону.

Она долго бы так забавлялась, – но вдруг ей сделалось зябко, затосковалось по уютной привычной тверди. Она барахталась в воздухе, отыскивая опору. Воздух давил на грудь, трудно было дышать. И не дай Бог рухнуть с этакой высоты! Меж тем, сгустились сумерки, стало темно. Непременно, непременно она разобьется! Черная пропасть разверзлась внизу – страшная бездна ночного кошмара. Может быть это сон?

– «Да ведь я сплю – это сон, сон! – придумала она себе спасительную мысль. Ей хотелось проснуться, стряхнуть наваждение, но по-прежнему вокруг нее был темный и зыбкий воздух. Хватаясь за пустоту, она почувствовала, что падает, отчаянно закричала – и не услышала своего крика. Ветер засвистел у нее в ушах.

И вдруг все переменялось. Она сидела за нескончаемо длинным столом, противоположный край его терялся в голубом чаду. Государыня, вздернув подбородок, встряхнув кудрявой головкой, повелительным жестом подозвала незнакомого танцовщика. Затянутый в балетное трико молодой человек, держась подчеркнуто прямо, подошел к императрице и склонил напомаженный пробор. Надменно-нежным голосом Государыня велела ему подавать пирожки. И вот уже множество танцовщиков в бархатных колетах, мягко ступая, одновременно со всех сторон понесли тяжелые блюда. За отсутствием места на столе блюда ставились одно на другое, – так что вскоре выстроились странные пирамиды... Матильда с тревогой наблюдала, как кренилась, грозя обрушиться, ближняя к ней шаткая конструкция. Почувствовав неудержимый голод, наша барышня потянулась было за пирожком, – но голос классной дамы возмущенно зашептал прямо над ухом: «фи, как не стыдно! Видимо напрасно похвалил вас Государь! А ведь считались приличной воспитанной барышней! Как можно? И разве уж дома вас пирожками не кормят?»

Вздрыгнув, она оглянулась. За спиной блестели стекла пенсне, и черный шнурок качался точно маятник. Возмущенно ползли вверх подрисованные брови.

Сконфузившись, она отдернула руку. И в ту же секунду почти вплотную, придвинулись к ее лицу два смеющихся голубых глаза. Испытав безотчетное счастье, она рассмеялась, – но обладатель прекрасных глаз сварливым голосом проговорил: «На чужой каравай не раскрывай ротт...» – она узнала интонации преподавателя классического танца Иогансона. (Тот имел обыкновение не слишком-то к месту употребить порой русскую поговорку, забавно ее при этом коверкая и произнося русские слова с едва уловимым смешным акцентом). От всех этих нелепых несоответствий Малечке стало смешно. Кто-то крепко и нежно сжал ее пальцы. Она расхохоталась – стол заходил, заколебался; звеня, посыпалась с него посуда. Матильда нагнулась и со смехом стала подбирать осколки...

Она проснулась от собственного смеха. – «Какой странный и глупый сон», – удивилась она и тут же заснула вновь. И вновь снилось ей что-то сумбурное, сверкающее, невыразимо приятное...

8

Попутру она открыла глаза и зевая глядела на потолок, на изразцовую печку в углу. На белых изразцах дрожали желтоватые отпечатки окон, перечеркнутые голубыми тенями веток. Ветки качались от уличного ветра – и тонкие тени тоже качались, дрожали на белых печных изразцах. И эти изразцы, и трещинки, и тени от веток она знала наизусть с раннего детства. Матильда закинула руки за голову, потянулась и, продлевая сладкий зевок, блаженно выдохнула.

Что-то важное случилось вчера вечером. Да! похвала Государя!.. Но кроме успешного выступления, кроме лестных слов императора было что-то еще, – что такое радостное, веселое. Какое-то важное событие произошло вчера и лежало теперь на дне души золотым кладом...

Она села, откинулась спиной на теплую, пропахшую вчерашними духами подушку. И вдруг ясно припомнила все: как Государь приказал ей умножить славу русского балета, как шла она потом об руку с царем – и остальные выпускницы, фальшиво улыбаясь, не могли скрыть зависти. Но даже не это было главным!.. Что-то другое – приятное, странное случилось вчера вечером. Оттого и полнилась душа неосознанной радостью, восхитительным предчувствием счастья.

– «Что-то было важное, прелестное. Ах, да! Наследник Николай Александрович!.. Его взгляд, от которого замирает сердце. Странное противоречие его холодноватых и одновременно ласковых глаз. А ведь я в него влюбилась...»

Блаженно застонав, она с размаху упала в подушки.

От воспоминаний у нее сильно забилося сердце. – «Нет уж, воля ваша, – не могу я валяться в постели, когда так прекрасно устраивается жизнь!..»

В груди у нее будто распрямилась тугая пружина. Нужно было прямо сейчас в эту самую минуту бежать, действовать!.. нужно немедленно что-то предпринять – чтобы повторилась опять та вчерашняя, радость.

Она вскочила – и в одной рубашке, босиком стояла на полу, прислушиваясь к дыханию спящей сестры.

– Юля, Юля!.. проснись! Да что же это! – Босыми ногами она прошлепала по свежена-тертому липковатому паркету к кровати сестры. Та спала так тихо, что не слышно было дыхания. На шее под молочно-белой кожей едва заметно вздрагивал родничок пульса. Почувствовав взгляд, сестра шевельнулась, дернулись подложенные под висок розовые пальцы.

– Юля! Проснись же! – Матильда легонько дунула в лицо спящей сестры и засмеялась. Та, заморгав, оставила на нее бессмысленный сонный взгляд, отбросила со лба волосы.

– «Ты как спящая красавица – невозможно разбудить. Хочу сказать что-то важное. Да проснись, наконец! ну, Юля!»

Сестра вздохнула, зажмурилась. Судорожно зевая, подтянула сползшее на пол одеяло, прикрыла глаза тыльной стороной ладони. Из-под двери тянуло смолистым дымком горячей лучины – прислуга уже растапливала печи.

– «И вот для чего в такую рань меня бу-удишь? – не открывая глаз, капризным голосом протянула сестра, – что опять случилось? Ну говори уж теперь», – после сна голос у нее был слегка хриловатым.

– «Хотела посоветоваться... кое-что рассказать о вчерашнем вечере».

Сестра потянулась, приоткрыла глаз.

– «Да я уж все знаю. Государь отрекомендовал тебя надеждой русского балета, ты пила чай с наследником. Может быть, тебя назначили прима-балериной?»

– «Ну, конечно, Юля! я сама еще толком не разобралась, зато ты уже все разложила по полочкам и даже шпильку успела вставить! Что за манера опережать события и вообще перебивать человека, не выслушав до конца! Нет уж, спи! спи себе, пожалуйста, дальше!

Ей не хотелось снижать градус своего блаженного настроения, пикируясь со старшей сестрой, особой язвительной, к тому же склонной к постоянной иронии. Как раз сейчас ирония была неуместна. – Потом, позже как-нибудь тебе расскажу. Теперь я уезжаю в училище – значит, вечером... да, возможно, вечером, – сдавленным голосом говорила Матильда, ногой пытаюсь нащарить затерявшуюся под кроватью туфлю, – но только учти: все должно остаться между нами. Это тайна, понимаешь? Никто. Ничего. Не должен. Знать».

Сестра зевнула и бесцветным затухающим голосом пробормотала:

– «Нет, ну как же, прямо сейчас пойду и всем все расскажу. Ты думаешь, твои секреты кому-то интересны? Вообще, Малька, в следующий раз подожди, пока проснусь. А сейчас иди с Богом – дай доспать».

Голая рука, взмахнув, безвольно упала и вытянулась поверх одеяла. И опять было все неподвижно и тихо в сонной комнате, – лишь зыбкие тени веток беззвучно колебались на белом кафеле. Стоило легкому облачку набежать на солнце, как тени таяли, картинка исчезала...

Зевнув, Матильда встала перед зеркалом, намотала на палец прядь волос, легонько подержала. Набрала полный рот шпилек и, сморщив нос, с заинтересованной улыбкой осмотрела свое заспанное лицо. Склонив набок голову, задумчиво расчесала гребнем вчерашние развившиеся спирали. Ежедневным привычным движением закрутила волосы в высокий тугой узел, наощупь утыкала шпильками. Нажав на педаль умывальника, поплескала в лицо водой, близко придвинулась к зеркалу. Раскрыв глаза, пристально взгляделась. Серебристые капли стекали по румяным щекам, ресницы мокро слипались, сонные, чуть припухшие глаза сияли.

– «Хм... – она раздвинула веки пальчиками и тихонько засмеялась, – давай уже просыпайся!.. А в общем, ничего себе – вполне свежа и можно даже сказать, красива». – Намочив ладонь, она сильно пригладила кудрявившиеся виски. Глядя в зеркало, оскалилась, полюбовалась белыми зубами, покусала розовые губы; вытерлась вафельным полотенцем и в раздумье встала посреди комнаты.

И вдруг словно спохватившись, заторопилась. Вытянула из шкафа первое попавшееся платье, зажмурилась и с поднятыми вверх руками, путаясь в рукавах, оберегая причесанную голову, вползла в узкий лиф. Зевая, застегнула частые мелкие пуговицы, одернула юбку, перевернулась перед зеркалом, сняла с плеча приставший волос. Балансируя, напевая себе под нос (навязчивая мелодия из вчерашнего па-де-де все еще неотступно звучала в голове), на цыпочках пошла к двери. В утренней тишине дверные петли заскрипели особенно пронзительно; она втянула голову в плечи, опасливо оглянулась на спящую сестру. Затаив дыхание, застыла на полдороге; сестра невнятно и быстро что-то пробормотала – и тут же затихла, вновь задышала ровно.

Оставив дверь полуоткрытой, Матильда выскользнула из спальни. Слегка поколебавшись, повернула к столовой – там все уже было накрыто к завтраку. Самовар, по инерции продолжая кипеть, выпускал из-под крышки радужные космы пара, причудливыми кольцами извивавшиеся в косом солнечном луче. Нестерпимо ярко блестел раззолоченный самоварный бок с маленьким, похожим на оспинку клеймом в виде двуглавого орла. На льняной белой скатерти дрожал и рдел, то пропадая, то возникая вновь, рубиновый, странно красивый отсвет от стеклянной красной сахарницы.

Гладко причесанная головка выпускницы вовсе не была так же упорядочена изнутри, в мыслях у нее царил пестрая разноголосица. Маля Кшесинская думала про все сразу: про то, что вчера она была лучше всех и понравилась Государю. Про то, что сидела рядом с наследником и влюбилась в него с первого взгляда. (Да и нельзя было не влюбиться: обезоруживающе

красив, загадочно прохладен... – и эти невозможно прекрасные глаза!) Никогда не встречала она прежде таких красивых глаз. Она вздохнула. Наверняка уж позабыл и ее и вчерашний вечер... и что за дело его императорскому высочеству до случайной мимолетной собеседницы? Глупо влюбляться в наследника престола – в того, кто никогда не ответит тебе взаимностью. Что ж, зато меня оценил Государь и теперь всегда надобно быть первой. Хочешь, не хочешь, а придется стать балериной. Примой... как Вирджиния Цукки. Надо спешить в класс, надо доказать всем и особенно себе, что Государь не ошибся...

Чтобы не терять зря времени, она не стала садиться. Потянувшись через стол, достала из плетеной корзинки густо обсыпанный корицей рогалик и, внимательно осмотрев, задумчиво съела весь до последней крошки. Решила запить чаем и, рассеянно пританцовывая, с некоторой опаской подставила чашку под краник. Раскаленный самовар, плюясь и брызжа, с готовностью выдал из огненных недр порцию крутого клокочущего кипятка. Из пузатенького фарфорового чайника она долила дегтярно-черной заварки, рассеянно глотнула – и тут же обожглась, поперхнулась, закашлялась. Часто дыша, помахала ладонью перед открытым ртом и выскочила из столовой. На ходу сорвав с вешалки пальто, так же на ходу совала руки в рукава. Не застегивая пуговиц, вихрем пронеслась мимо улыбающейся горничной Катюши (та поспешно отскочила и с распятыми руками прижалась к стене, пропуская барышню). Тарахтя каблуками по гулкой лестнице, Матильда сбежала вниз, распахнула дверь – и радостно зажмурилась.

Утренний мартовский воздух был так ярок, что слепил глаза и так свеж, что его можно было пить как студеною воду.

На козлах с привычным величием восседал ее неизменный утренний спутник голубоглазый кучер Василий. Буйная русая растительность покрывала всю нижнюю половину его надменно-простодушного курносого лица; заливчатски закрученные кольца усов доставали до ушных мочек.

– «Доброго утречка, барышня! Хорошо ли почивали?» – лениво поинтересовался Василий и, сбив набок шапку, раскатисто откашлялся. Сплюнув на сторону, он приставил ладонь козырьком ко лбу и для чего-то подробно изучил бледное небо, подернутое утренней дымкой. В голубой вышине во множестве были разбросаны серебристые ребристые облачка. Пока барышня усаживалась, Василий косился на нее через плечо и не торопясь разбирал вожжи. Кучерские обязанности он исполнял с удовольствием и как говорится с огоньком. Только Василий умел так сочно и звонко, с таким продолжительно-поцелуйным звуком чмокнуть с высоты своего кучерского места (получалось у него при этом что-то вроде «м-ц-на-а!») Лошадь, вздрагивала – и, стриганув ушами, уже в следующую секунду срывалась с места. Вот и теперь покатили бодро и весело.

– «Эх, ми-лай!» – то и дело довольным голосом покрикивал Василий. Легко подергивая вожжи, он равнодушно оглядывал встречные экипажи.

После оглушительных событий вчерашнего вечера она чувствовала себя Золушкой, встретившей на балу прекрасного принца. И так же как в сказке она его потеряла (хотя нет – принц покинул бал первым). Однако у той сказки был счастливый конец. Будущее непредсказуемо и волшебное, и оно открывает такие прекрасные дали, о которых не догадываешься.

– «Но как же мелко было все, что происходило до вчерашнего вечера! Как ничтожны и малозначительны были все мои переживания... а ведь казались они мне такими важными. Зато вчера, вчера!.. Да, все познается в сравнении – как это верно».

Ее любопытный взгляд мимоходом отмечал все, что достойно было внимания: счастливую молодую пару (держась за руки, те с умилением глядели друг на друга – было понятно, что им ни до кого нет дела). Высокого красивого офицера, только что спрыгнувшего с подножки щеголеватой коляски и теперь с утомленно-высокомерным видом косившегося на бельэтаж серого дома с барельефами женских головок. Отметила барышня и сотканную из лило-

вых шелковых цветов шляпку на голове миловидной дамы в соседней карете. Обладательница необычной шляпки шурилась на бледное мартовское солнце и зевала в кулачок, затянутый в лайковую палевую перчатку. Заразившись от дамы, зевнула и Матильда.

Утренние столичные улицы были тихи и погружены в сиреневатый туман. Меж тем, с приходом весны, шагавшей уже широко и вольно, в городе открывались все новые волнующие подробности. Малиновая, как леденец, мартовская заря, невысокое розовое солнце и последний легкий морозец, застоявшийся в ущельях петербургских улиц, куда едва пробивались бледные негреющие солнечные лучи, и тонкий, звонкий ледок на лужах – тоже последний; с веселым треском ломался он под тяжелыми колесами экипажей и потом точно битое стекло блестел на бульжниках мостовой...

Незаметно за всеми веселыми наблюдениями выехали на Невский проспект. Копытца разбежавшейся веселой лошадки гулко и звонко зацокали по сизым совершенно уже очистившимся от снега торцам мостовой.

Невский по-утреннему был малолюднен. Не пришли еще покупатели, – но одна за другой открывались уже двери лавок на галереях Гостиного двора, и откуда-то из глубины Садовой, из многочисленных ее полуподвальных кондитерских тянуло кофеем и свежеиспеченной ванильной сдобой. По обеим сторонам Невского спешили люди – судя по виду, все больше обслуга; торговцы, приказчики, разносчики, кухарки.

Весна чувствовалась во всем: в той поспешности, с какою отмывались витрины магазинов и в особой, мартовской прозрачности городского воздуха, и в свежести ветра, гладко обтекавшего складчатый шлейф Государыни Екатерины; гордо вздернув подбородок, в декольтированном не по сезону бронзовом платье царица мерзла на своем высоком постаменте. Под сенью царственной юбки расположились сподвижники... Парики, букли, жабо, узкие квадратные башмаки с пряжками – неужели и впрямь так одевались когда-то?

Прислушиваясь к движению живительных внутренних соков, качались на ветру голые ветви лип (именно такими – черными, изысканно-узловатыми изображались городские деревья на прелестных старинных гравюрах). И особенно нарядным и солнечно желтым выглядел Александринский театр с его ослепительно белой, классической петербургской колоннадой.

– «Весна, весна!» – распевали звонкие струны в душе веселой Сандрильоны. Казалось, все ликуют вместе с ней, будущей артисткой императорского балета, избранницей Государя, спешащей по Невскому навстречу своему счастью. Счастье маячило где-то в конце перспективы, но сама перспектива выглядела весьма туманно. Зато сияющая финальная награда имела вполне конкретный облик: его императорское высочество – наследник Николай Александрович. Сам того не подозревая, цесаревич сделался вождельной целью и главным призом. Выпускницу Театрального училища словно бы наделили преимуществами, о которых пока что никто не догадывался. Но подождите – то ли еще будет!..

– «Кто все эти люди? Бегут, суеются, переживают из-за каких-то маленьких своих забот, радуются крошечным приобретениям, печалются по пустякам. Заспанные, невзрачные, в большинстве своем дурно одетые. – Она разглядывала спешащих пешеходов. – Им и в голову не придет, что можно вот так близко, плечом к плечу, сидеть рядом с императором! И не подозревают они даже какое везение, какие взлеты могут случаться в жизни других: молодых, красивых, успешных, тех, у кого все впереди. И как же милостиво похвалил меня вчера Государь... и спасибо, спасибо вам за это, ваше величество!»

И неужели я, Маля Кшесинская, выпускница балетного отделения, шла вчера рука об руку с царем? Запросто разговаривала с наследником. Сам Государь определил мою будущую карьеру! Если бы знали это прохожие – как бы удивились... И тот красивый надменный офицер... не взглянул бы он на меня так бегло и так небрежно, когда бы знал про вчерашнее. А как добродушно улыбался Государь, подавая мне руку!»

Ей хотелось вновь пережить те прекрасные минуты. В счастливом волнении она вертелась, подскакивала и похлопывала ладонью по кожаному сиденью. Переполнявшие чувства искали выход. Ликующая волна радости – такой же розовой, как небо на востоке, поднималась в груди, обещая впереди счастье, счастье, счастье...

– Пока есть время, нужно еще раз, не спеша, обдумать, вспомнить все по порядку, – она откинулась на спинку сиденья и смежив радужные ресницы, с мечтательной улыбкой подробно и обстоятельно припоминала. Свое волнение и то, как очаровательно она выглядела в голубом платье с ландышами, аплодисменты публики, и обращенные к ней слова Государя... Ах, это замечательно – но пока лишь прохладно, прохладно... и вот уж теплее и совсем горячо... это как усмехнувшись, наследник взял со стола кружку и взглянул... и как удивительно похож был на царевича из русской сказки – такой же синеглазый, русый, улыбочивый.

И как потом, оперев подбородок на белую кисть, вполоборота он на меня поглядывал. С каким вниманием и участием слушал... и согласно кивал, время от времени поднимая небесные синие глаза. Ах, невозможно ведь было не влюбиться. Вот я и влюбилась», – рассеянно улыбаясь, она смотрела в спину кучера Василия. Мерно покачиваясь, эта широкая ватная спина маячила перед глазами – и отчего-то глядеть на кучерскую спину было приятно и весело.

Взъерошенные воробышки, возбужденно чирикавая, прыгали точно пуховые серые мячики возле желтоватых кучек навоза. С веселым писком, с сухим, коротким «ф-р-р-р-х», происходившим от нервного трепетания проворных крылышек, воробьи вспархивали из-под копыт лошадей, не обращавших на них ни малейшего внимания.

– Влюбилась с первого взгляда. И как Татьяна в Онегина безответно. Поздравляю, голубушка – случилось то, что рано или поздно случается со всеми... вот и тебя настиг неизбежный недуг! Со вчерашнего вечера полку влюбленных прибыло. Безнадёжно влюбленных... – уточнила она и вздохнула.

Где-то глубоко в груди, в солнечном сплетении – там, где предположительно располагалась душа, зарождался веселый сквознячок, трепетала весенняя загадочная радость. Было приятно осознавать, что и она не избежала общей участи, – так же как и все оказалась подвержена настоящему серьезному чувству. И почему-то непременно хотелось ей, чтобы было как у всех.

– «Ах, неужели это произошло со мною? и чем только все закончится?..» – она вертела головой, машинально напевая один и тот же куплет надоевшей серенады.

На углу Невского и Малой Садовой, возле магазина Соловьева щеголеватый приказчик в форменном сюртуке, прислонясь к витринной штанге, доедал обернутый в промасленную бумагу бутерброд и перед тем как в очередной раз откусить, зачем-то внимательно и подробно его осматривал. Маленькая рыжая дворняжка сидела возле начищенных штиблет и напряженным взглядом следила за рукой с бутербродом. В возбуждении собака вскакивала – потом вновь садилась, неловко пристраивая под себя хвост. Трясла ушами, умильно облизывалась и, напоминая о себе, то и дело тихонько подлаивала. Весь вид дворняжки выражал самую дружелюбную преданность. Виляя хвостом, она привставала на задние лапы, вертелась и повизгивала – и словно бы даже просительно улыбалась... В какой-то момент приказчик присел на корточки и протянул собаке остаток бутерброда (при этом то и дело опасливо отдергивал руку). Собака мигом выхватила бутерброд – и запрокинув голову, щелкнув зубами, мгновенно его проглотила. После чего произвела молниеносный выпад в сторону приказчика и благодарно лизнула его в губы. Тот вскрикнул, со смехом отпрянул. Брезгливо сморщившись, сплюнул, вытер рот тыльной стороной ладони, погрозил собаке кулаком. И вдруг, присев на корточки, обнял собаку за шею. Дворняжка радостно встрепенулась и с восторженным натиском в одно мгновение вылизала длинным малиновым языком все приказчиково лицо. Тот вскочил и с криками «Фу!.. фу! Ах, ты...» – зажмурился, чихнул, замахал руками и со смехом убежал внутрь магазина. Собака почесалась и вновь с довольным видом уселась у входа в магазин. Роня голову то вправо, то влево, она дружелюбно и внимательно вглядывалась в прохожих.

– «Господи, до чего же они все милые!.. – Проводив веселым взглядом беззаботно чесавшую за ухом дворняжку, Матильдочка потянулась так сладко, что хрустнуло где-то в позвоночнике. – Почему когда влюбляешься, все кажется таким прекрасным? – она не замечала, что говорит вслух. Меж тем высказанные вслух мысли помогают осознать самые смутные чувства и желания. – Выходит, до вчерашнего дня я ничего не знала о любви. Как это весело и одновременно как страшно – влюбиться по-настоящему. Например, ты влюбилась в одного, а любишь почему-то всех вокруг! И этого смешного приказчика, и эту трогательную рыжую собаку... И знаешь, что пойдешь на любые глупости, на любые безрассудства, только бы еще разок хоть мельком взглянуть... на него, на Николая Александровича! И чтобы опять мы с ним говорили, чтобы так же смотрел он на меня своими милыми голубыми глазами...»

В единое восхитительное чувство слились в душе радость и грусть. Печально знать, что твой предмет недосягаем. И зачем только не существует лекарства от любви? Нужно, чтобы была микстура... чтобы выпить залпом – и вот уж опять здорова, опять спокойна и не влюблена.

Но отчего-то ей хотелось и дальше быть влюбленной...

Маля Кшесинская росла в театральном мире, где были свои секреты и тайны. О некоторых она была осведомлена. Великие князья, к примеру, нередко увлекались балетными артистками и даже имели от них внебрачных детей. Вот именно увлекались: подобные связи обозначались такими вот намеренно легковесными словечками. Но чтобы любовь, взаимная и равноправная... – такого не было никогда. Чтобы великий князь (не говоря уж, наследник престола) полюбил танцовщицу (не говоря уж о том, чтобы на ней жениться), – это не могло быть в принципе. Слишком разное положение в обществе. Слишком высоко – на самой вершине – располагается синеглазый Николай Александрович. Как бы тривиально это ни звучало, она не его круга... он навсегда останется для нее мечтой... красивой мечтой.

И все же она не собиралась предаваться унынию. Весна и солнце и этот свежий влажный ветер – жизнь прекрасна!

– «Вот именно, целая жизнь у меня впереди. Молодость, любовь, блестящая сценическая карьера. И сколько горизонтов открывается передо мною теперь! Я красива, талантлива... я люблю танцевать! И, судя по вчерашнему успеху, у меня это прекрасно получается...»

Радость жизни кипела в ней, играла на румяных щеках, блестела в веселых глазах, светло и беззаботно оглядывающих такой же румяный и розовый весенний город. Губы барышни то и дело складывались в улыбку.

Предстоящий день начинался радостно и многообещающе.

9

– «Как мне быть, как мне быть теперь?..» – со смехом пропела Малечка Кшесинская, легко взбегая по чисто выметенным ступеням училищного крыльца, сохранившим полосатый след от дворничьей метлы.

В классе она занималась с особенным удовольствием и пока выполняла экзерсис, не раз ловила на себе ревнивые взгляды сокурсниц.

Любимый преподаватель классики, сумрачный и немногословный Христиан Петрович Иогансон, идя дозором вдоль стоявших у палки учениц, равнодушно опускал тяжелые темные веки (милый Христиан и не подозревал даже о присутствии своем в туманных девических снах). С неистребимым шведским акцентом, забавно, едва ли не на каждом слоге, расставляя ударения, во второй уже раз он негромко заметил: «Недурно, Кшесинская, – весьма недурно». (Из уст Иогансона это звучало как большая и редкая похвала, не доставшаяся за время экзерсиса никому кроме Матильды). И она знала, что преподавательское благодушие никак не связано с ее вчерашним успехом – равно как и с милостивым вниманием к ней Государя. Вовсе не таков был суровый Христиан, чтобы хвалить ученицу потому лишь, что она заслужила еще чье-то одобрение – пусть и самого монарха. Иогансон с его европейским демократизмом был решительно чужд российскому клеветству.

– «Балет... вот подарок судьбы, мое главное счастье! И отчего так безупречны эти линии – рук, спины, шеи? И обязательный признак балерины: прелестный крутой подъем (склонив набок голову, она полюбовалась вытянутой ногой в розовом трико) – и почему это так красиво? Похоже на шею розового фламинго. Красота неписанная, как говорит сестра Юля. Нет уж, как хотите, но я определенно мила... и даже очень, очень мила».

Она полюбовалась собственной рукой с длиннопалой маленькой кистью. Легкая ножка будто бы сама собою взлетала в гран батман выше головы, пируэты удавались безукоризненно точными, а прыжки особенно высокими и затяжными – пространство зеркала длило их без видимого конца. Да и стоило ли приземляться, стоило ли расставаться с веселым чувством полета?

– «Я летаю как в том моем сне. Sauts de basque и grand echange во вторую, emboites вперед, tour, и assemble вперед, шесть emboites назад, и шестнадцать petits changements...⁸ – слегка запыхавшись, она напевала себе под нос заданную Иогансоном комбинацию. Все в ней было настроено на вселенскую любовь, душа пела вместе с роялем концертмейстера... Да и сам рояль гремел сегодня как-то особенно чудно и вдохновенно: не рояль – корабль под черным лаковым парусом... И какое же это счастье – танцевать! О, мой любимый балет! За какие заслуги подарена мне эта роскошь?»

– «Неплохо, – рассеянно и словно бы невзначай в очередной раз обронил Иогансон, проходя мимо; – кстати, госпожа Кшесинская, после звонка попрошу вас задержаться в классе. Потрудитесь подойти ко мне для некоторых замечаний».

Удивленно на него взглянув, она послушно кивнула.

– «Если есть замечания, почему не скажет сейчас? Все это время был доволен мною, хвалил... вот и нынче тоже». – При всегдашней своей требовательности Иогансон был справедлив и не лишен был доброты, – она не ожидала от него неприятностей для себя. И потом, Иогансон всегда ценил ее упрямое трудолюбие. Маля Кшесинская умела и любила работать, она часами могла стоять у палки, добиваясь идеальной чистоты комбинации. Но сегодня...

Во-первых, с самого утра это странное беспокойство – раньше она за собой такого не замечала. Непонятное волнение не оставляло от начала и до конца класса (опасение

⁸ хореографические термины (франц.)

не оправдать доверия?) Что ни говори, – а от тех, кто публично признан успешным, впредь ждут одного лишь успеха. Причем успеха все большего, в разы превосходящего первый. Нужно готовиться к тому, что неуспеха тебе теперь не простят никогда. Вообще, довольно неприятно разочаровывать. Что ж – придется всегда быть впереди, быть лучше всех. Конечно это нелегко, но зато как весело!

– «Я и буду первой, – клянусь! Буду непременно, чего бы мне это ни стоило.

Вирджиния Цукки как сияющая путеводная звезда, маячила перед ее мысленным взором, накручивая бесчисленные фуэте и поощрительно улыбаясь. – Я буду, буду как Вирджиния. Обязательно стану знаменитой!»

– «Не выдаешь ли ты желаемое за действительное, душа моя?» – посмеивалась старшая сестра, выслушивая рассказы младшей о ежедневных балетных успехах. Отец любил вспоминать, как трехлетняя Малечка, мило взмахивая ручками, косясь в зеркало, вдохновенно танцевала перед гостями. Если кто-то из гостей, поощряя порыв маленькой танцовщицы, садился за рояль, – малышка кружилась ровно столько, сколько звучала музыка. Лицо ее при этом выражало забавное блаженство и совсем не детскую, вполне осмысленную сосредоточенность.

– «Даже гадать не стоит, – непременно станет балериной», – умилено заключали гости и награждали маленькую танцовщицу шоколадкой или мандарином.

По окончании урока Матильда вытерла вспотевшее розовое лицо таким же розовым насквозь промокшим полотенцем, пригладила мокрые волосы – и ощущая приятную развинченность во всех суставах и вообще райскую легкость в теле, не касаясь ногами пола, полетела к Иогансону. После напряженного занятия она всегда пребывала в такой вот блаженной невесомости и ужасно любила эти свои бестелесные ощущения.

Христиан сидел в противоположном конце класса за узким столом-конторкой у большого окна с мутноватыми, еще не мытыми после зимы стеклами и спустив очки на кончик носа, со стуком обмакивая ручку в чернильницу, быстро писал что-то в классном журнале. Матильда обозначила свое присутствие решительным бойким реверансом и, мельком взглянув на Христиана, пыталась угадать его настроение; она понятия не имела, к какому разговору ей надлежит готовиться.

Иогансон, не поднимая глаз, подвинул к ней опустевший стул концертмейстера и подбородком показал, что можно сесть. Легко вздохнув, она опустилась на стул, сдвинулась на краешек сиденья. Выпрямив спину, скрестив и вытянув ноги (серые носочки истертых розовых туфель уперты в пол, руки сложены на коленях), она сидела чрезвычайно стройно и мило, глядя прямо пере собой, – именно так и сидят балетные девочки. Иогансон продолжал писать; Матильда зажала сцепленные покрасневшие кисти рук между коленками и в ожидании бегала глазами по стенам. Из коридора слышался заманчивый и беспечный шум перерыва. Окончив наконец свои записи, Христиан захлопнул журнал, отложил перо и поверх очков пристально на нее взглянул. Некоторое время он молчал, постукивая ладонью по столу. Наконец, прищурившись, с присущей ему иронической интонацией произнес: «Ну-с... и что же вы теперь о себе думаете? Небось, рады? вчера одной из первых вы были отмечены Государем... – кажется, вам это было приятно, не так ли?»

Матильда не вполне понимала куда клонит преподаватель. Слегка заикаясь, напряженным голосом она отвечала: «Д-да». Не поднимая глаз, вновь вздохнула, – просто так, на всякий случай. Ученики в балетном классе предпочитают не торопиться с ответом – даже если это прямой вопрос. Мало ли что... Здесь принято молча выслушивать распоряжения наставника – и потом без лишних разговоров выполнять. Матильда молчала.

– «Тогда скажу я. Так вот, *mademoiselle* Кшесинская... не сочтите мои слова за наставление или, упаси Господь, за выговор, – да и зачем я стану выговаривать без пяти минут артистке?»

Однако есть у меня для вас некоторые... э-э-э... рекомендации. И этот совет, который я собираюсь вам дать, он скорее дружеский, нежели менторский, – скрестив на груди руки, Христиан, откинувшись на спинку стула и насмешливо оглядел ученицу. Та, не понимая, по-прежнему молчала.

– Может быть, мои слова покажутся странными, но вот что собираюсь я... – не договорив, он раздумчиво поднял бровь и молча барабанил пальцами по столешнице, – вот что собираюсь я предложить вам теперь. Попробуйте забыть раз и навсегда вчерашние похвалы Государя. Скажите себе: ничего такого не было, – Государь ничего не говорил мне вчера».

По своему обыкновению, не разжимая тонких губ, Иогансон изобразил подобие улыбки и устремил на нее свои водянистые скандинавские глаза.

Матильда недоуменно улыбнулась и поерзала на стуле. Повисла пауза.

– «Я никогда не смогу забыть тех слов, что сказал мне вчера Государь. Всю жизнь буду помнить», – негромко проговорила ученица. По-прежнему, не глядя на Иогансона, она села еще прямее и безмолвно теребила пальцы.

За несколько секунд глаза Христиана проделали тот путь, который солнце обычно проходит за день, – от восхода на востоке, к короткому стоянию в зените – и затем к закату у линии горизонта.

– «Я вижу, вы не совсем... не до конца поняли мою мысль. Я тогда поясню. Вы прилично отработали сегодняшний урок, да. Однако я заметил, что нынче вы особенно себе нравились. Раньше я не замечал за вами столь явного самолюбования. (Матильда слегка порозовела). Может быть и неплохо восхищаться собственной персоной. Однако, не стоит делать этого напоказ, – слиш-ком откровенно, слиш-ком», – повторил Иогансон, поставив ударение скорее на последний, нежели на первый слог. Он закашлялся и потом продолжал, в упор на нее глядя: «Давайте рассуждать вместе. Государь, его императорское величество, есть правитель великой большой страны России... согласны ли вы со мною?»

Она неуверенно кивнула. Иогансон ладонью разгладил страницы раскрытого журнала.

– То есть, среди огромного количества своих наиважнейших дел Государь, я полагаю, вряд ли много интересуется балетом, не так ли? – он вновь косо на нее взглянул. – В высочайшей своей доброте и в хорошем расположении духа правитель волен кого-то похвалить, да. В нашем отдельном случае объектом похвал стала выпускница Кшесинская. Замечу, что и для вас, и для нас, преподавателей, это есть чрезвычайно вдохновительно. Соглашусь, – приятно услышать добрые слова о себе из уст императора. Но послушайте... гордитесь в том случае, когда похвалит вас учитель, – он хорошо знает ваши слабости и всегда оценит ваши достижения. Немного погордитесь, когда сами себя похвалите, – кто как не вы лучше других замечает собственные недостатки и промахи? Но, притом, хвалите себя немножко – чуть-чуть. Есть в русском языке хорошее слово «бегло» (он улыбнулся, и ударение у него вновь вышло скорее на последнем, чем на первом слоге). – Вы должны сказать себе: да! сегодня я работала неплохо. Но до меня в балетном искусстве трудились Телешова, Истомина, Тальони... но мои современницы, в одно время со мною танцующие на знаменитых сценах – это Брианца, и Леньяни... и замечательно техничная Цукки, наконец! (он быстро взглянул на Матильду, зная, что Вирджиния Цукки главный кумир его ученицы). Могу ли я быть уверена, что приблизилась к ним по уровню мастерства?... – Христиан развел руками и посмотрел в потолок; – не говоря уж о том, чтобы превзойти. Вот о чем вы должны постоянно себя спрашивать! И всегда помнить о некотором своем несовершенстве. О значительном несовершенстве – особенно в сравнении с великими балеринами. Почаще себя критикуйте, но и равняйтесь на великих. Только так вы получите успех». – Иогансон многозначительно приспустил веки и замолчал. Молчала и Матильда. Из-за дверей по-прежнему слышалась суэта перерыва; звенел в коридоре девический смех, с улицы доносились детские крики и скрип плохо смазанных тележных колес.

– «Надеюсь, вы правильно меня поняли и примете к сведению мой совет, – ибо он есть не что иное, как дружеское замечание, высказанное мною моей способной ученице, нынче уж выпускнице. Впереди у вас много работы: артистическая карьера, выступления на большой сцене. Все будет зависеть лишь от ваших усилий. Не слушайте ничьих похвал... – работа и только работа, ничего более. Теперь идите, Амалия и думайте, – я сказал вам все, что имел сказать». (Иногда он называл ее «Амалия», по-своему переиначивая имя «Маля», которым ее звали подруги, и которое, очевидно, ему не нравилось).

Она вскочила.

– «Спасибо, Христиан Петрович! Я благодарна вам за ваши советы, за постоянное внимание ко мне, – она спешила и слегка запинаясь. – Я все поняла, и... я обещаю подумать. Я ценю любое ваше замечание. И еще я хотела бы брать у вас класс в театре... когда стану работать». – Иогансон, подняв бровь, улыбнулся, наклонил голову и ничего не ответил. Она сделала ему два коротких реверанса: вправо и влево. Секунду помедлив, присела в еще одном широком реверансе, к которому на всякий случай добавила слегка виноватую улыбку. (Не зря предмет «Драматическое мастерство актера» был сдан ученицей Кшесинской на отлично еще перед Рождеством). Иогансон кивнул и, отпуская, махнул рукой по направлению к двери. Облегченно вздохнув, она вылетела из класса.

– «Ф-фу-у!.. Слава Богу, – ничего серьезного не сказал, придирался к каким-то пустякам. У меня и в мыслях не было заноситься... но неужели было заметно со стороны? Если так – то, конечно, стыдно перед Христианом. Или просто хотел преподать урок на будущее?.. И вовсе не собираюсь я себя недооценивать... и тем более принижать собственные успехи. Все-таки именно меня – одну из всех – первой отметил Государь! Вот увидите: я буду танцевать не хуже, чем ваша „замечательно техничная“ Цукки. А почему бы и не лучше, собственно говоря?..»

После вчерашнего успеха она чувствовала, что может все. Улыбаясь, быстро шла по опустевшему притихшему в ожидании звонка коридору. Воображение рисовало картины будущего ошеломительного триумфа, – и он в точности был похож на тот, какой бывал обычно у Цукки. Овации, крики «браво», – и вот уж публика срывается со своих мест, бежит к сцене, выкрикивая: «Кше-си-и-нская!» Цветы летят ей под ноги – она с достоинством кланяется, на губах играет загадочная улыбка... И главное, он, наследник аплодирует вместе со всеми и его чудные голубые глаза выражают одобрение... нет, восхищение! (И что же теперь – забыть о том что именно ей, Мале Кшесинской, Государь велел продолжить и приумножить славу русского балета? – Ну уж нет!)

Проходя мимо большого окна, она огляделась; подышав на холодное стекло, подобно Пушкинской Татьяне пальчиком написала: «NR». Оглянувшись по сторонам, украдкой прибавила: «+ МК». Загородив собою, полюбовалась волнующей любовной формулой. Она позабыла теперь обо всем, в который уже раз задумчиво обводя пальцем заветный вензель. В жемчужном тумане стекла сквозь прозрачно подтекающие буквы виделось ей что-то томительное, прекрасное... и вновь сладко замирало сердце. Спohватившись, она стерла расплывшиеся буквы, недовольно осмотрела испачканную пыльно-серой влагой ладонь и медленно побрела по коридору. Необъяснимые страхи наполняли душу. Вместе с тем, она знала точно: грядут неведомые веселые перемены. Воспоминания о вчерашнем вечере навевали легкую прохладу в области сердца. О, это болезнь! Она больна – точно ведь больна! Налицо целый список симптомов. Постоянное желание его видеть. Тянущая сладкая тоска. Мучительная навязчивость образа.

– «Да что же это? Боже мой, Боже мой... – без выражения говорила она, не замечая ничего вокруг. Да уж, совсем не ту мораль прочел ей так ратующий за скромность Иогансон. И вовсе не горделивая заносчивость угрожала прилежанию выпускницы Кшесинской. Совсем другая, сродни одержимости хворь сразила будущую артистку Императорского балета. Приятный недуг теперь прогрессировал, угрожая перейти в стадию острой всепоглощающей страсти.

И эта весьма распространенная болезнь называлась любовью с первого взгляда. (Заражение ею происходит обычно через мысли, через взгляды... особенно через прикосновения).

– «Малька, бегом, – опаздываем!» – обдав ее на бегу быстрым теплым ветром, мимо промчались Любаша и Ася. Она не услышала разумных призывов. Рассеянно глядя перед собой, молча улыбалась. Впереди, как недостижимая горная вершина, сияла мечта.

И это при том, что с самого раннего детства, как в семье так и в балетном классе ей постоянно внушали одну и ту же мысль: недостижимых вершин не бывает вовсе...

10

На другой день, исполняя свой тайный замысел, Матильда решила слегка изменить постоянный маршрут; она решила проехаться по Невскому мимо его дома, – то есть мимо Аничкова дворца. Когда приблизились они к Фонтанке, Матильда решительным голосом велела Василию остановиться. Не доезжая Клодтовских коней, развернулись и встали неподалеку от решетчатых дворцовых ворот.

Высокий худой дворник в длинном белом фартуке с блестящей бляхой на груди, размашисто мел черные булыжники перед высокой оградой Аничкова. Свою ежеутреннюю работу дворник исполнял с привычной и спорой машинальностью – при этом он бормотал что-то себе под нос. Возле охранной полосатой будки скучал рыжеусый городовой с шашкой у пояса. Подбоченившись, широко расставив ноги, тот следил пустыми сонными глазами за размеренными движениями дворницкой метлы. Не поднимая глаз, городовой что-то сказал дворнику, и тот, усмехнувшись, продолжая мести, с ленцой ему отвечал.

Дворец безмолвствовал. Ярким золотом горела увенчанная крестом церковная главка, маленькие блестящие колокола покачивались на легком утреннем ветру.

– «Что он делает сейчас? Пьет чай? Читает молитву, стоя перед образами дворцовой церкви? Уж я-то знаю, о чем бы просила Господа и Пречистую. А что может просить он, – тот, у которого есть все? Хочет ли он чего? мечтает ли о чем? И может ли он, например, быть влюблен? А вдруг наследник любит какую-то барышню, – и эта барышня вовсе не я...»

Но отчего-то ей показалась это невозможным.

– «Трогай... – рассеянно велела она Василию, и тот привычно покатыл по направлению к Театральной улице. Свернули за угол павильона Росси. Когда проезжали мимо склонившегося меж колоннами черного воина, Малечка вдруг вскрикнула: Стой! Стой! Остановись!»

Ей показалось, что невысокая фигура наследника мелькнула за дворцовой оградой (Он! точно он!) Вновь остановились, – теперь уж напротив дворцового парка. Сердце у нашей барышни на секунду загнулось – и забило вдруг с ужасной быстротой. Кровь бросилась в лицо и тут же отхлынула, – так что мгновенно застыли щеки. Она выбралась из коляски и быстрым шагом пошла, а потом уж и побежала вдоль высокой, увенчанной поверху золочеными двуглавыми орлами садовой решетки. Пристально, до двоения в глазах вглядывалась она сквозь чугунные прутья в глубину сада.

– «Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть случится чудо, – пусть это будет он!»

Своими дальнзоркими глазами она уже видела молодого человека, неспешно идущего ей навстречу по садовой дорожке.

– Он, он!» – сердце отчаянно заколотилось. Увы, – то был всего лишь призрак, мираж, навязанный пылким воображением. Никто из царственных обитателей Аничкова даже не помышлял бродить по дворцовому саду в столь ранний час. Одинокая фигура работника в сером длинном фартуке маячила вдалеке. Тот недолго постоял на тропинке и нехотя побрел по своим делам. И теперь лишь ветер единолично хозяйничал в пустынном голом парке: гнал по дорожкам сухие черные листья, качал черные ветки деревьев, не очнувшихся еще после зимней летаргии.

Матильда разочарованно вздохнула и, развернувшись, уныло побрела к коляске. На полпути она оглянулась. Маленькие двуглавые орлы, сверкая на солнце золотым оперением, многократно повторялись по верху садовой ограды. Клювастые головки с демонстративной надменностью глядели в разные стороны. Забираясь в коляску, она мысленно заставила их посмотреть друг на друга, – вышло забавно.

– «Поехали, поехали быстрее... не опоздать бы в училище», – с озабоченным вздохом в последний раз она оглянулась на широкие створки. По сторонам ворот два больших золотых

орла, хищно вглядываясь, приготавливались терзать золотыми острыми клювами ее влюбленное сердце...

С этого дня забота о том, как встретиться с наследником держала ее в постоянном беспокойном напряжении. Это было как голод, как неутолимая жажда, – но кормить и поить при этом никто не собирался. И если такова любовь, то жить с этим решительно невозможно. Это сумасшествие, мания, *idee fixe*...⁹

– «Хочу его видеть! Хочу! Хочу! – твердила она – и так крепко сжимала при этом кулаки, что от впившихся ногтей оставались на ладонях синеватые лунки-отметины. Любовь мучила, не давала покоя, – но променять нынешнее болезненное состояние на прежнюю безмятежность было немислимо. Каждый следующий день проживался в лихорадочном нетерпении.

– «Любовная тоска меня изводит... – покусывая кончик ручки, Матильда машинально блуждала взглядом по коричневатым полушариям висевшей над столом географической карты. – Но почему-то я знаю, что счастье мое близко, совсем рядом. – Поискав глазами на карте, она обвела пером кружок, под которым написано было „Санкт-Петербург“. – Мое счастье здесь, на берегу Невы, в столице Российской империи...» В душе у нее при этом что-то радостно трепетало.

---

⁹ навязчивая мысль (франц.)

11

После выпускного концерта прошло уже три с половиной дня. Любовную болезнь тяжело переживать в одиночестве, – требовалась сиделка: кто-то должен был успокаивать, ухаживать, убеждать. И все-таки, при всей их мучительности, новые ощущения были приятны. Простейший анализ предрекал логический прогноз: любовное будущее виделось как тяжелая долгая работа, которая совсем необязательно увенчается успехом. Ясно было одно: необходимо действовать. Прямо сейчас нужно было куда-то бежать, что-то делать. Главное, не сидеть на месте.

– «Нет, долго я так не выдержу. Это пытка, мучение... это просто наказание какое-то». Лишь на пятый день, вечером, после ужина, она подошла к сестре.

– «Юля, помнишь ли тот давний наш разговор? Мне надо кое-что тебе рассказать. Хочу посоветоваться», – не обращая внимания на скептическую усмешку сестры, она за руку тянула ее к дверям спальни. С недоуменно поднятой бровью та послушно шла следом. Усадив сестру в кресло, Матильда села перед ней на пол.

– «Ну и?.. – выжидательно улыбаясь, сестра склонила голову набок, – я внимательно слушаю».

Младшая шумно выдохнула и, опустив глаза, без выражения произнесла заранее приготовленную фразу: «Вот что... вот что я хочу сказать тебе, Юля... мне конечно очень стыдно, но я ничего не могу с собой поделать. И кому-то ведь я должна открыться...»

– «Кому-то должна, – легко согласилась сестра; притопывая ногой, она улыбалась, – вот мне и откройся... пока соглашаюсь выслушивать твои откровения».

Младшая кашлянула.

– «Да! я расскажу... понимаешь ли, я хотела оставить все в тайне, – но потом решила, что доверюсь тебе. Только заранее прошу, не смейся. Для меня это слишком серьезно – в первый раз все так серьезно, – она зажала руки между коленями и, усаживаясь, поерзала. – И еще: пожалуйста, не говори со мной, как с ребенком, – уж я знаю эту твою привычку».

Сестра подняла брови и, взяв со стола книжку, рассеянно ее листала.

– «Пожалуйста, Юля!» – Матильда сделала страшные глаза.

– «Я вся внимание, говори. Сама ведь тянешь время», – Сестра сунула книжку за спину, скрестила на груди руки.

– «Ладно, я предупредила, – теперь слушай. Со мной случилось... ах, я и сама еще толком не разобралась. В общем, я сильно влюбилась, – и ты даже представить себе не можешь в кого...»

Юля усмехнулась.

– «Вот уж новость так новость! Поди десятая по счету из таких новостей... и пари могу держать, не последняя. И отчего вдруг такой драматизм в голосе? Будто уж я тебя не знаю. Кто там у нас был? Как сейчас помню, – она принялась загибать пальцы. – Онегин, Печорин. Да, потом еще Андрей Болконский, Алексей Вронский... Пьер Безухов... – нет Пьера, слава Богу, чаша сия миновала».

Матильда фыркнула. – «Какой еще Пьер! Он толстый и в очках! Кто такого полюбит».

– «Ну, хорошо, – так в кого же теперь? Не томи. И ведь ровно через неделю разочаруешься, скажешь, что ошиблась. – Сдерживая улыбку, сестра покосилась в зеркало. – Постой, я забыла, а ведь были еще балетные. Как сейчас помню: сначала ты страдала по Феликсу, потом Вацлав, дальше Коля...» – она загибала пальцы.

– «Юля, ну, правда! мне не до шуток теперь. То была литература или совсем уж детское. На этот раз все серьезно! В том-то и дело, что я влюбилась по-настоящему, – и не просто в партнера, а... в наследника цесаревича, – скороговоркой пробормотала она и быстро взглянула на сестру, – в его императорское высочество... в Николая Александровича».

– «Ах, даже та-ак? – Юля откинулась на спинку кресла и, обняв мягкие поручни, задумчиво их погладила, словно бы приласкала. – Послушай, да отчего уж сразу не в Государя императора?» – она пожала плечами.

– «Нет, зачем глупости-то говорить? Так я и знала! – Матильда ударила себя кулаком по колену, – и вот вечно ты насмехаешься! Как можно смеяться над всем подряд?»

– «Конечно, грех ведь смеяться над детскими фантазиями вполне уже взрослой девицы», – с серьезным видом подтвердила сестра.

– «Почему, собственно, фантазии? Да! Ты не ослышалась. Я. Влюбилась. В наследника... – она с особым удовольствием выговорила это красивое слово, прислушиваясь к тому как звучит. Скосив глаза, с ожесточением покусала ноготь. – В его императорское высочество!» – запальчиво уточнила она и вновь уставилась на сестру немигающим пристальным взглядом. Она нуждалась в оценке события. Как оно на посторонний взгляд – это чувство, что мучит ее в последние дни? Чувство, похожее на восторг и горе одновременно. Которое не проходит, – напротив, все усиливается. Вовсе ли оно абсурдно – или есть какой-то призрачный шанс? и тогда... о, тогда уж она преодолет все преграды!..

Сестра наморщила гладкий лоб, еще раз оценивая новость. Юля была семью годами старше, давно танцевала в кордебалете Императорского театра и при этом не одного уже поклонника покорила своей выдающейся красотой.

– «Маля, да помилуй, голубушка моя! если ты ждешь серьезного и честного ответа, то... право не знаешь даже, что тебе и отвечать. Ведь взрослая уже девица! В наследника... – повторила сестра, качая головой. – Ну, это как барышни поголовно влюбляются в модного оперного певца или в драматического актера. Только поверь, душа моя, ему от твоей любви ни жарко, ни холодно. И я не сомневаюсь, что точно так же в него влюбились все девочки, – весь ваш выпуск. Положим, что вместе вы пили чай, сидели рядом... – прищурившись, она пожала узкими плечиками, переходившими в пышные рукава, – только при чем здесь любовь? И если ты думаешь, что последует что-то большее, тогда не обижайся мой друг, но ты просто наивная третьеклассница. Он верно ради приличия сказал тебе несколько формальных фраз – так, ни о чем, а ты уж и Бог знает, что себе напридумывала. Уверяю тебя, он забыл о твоем существовании ровно через пять минут после того как отъехал от училищного крыльца.

Матильда открыла рот, чтобы возразить, но сестра, опередив ее, помахала в воздухе пальцем.

– Твои фантазии останутся лишь фантазиями, – из них ровным счетом ничего не последует. Ни теперь, ни в дальнейшем. Ни-че-го, пойми! – каждый слог Юля отмечала ударом ладони по поручню кресла. (Заодно уж полюбовалась своими блестящими острыми ноготками). – Увидишь потом, как я была права».

Матильда, сдвинув брови, угрюмо смотрела в пол. Некоторое время она молчала, потом сверкнула глазами.

– «Посмотрим. А впрочем, знаешь, что последует из этих, как ты говоришь, моих фантазий? А последует из них то что (обкусывая ноготь, она расставляла точки после каждого слова) он. будет. моим. Рано или поздно будет моим. Я тебе обещаю... я себе обещаю». – Она слегка задохнулась и с выражением ожесточенного упрямства нервно дергала себя за пальцы. Юля рассмеялась.

– «Ну, если уж так основательно ты все решила, если уверена, что он будет твоим, – зачем со мною советоваться? Я, однако, не понимаю, откуда такая уверенность. Он делал тебе авансы? Может быть дал понять, что ты ему нравишься? Какие вообще у тебя могут быть виды на... его императорское высочество? Я повторю тебе десять и если хочешь сто раз, – он давно забыл о твоем существовании! Дело вполне безнадежное и не надо сходить с ума».

– «Возможно, я сошла с ума, – глядя на сестру снизу вверх, младшая жалко улыбалась, – да, я сошла с ума!.. и у меня не может быть на него никаких видов... и мне не на что рассчи-

тивать. Но что мне делать, Юля?! И не нужно мне никаких видов, – просто хочу его видеть. А если, как ты говоришь, он меня забыл, тогда нужно напомнить...» – она накрутила на палец прядь волос и ожесточенно дергала.

– «Во-первых, не стоит рвать на себе волосы, – пока что для этого нет повода, – улыбаясь, Юля мягко отвела руку сестры; – во-вторых... чем же я-то могу помочь? – поднявшись с кресла, она с удовольствием оглядела себя в зеркале. – В любом случае надеяться на... – нет, это бред, Малька! – Сестра встала перед зеркалом и поворачивалась, пытаясь разглядеть завязанный сзади бант. Расправила свисающие концы пояса, пожала плечами. – Во-первых, успокойся. Во-вторых, сравни: кто он – и кто ты. Душа моя, в твоём возрасте пора бы уже смотреть на вещи разумно...»

Матильда вскочила.

– «Кто он и кто я!.. Ф-ф-ф! – Она вскинула глаза и возмущенно всплеснув руками, хлопнула в ладоши у себя перед носом. – Во-первых, позволь тебе напомнить, что всю жизнь с самого детства мы только и слышим, что происходим из графского рода Красинских! разве не так? Папа ведь всегда особо настаивал на нашем графском происхождении.

Она оглядела стоявший в углу ветвистый фикус (тот, казалось, внимательно слушал: крупные кожистые листья были похожи на раскинутые в удивлении ладони).

– Между прочим, Государь сам познакомил меня с наследником. И еще предупредил, чтобы мы не слишком флиртовали! Получается, что... если не слишком, то можно! ну, флиртовать, – она засмеялась и мельком взглянула на сестру, – и знаешь, мне показалось, что Государь вовсе даже не против чтобы мы...» – она невольно прыснула и покосилась на сестру. (Тут уж даже фикус всплеснул руками-ветками, видимо, не одобряв столь смелого предположения).

Сестра с обреченным видом вздохнула.

– «Ей кажется! Да чего уж там, – и не кажется вовсе! Конечно же, Государь не против. – Она язвительно усмехнулась, – ты сама-то поняла, что сказала? Государь император, по-твоему, выступает в роли... свата? Конечно, а как же! Его величество ночей не спит, все думает: вот славно, если бы мой старший сын влюбился в Мальку Кшесинскую! Ту, из Театрального училища. Невеста прекрасная для нас во всех отношениях! А какая императрица из нее получится! – Юля засмеялась. – Малька, Малька... выброси из головы эти свои мечты о принцах. Его императорское высочество – и... вдруг ты! С какой стати? Абсурд. Нонсенс».

– «Какая же ты скучная, Юля! И все-то у тебя невозможно, и все-то «выброси из головы». И вечные эти твои абсурд и нонсенс, – она подошла к окну и, повиснув на подоконнике, оглядела пылавшие закатным солнцем стекла дома напротив. – Ну, так слушай: или я умру... умру без него, – или... он будет моим. А он будет моим непременно, – решение принято.

Юля наклонила голову, пряча улыбку.

– Смеешься? пожалуйста, смейся сколько угодно, только знай, что на этот счет у меня есть свой закон, который работает безотказно».

– «Какой же?»

– «Сейчас поймешь, – младшая отошла в угол и покосилась на сестру, – вот ты меня теперь видишь? Не смотри, не смотри, – только в зеркало! В зеркале ты меня не видишь, – и точно так же не вижу тебя я. – Она, крадучись, пошла вдоль стены. – А теперь? Не на меня, не на меня, – ты в зеркало смотри! Что ж, видишь?»

Сестра засмеялась. – «Ну... теперь вижу! Половину носа, половину рта и один глаз».

– «Во-от! – младшая подняла палец вверх. – И ровно настолько же вижу тебя я. Это и есть закон зеркала. И если мне, например, нравится человек, то я уверена, что так же нравлюсь ему и я, – по закону зеркала. И пусть он будет самый красивый, самый недоступный, пусть он даже будет женат, пусть возле него вьется хоть десяток красавиц! Пусть он будет принцем и королевичем, и царевичем, – да ради Бога, что из того. Только уж если я в него влюбилась, значит, точно так же влюбится в меня он! Я даже не понимаю, как это у меня получается.

Но другие варианты исключены, – такой закон. И потом... еще веселее завоевать того, кто недоступен».

– «О да», – безмятежно подтвердила сестра.

Матильда уселась на подоконнике, болтая ногами.

– «Вот ты помнишь того англичанина? Ну, который влюбился в меня летом в имении? Ну, когда я была еще ма-аленькая? – нетерпеливо уточняла она, стуча по стене каблучком туфли. И вдруг изумленно всплеснула руками. – Послушай, Юля, а ведь я даже имя его забыла...»

Юля, как раз, хорошо помнила ту давнюю, не слишком красивую, довольно странную историю. Четырнадцатилетняя тогда Матильда (резвый и несмотря на ежедневные хореографические упражнения довольно угловатый, нескладный, с длинными руками, подросток), замыслив взбалмошную детскую интригу, с необъяснимым упрямством ее затем осуществила. То есть, влюбила в себя молодого англичанина, гостившего в соседнем имении.

Впрочем, вспомнила все и сама Матильда.

...Случилось все в разгар лета. Она давно уж заприметила красивого долговязого молодого человека, едва ли не каждый день промахивавшего мимо их окон на стрекочущем велосипеде. (Комната Малечки была на втором этаже, и окрестности просматривались из окна так же подробно, как, например, сцена из ближней ложи).

Вскоре Феликс Иванович с дочерью встретили того велосипедиста на соседней улице, – он весело катил прямо на них по гладкой глинисто-розовой тропинке. Учтиво пропуская отца и дочь, молодой человек соскочил с велосипеда в пыльную теплую траву, – из-под его светлых башмаков, застрекотав, выстрелили несколько кузнечиков и лениво вспорхнула белая бабочка-капустница. Придерживая веломашину за руль, молодой человек вежливо поклонился. От тропинки шел полуденный жар. Феликс Иванович приветственно приподнял шляпу и, обмахнувшись ею, с улыбкой проговорил: «Уф, ну и жара сегодня! How do you do, Чарльз! Вы незнакомы, – вот, прошу любить и жаловать: моя дочь Матильда... Матильда-Мария, – и с улыбкой прибавил: Кшесинская, разумеется».

Англичанин (в полный рост он казался еще выше) с серьезным видом опять поклонился, – теперь уже дочке.

– «Очень... приятное знакомство. Мое имя есть Чарльз Макферсон», – взглянув на барышню, велосипедист доброжелательно улыбнулся. В ответ Матильдочка присела в книксене и решительным жестом балетной принцессы протянула свою детскую, сплошь в комариных укусах, загорелую ручку. Молодой человек, склонившись, осторожно пожал розовые пальчики и все с тою же благожелательной улыбкой учтиво спросил: «Вы, вероятно, изучаетесь гимназия, Мария... не так ли?» – Она опять прыснула и закусив губу, взглянула на него исподлобья.

– «Совсем даже не так ли! И никакая я не Мария! Вообще никто меня так не называет! Я привыкла, чтобы меня звали Маля. Ма-ля, – по слогам повторила она, и в ее играющих желудевых глазах замелькали насмешливые искры. – И я изучаюсь не в гимназии, а в Театральном училище», – она вновь покатила.

– «Маля!..» – отец укоризненно качнул головой, слегка развел руками и улыбнулся Чарльзу, словно бы извиняясь за шаловливый характер своей дочки.

– «О! – удивился молодой джентльмен, – вы мечтала быть актриса?»

– «Собирается стать артисткой балета. Она у нас обучается хореографии», – четко произнося слова, как всегда делают русские, разговаривая с иностранцами, объяснил молодому джентльмену Феликс Иванович и потрепал дочь по волосам.

– «Очень интересно... балет», – удивленно и одновременно одобрительно проговорил англичанин, бросив быстрый взгляд на крепкие, в белых носочках, в парусиновых туфельках ножки барышни (бывшие почти полностью на виду по причине по-детски еще короткого платья).

После той нечаянной встречи Малечка и англичанин как-то незаметно подружились и виделись теперь едва ли не ежедневно. Она полусутоливо, полусерьезно называла его «сэр», – «сэр Чарльз». Он ее «Малиа» и «Тили», – это второе имя было его личным изобретением, – именно с его легкой руки многие ее потом так называли.

Когда близилось время велосипедной прогулки Чарльза, Матильдочка торопливо причесывалась, спускала на лоб и на розовые ушки легкомысленные завитки, надевала дачную с широкими полями шляпу (в ней она казалась себе похожей на романтическую тургеневскую Лизу) и, повертевшись перед зеркалом, мчалась в сад. Бросала на скамейку книгу и, спрятавшись за деревом, обнимая шершавый пыльный ствол, высматривала появлявшихся из-за поворота велосипедистов.

Завидев еще издали Чарльза, она немедленно плюхалась на горячую чуть липкую с пузырями краски садовую скамейку, наугад раскрывала книжку и погружалась в чтение. Задумчиво накручивая на палец развившийся локон, прилежно изучала одну и ту же страницу и нетерпеливо взглядывала на дорогу. При этом маленькая кокетка беспрестанно кусала губы (слегка запекшиеся от жары они должны были соблазнять Чарльза, когда он, опершись на изгородь, отведет ветку лапчатого клена и взглянет на милое личико со скользящими по нему солнечными бликами, с кружевной лиственной тенью на смугло-румяных щеках). Чарльз подумает: ах, какая красивая девочка!.. – и все время пока они будут беседовать, не сможет отвести взгляда от ее алых губ.

Подкатив к изгороди, англичанин спускал с педали длинную ногу (клетчатая брючина схвачена на щиколотке бельевой прищепкой), тормозя, прошаркивал по траве подошвой светлого спортивного ботинка и отводил закрывавшую обзор ветку. Матильдочка не подавая виду, продолжала читать, и тогда англичанин с улыбкой негромко ее окликнул:

– «Привьет-ствуйу, Тили! Как дъела?»

– «О, Чарльз! – юная кокетка, сияя улыбкой, весьма натурально удивлялась неожиданной встрече. Поспешно, страницами вниз откладывала раскрытую книгу, отводила тыльной стороной ладони прядь волос, заброшенную ветерком на румяную щеку.

– Здравствуйте, здравствуйте! А я так зачиталась, что и не видала даже, как вы подъехали!»

– «А что же, Тили... что же, Малиа, вы разве уже и читать умеете? Какая вы есть образованная барышня, – искренне удивлялся Чарльз, широко раскрывая серьезные серые глаза, в которых исподволь зарождался смех.

– «Немного умею, да... пока только по складам! – подыгрывая ему, она фыркала и вновь брала в руки книжку. – Вот послушайте как я могу: Граф Мо-н-те К-ри-с-то-о», – намеренно медленно, по слогам читала она, обводя гнувшимся розовым пальчиком золотые буквы заголовка, невинно поглядывая на англичанина, медленным жестом вновь сбрасывая со щеки развившуюся рыжеватую прядь. Оба хохотали. Румяная Тили откладывала книжку в сторону и, откинувшись на горячую спинку скамьи, взявшись за поля шляпы, мечтательно вздыхала.

– «Знаете что, Чарльз... а ведь когда-нибудь я куплю себе прекрасный замок на берегу моря и назову его «Вилла Алам».

Англичанин, сидя на велосипеде, упираясь ногой в забор, балансировал со скрещенными на груди руками.

– «А lamb? Вилла „агнец“? Оу-вечка?» – удивлялся он.

Она вновь хохотала.

– «Что за глупости, какая еще овечка! Алам это мое имя. Если написать латинскими буквами Маля и прочесть наоборот, как раз и получится: Alam. Красиво, правда? Я сама это придумала».

– «М-м... красиво, да! – словно бы прикинув, соглашался он. – А Вы, Малиа, большой... большая мечтатель! Романтик!» (ударение у него перемещалось на последний слог).

Чарльз был весь такой чистый, тонкий, серьезный. Светловолосый и сероглазый, – одним словом, англичанин. Он учил ее кататься на велосипеде и шел рядом, придерживая руль, страхуя на случай падения. От белой рубашки пахло свежестью недавно выглаженного, чуть подпаленного утюгом полотна, – и еще воздухом, рекой, теплым летним ветром.

Иногда он усаживал ее впереди на раму и они быстро катили по розоватой до блеска укатанной тропинке. На резких поворотах, на стремительных крутых спусках, – когда кажется вот-вот вылетишь через руль в канаву, – Малечка закрывала глаза и, визжа от ужаса, одновременно хохотала.

– «Be calm, Тили! – едва слышно говорил тогда Чарльз, касаясь сухими розовыми губами мочки ее уха, – be calm, my friend! Be calm...» – И на протяжении всего пути она чувствовала на своей голой шее его спокойное теплое дыхание.

В конце августа в семье Кшесинских отмечали рождение младшей дочери Матильды. Поскольку знаменательное событие выпадало на лето, праздновали почти всегда в загородном имении. Ближе к последним числам месяца Феликс Иванович традиционно отправлялся в город за провизией для праздничного стола.

В тот раз со станции Сиверской отец приехал с двумя большими кожаными мешками. Кучер Василий, основательно вспотевший, сильно пропахший крепким лошадиным духом, сопя и топя, взобрался по ступеням крыльца. С пытением он втащил поклажу на веранду и, сложив в угол доверху набитые мешки, ушел распрягать лошадей.

Феликс Иванович сел в скрипнувшее под ним плетеное кресло, взял со стола газету и, отдуваясь, обмахивался. Прибежавшая из сада Тиличка, увидев мешки, ахнула и звонко расцеловав отца в обе щеки, полезла смотреть покупки. Один за другим она открывала хрустящие пакеты – и всякий раз радостно вскрикивала.

– «Ананас! Апельсины! Печенья! Эклеры!.. Вот это жизнь! Запируем как короли!»

Отец засмеялся. – «Ну, слава Богу, угодил! Ф-фу! Уморился я что-то – и то сказать, душно сегодня. Василий как всегда опоздал – да хорошо встретился мне на станции Чарльз, он и помог выгрузиться. Это ничего, душенька, что я пригласил англичанина на твоё рождение? Думаю, вдруг рассердишься? Все-таки, личный твой праздник».

– «Мой личный... и отлично! и merci, папочка... я и сама не сегодня-завтра собиралась это сделать – пригласить Чарльза. – Она хлопнула в ладоши и, подбросив вверх яблоко, ловко его поймала, – что ж он, придет?»

– «Обещал быть, – отец скрутил газету в трубку и примерял теперь, как бы половчее шлепнуть ему ползущую по столу чернильно-золотую муху. – Приглашение мое, по крайней мере, принял с удовольствием, – Феликс Иванович с улыбкой взглянул на Матильду. – И спросил еще, можно ли ему быть вместе со своей невестою? Я сказал, что, разумеется, мы будем очень рады и все такое... вообще, мол, добро пожаловать».

– «Как?... – дочка растерялась – надкушенное яблоко на полпути ко рту выскользнуло у нее из пальцев и укатилось под стол. – Да разве у Чарльза есть невеста?!»

– «Выходит, что есть. И вроде полгода уж как они помолвлены, – Феликс Иванович, вновь медленно, с отяжкой замахнулся на муху. – И теперь его невеста как раз приехала... – он

покрахтел. – Да у них и свадьба, кажется, назначена», – невнимательно говорил отец, следя за беспечной мухой, не знающей про занесенное уже над ней орудие убийства.

– «Ах, та-ак, – с нарочитым равнодушием протянула дочка и прерывисто вздохнула, – я не слышала ничего про невесту... Ладно, папочка, побегу... я цветы для праздника срезала в саду, теперь они горой на скамейке свалены. Нужно собрать в букеты, – а то как бы не завяли на жаре мои розы и пионы», – она еще раз поцеловала отца в щеку и вприпрыжку убежала.

Феликс Иванович с размаху шлепнул газетой по столу и с выражением брезгливого удовлетворения небрежно смахнул на пол недвижную муху, жалко раскосившую свои помятые крылья.

Взбешенная Матильда стояла в это время за углом веранды и раздувая ноздри, шумно дыша, неодобрительно глядела на двух щенков, с глухим ворчанием возившихся в теплой пыли. Закусив малиновую нижнюю губу, она рванула к себе ближнюю крупную и почти уже отцветшую белую розу. Уколовшись, вскрикнула, отшвырнула в траву. Поднесла близко к глазам распяленную кисть, выдавила из невидимой ранки бусинку крови и сверкая глазами, сосредоточенно пососала уколотый палец. Потом понурившись, отбрасывая ногой камешки, неспешно побрела по дорожке.

...Во время празднества жених с невестой вели себя так, как и полагается влюбленным, – то есть постоянно переглядывались (и улыбки у них при этом были одинаковыми, – то вопросительными, то ласково-томными). Кроме того они украдкой старались коснуться друг друга. (Он ненароком забывал ладонь у нее на талии, – она же перед тем как ему ответить спокойно и нежно, словно бы невзначай, выкладывала на обшлаг его рукава свои белые пальчики с блестящими карамельно-розовыми ноготками).

Чарльз с невестой сидели напротив именинницы, чуть наискосок от нее, – и виновница торжества страшно злилась. Она терпеть не могла, когда тот, кого она наметила себе в поклонники, с кем давно и успешно кокетничала, вдруг с какой-то стати поступал в распоряжение другой женщины.

– «Конечно, – ведь его невеста взрослая, ей все позволено. Оттого ему с ней интереснее, чем со мной. Он не берет меня в расчет, считает маленькой. Почему мне только четырнадцать? Между прочим, столько же было Джульетте!.. в наше время четырнадцать лет считается детским возрастом. Как я хочу поскорее вырасти!.. Впрочем, мы еще посмотрим...»

На большом блюде торжественно внесли жаренные в сметане маслята. Выложенные горкой в обрамлении запеченного молодого картофеля и алых помидорчиков грибы были изжарены лично Феликсом Ивановичем. Собирали грибы именинница с сестрой Юлей и братом Юзефом, – что во всеуслышание и было объявлено гостям. Все хором расхваливали поварское мастерство хозяина, после чего разговор естественным образом повернул на грибы. Именинница объявила, что собирать грибы она любит больше всего на свете.

– «А что, разве в Британии не принято ходить в лес по грибы?» – словно бы не замечая сидящей рядом невесты, девочка в упор смотрела на Чарльза. Пристально щурясь, она гипнотизировала англичанина, требуя от него немедленного ответа. Чарльз отложил вилку, помолчал.

– «Может быть, да – кто-то ходит; но я нет, никогда не делал это», – не глядя на Матильду, спокойно и доброжелательно разъяснил Чарльз и тут же бегло, с улыбкой взглянул на свою невесту. Та в ответ поощрительно ему улыбнулась.

– «Странно. А между тем, это самое интересное в мире занятие, – собирать грибы. Неужели вы никогда не собирали грибов, Чарльз? никогда-никогда-а?» – разочарованно допрашивала именинница, недоверчиво сморщив нос. Как бы сожалея, что британец до сих пор лишал себя главного жизненного удовольствия, она покрутила кудрявой головой, опустила

глаза в тарелку и бесцельно тыкала вилкой в кружок огурца. В ту минуту ей хотелось одного, – чтобы Чарльз заразился ее страстью к собиранию грибов.

– «Я не умею это совсем, Тили. Но если немного попробовать, возможно, мне нравит-са», – с улыбкой отвечал англичанин и пожал плечом.

– «Нет! не просто „возможно“, вам точно понравится! Зато уж я умею искать грибы даже там, где их вообще никто не находит! Иногда мне кажется, что грибы любят меня больше других, – вот и папа так говорит. – Тиличка рассмеялась нарочито громко. – Только, когда идешь в лес за грибами, нужно обязательно встать до рассвета! Я могу любого научить собирать грибы, – например вас!.. да только вас ведь ни за что не отпустит невеста», – она вызывающе взглянула на британца; сидящую же рядом с ним барышню по-прежнему не замечала.

– «Отчего же, – снисходительно улыбнувшись, проговорила невеста (так взрослые улыбаются пустым затеям детей); она отложила вилку и все с той же улыбкой, прищурившись, взглянула на забавную девчущку, – пожалуйста, идите. Я с удовольствием предпочту поспать... обожаю поспать на рассвете».

Ранним утром заспанная Малечка – тоненькая в ярко-синем необыкновенно к ней шедшем сарафанчике, повязанная желтым платочком (барышня-крестьянка!) и англичанин Чарльз (тоже заспанный, в белом картузе и в русских сапогах гармошкой) шествуют рядом по гулкому лесу. Под ногами у них шуршат прошлогодние листья, и мечтательный голосок кукушки, прилетая откуда-то с большой высоты, слышится тускло, точно сквозь вату.

– «Как хорошо... правда, Чарльз? – румяная Малечка останавливается, поднимает вверх голову (Англичанин, улыбаясь, смотрит на нежную шею, на круглый вырез батистовой, крестьянского покроя блузки). – Кукушка, кукушка, сколько лет я проживу? – И с закрытыми глазами мечтательно считает: один, два, три, четыре...»

Чарльз боковым взглядом замечает рыжеватую грибную шляпку с прилипшим к ней коричневым листком.

– «О! это ест грибы!» – вскрикивает он и опрометью мчится к ближней елке. Присев на корточки, раздвигает траву и бережно освобождает пространство вокруг своей находки. Англичанина Чарльза охватывает неведомый ему прежде грибной азарт.

– «Кто кого ест? Где ест грибы? – передразнивает его Матильдочка. – Йес, йес, грибы! – и забыв про кукушку, со всех ног мчится к елке.

Они углубляются дальше в лес. Вездесущий солнечный луч чудом пробивается сквозь еловый темный сумрак и тут же запутывается в рваной радужной сетке паутины; Чарльз и Матильда вместе, голова к голове склоняются над прелестной, надетой слегка набекрень грибной шапочкой, так заманчиво сквозящей в зеленых иглах травы и сталкиваются: лбами, руками, глазами. Матильда трет лоб, хохочет и присев, закусив губу, аккуратно срезает гриб. Они с Чарльзом одновременно поднимаются, смотрят друг на друга и вновь смеются: просто так, ни о чем. Матильда, молча, вертит гриб в руках, подносит к лицу Чарльза и таинственно спрашивает: «Правда красиво?»

– «Красиво очень, да, – не отводя взгляда от ее румяного личика, соглашается англичанин; он сдвигает на лоб картуз и улыбается, – это действительно есть красиво... почти как вы, Тили».

– «Что?! Я похожа на гриб?» – она заводит глаза под лоб и отворачивается с гримаской притворного возмущения.

– «О, по!¹⁰ – так же притворно спохватывается и Чарльз, – то мой плохой русский! Вы есть beauty,¹¹ – очень красивая. Вы даже есчо лучше этот гриб».

---

¹⁰ нет (англ.)

– «Во-от! – назидательно, с лукавым удовлетворением подтверждает она и, взглянув на англичанина, встав на цыпочки, звонко хлопает его по лбу (Ой, у вас комар!..) И тут же с умышленной нежностью гладит лоб ладошкой. Потом она осторожно укладывает боровичок в корзинку. Вместе с Чарльзом они заботливо прикрывают грибы жесткими торчащими ваями папоротника и руки их вновь встречаются. Невзначай коснувшись липкой паутины, девочка брезгливо вскрикивает, и Чарльз, близко поднеся к лицу маленькую ладошку, очищает, старательно обтирает платком каждый из тонких розовых пальчиков.

Непонятная перемена произошла с Чарльзом как раз после той лесной прогулки. Что уж там случилось в лесу между барышней Кшесинской и высоким сероглазым англичанином – то никому не было ведомо. Да собственно ничего и не случилось. Однако именно после похода за грибами произошло необъяснимое: жених потерял голову, влюбился в четырнадцатилетнюю девочку, с которой прежде лишь покровительственно дружил. Совершенно неожиданно Чарльз оказался не по-британски горячим и по-русски безрассудным юношей.

Мало того что он разочаровал свою невесту – и та уже через день уехала, сделав жениху шипящую сцену ревности. Англичанин и в дальнейшем вел себя неосмотрительно, по-детски глупо. Принялся вдруг забрасывать юную интриганку букетами, любовными записками – и даже искал с нею встреч наедине, словно эти ухаживания и впрямь могли иметь для обоих какие-то серьезные последствия.

Стоит сказать, что лукавая барышня вполне осознавала свое магическое воздействие на мужчин. Мало того – при любом удобном случае пыталась ими, мужчинами, манипулировать. Неосознанно, по-детски, кокетничая, девочка с необыкновенной легкостью добивалась мужского внимания, – а потом не знала, что с ним делать... И все-таки она ни разу не отказалась от возможности в очередной раз испытать свои чары.

Повстречав подходящий для кокетства объект, маленькая скромница включала собственную безотказную систему оболыщения. По-детски наивный и в то же время игривый взгляд на миг задерживался на встречном, девочка легко вздыхала, опускала глаза – и этого вполне достаточно было для того чтобы оглянулся заинтригованный прохожий. Когда Матильдочку представляли незнакомому господину, она отбрасывала со лба челку, разводила в стороны загорелые ручки (исцарапанные в малиннике и потому сплошь покрытые тонкими гранатовыми штришками) и невинно улыбалась. Пожимая острым детским плечиком, с выражением робкого удивления она заглядывала в глаза будущей жертве, после чего направляла ресницы на кончик собственного носа и приседала в трогательном пружинном книксене. Все. Она знала, что уже сегодня вечером этот красивый высокий гимназист непременно явится к их калитке и, размахивая форменной фуражкой, хлопая себя ею по колену, с видимым равнодушием станет прохаживаться вдоль садовой изгороди. Независимо насвистывая, словно бы невзначай он будет заглядывать внутрь пустынного сада. Так случалось уже не раз.

Или студенту, подрабатывающему репетиторством на соседней даче, при воспоминании о юной барышне, встреченной им утром на развилке возле старого скрипучего тополя, представлялось вдруг, что репетиторство есть самая пустая трата времени, а ведь его, время, можно употребить на гораздо более приятное занятие. Что десятичные дроби, которые часами разбирает он со своим непонятливым подопечным, есть полнейшая ерунда и гиль. Что решительно ничего эти самые дроби не значат в его судьбе, а уроки летней математики с нерадивым малолетним оболтусом есть не что иное как бесцельное сжигание собственной драгоценной жизни. – А жизнь меж тем не стоит на месте! Она проходит мимо – со всеми своими чудесными удовольствиями, как прошла, всего-то один раз на студента и обернувшись, барышня с соседней улицы: маленькая веселая шатенка с лукавыми ласковыми глазами. И уж не интересом ли

---

¹¹ красавица (англ.)

к его мужественной персоне объяснялось то робкое любопытство, что выразилось на миг в ее веселых круглых глазах?..

...Матильда вдруг с необыкновенной ясностью вспомнила тот летний день, сад в зеленых солнечных пятнах, повисшие от жары листья, невероятно громкое пение птиц. И себя, с хохотом убегающую от длинноногого Чарльза (непонятно как тот умудрялся в почти полевых условиях русской деревни сохранять неизменную европейскую элегантность). Долговязый британский Ромео довольно быстро нагнал ее тогда – и поймал за руку, нежно теребил влажные пальчики. Оба запыхались, часто дышали и глядели друг на друга изучающим говорящим взглядом. Громадный плюшевый шмель, мощно гудя, рассек воздух меж их лицами – и оба разом отшатнулись, рассмеялись.

Теплый ветерок гонял по саду томительно прекрасные летние запахи. С веранды тянуло остывающим в медном тазике земляничным вареньем (и целый день кружили над ним во множестве опасные осы). Со скошенной садовником накануне лужайки доносилось тонкое благоухание подсыхающих трав. От разомлевших усталых роз веяло мечтательным сладким раем, а нагретые солнцем пеоны, напротив, источали горьковатый, вместе с тем нежный аромат. После молниеносного как мираж дождика от садовой дорожки пахло прибитой пылью и влажным гравием...

Опустив голову, ковыряя землю носком туфли, Малечка рассматривала перламутрово-розового червя, растянувшего безжизненное вялое тело у обочины дорожки.

Чарльз тем временем завладел другой рукой юной барышни и с высоты своего роста умиленно глядел на детский пробор, пополам разделявший рыжеватые выющиеся волосы. Загорелое лицо англичанина, слегка посыпанное по переносице бледными веснушками, выглядело растерянным. Он вздохнул и пробормотал с нежной страстью: «О, Малиа, Малитшка!.. Я хотел бы от вас некоторый ответ (видимо оттого что Чарльз пребывал в любовной растерянности, трудные русские ударения особенно вольно и неприкаянно располагались в его речи), – и я натурально готов ожидать несколько годы...»

Румяная от жары Матильда, принужденно посмеиваясь, выкрутила свои розовые пальчики (нежные тиски, впрочем, тут же послушно разжалась) и развела руками

– «Вот именно, ма-лыш-ка! Как это вы меня называете? Скажите-ка, скажите еще раз (смеясь, она передразнила акцент, с которым англичанин произносил ее имя): «Ма-лит-шка»? А ведь я и впрямь маленькая, Чарльз, – лукаво гримасничая, она взглянула ему в глаза – потом в распахнутый ворот белой рубашки. – Ай эм чайлд!.. Ай эм бэйби. Понимаете?»

Он собрался было отвечать – но она перебила. – Нет-нет – дайте-ка быстро сюда вашу руку. Я буду предсказывать ваше будущее».

– «О!» – удивился он и доверчиво протянул ей раскрытую ладонь. Она намеренно ласково охватила ее своими влажными пальчиками и, близко поднеся к глазам, внимательно рассматривала.

– «Ну-ка, ну-ка, посмотрим... та-ак... линия жизни, линия судьбы... Подождите, – а где же я? Ах, какая жалость! Посмотрите сами, Чарльз, – меня нет ни в вашей жизни, ни в вашей судьбе!» – она звонко хлопнула по ладони британца своей маленькой растопыренной пятерней. Тот, молча, нежно смотрел на нее. Она вновь рассмеялась и, бросив его руку, со всех ног убежала. Чарльз так и остался стоять посреди ярко-зеленого сада, наполненного шелестом, щебетом, жужжанием...

Спрятавшись за куст темнолистой, давно отцветшей и оттого скучной сирени, Матильда разглядывала собственную ладошку. Выждав какое-то время, отвела ветку и осторожно выглянула.

Чарльз – одинокий, ужасно милый, ссутулившись, брел к своему велосипеду.

– «Я гадкая, мерзкая. Я не должна была так поступать... – дернув с ветки листик сирени, она сунула его в рот и нервно пожевала. – Но почему я больше не увлекаюсь Чарльзом? – Выплюнув разжеванную зеленую горечь, она вздохнула и ожесточенно расчесывала искусанное комарами коричневое предплечье. – А теперь, когда он всерьез принялся за мной ухаживать – мне и вовсе стало скучно. Поначалу хотелось – а теперь скучно.

Ну и ладно!.. и вообще не хочу об этом думать».

На самом деле три дня назад она окончательно и бесповоротно изменила Чарльзу, – она влюбилась в другого. В писателя Грибоедова. Того самого, тезку Пушкина, Александра Сергеевича – автора знаменитой пьесы «Горе от ума»...

Все произошло неожиданно. Ей давно уже хотелось разучить красивый ми-минорный вальс, так часто звучавший в балетном классе.

– «Вальс Грибоедова», – отвечал концертмейстер Адольф Францевич на ее вопрос об авторе. Она взяла из училищной библиотеки ноты – но, ленись, за все лето так ни разу и не раскрыла. И теперь дождливым серым вечером от нечего делать села к роялю.

Окна были распахнуты настежь. Большой дождь кончился, – но периодически возобновлялся маленький; шурша, пробегался он по листьям мокрого сада и тут же испуганно замолкал. Витая струйка звонко стекала с угла крыши в деревянный бочонок. (По всему ободу заросший зеленым бархатом мха он стоял у веранды на двух почерневших кирпичиках, и маленькие ловкие лягушата время от времени выпрыгивали из-под днища, стреляя лапками-ножницами).

В комнате было сумрачно, почти темно; из сада тянуло холодной сыростью. Вглядываясь в ноты, девочка лениво разобрала правую руку – потом, сбиваясь и чертыхаясь, левую. Соединила обе и не слишком уверенно сыграла. Склонив голову набок, вслушиваясь, повторила все сначала. (Потом она играла еще и еще, добиваясь той красоты и нежности, которые, она чувствовала, изначально были заложены в прелестную вальсовую мелодию). И с каждым разом все больше пленялась изяществом звуков, похожих на серебряные колокольчики. Как трогает, как задевает душу! И так откровенно, так настойчиво звучала в мелодичных повторениях ласковая мужская просьба. Она замерла, затаила дыхание. Девочку пронзил внезапный холодный трепет – взлетевшие качели отвесно падают вниз, разом рушится сердце, и ледяной ветер сладко замораживает грудь изнутри. Озноб души, преддверие обморока, короткая райская дурнота – все эти странные ощущения не раз повторятся потом в ее жизни.

Она перевела дыхание и сыграла еще раз.

Вкрадчивая словно бы недосказанная мелодия тревожила и вела за собой, суля счастье, – в ней слышались откровение и нежность. Шум возобновившегося дождя естественным образом вплетался в музыкальную фразу. Девочка оглянулась. Казалось, сам автор встал у рояля и, скрестив на груди руки, глядел вместе с нею в раскрытые ноты. Пластрон крахмальной сорочки отражался в черной полировке, блестели в полумраке стекла очков, и брильянтовая запонка искрила в снежной манжете. Насмешливые мужские глаза следили за пальцами юной пианистки. Она вдруг со странной пронзительностью поняла душу того, кто придумал эту простую – и вместе с тем такую обволакивающую, такую страстную мелодию... От волнения она не могла доиграть, не могла успокоить дрожащие пальцы. То был приступ любви к молодому мужчине, собравшему воедино столько чудных звуков. И неважно, что автора давно не было на свете – тоскующий тающий вальс соединял времена и души. – «Ты здесь? здесь?! – испуганно прошептала девочка и сжалась от страха, ожидая ответа. – Что это? я с ума схожу?! Я умираю от любви к этой музыке, к влажному саду, к горькому запаху тополей...»

Дождь кончился – за окном порозовело, притихло; редкие капли звонко плюхались в переполненный бочонок. – «Определенно я схожу с ума!.. и я уверена, что две души – моя

и его – только что разговаривали меж собою. – С пугливой тревогой она вновь осмотрела углы, прислушалась. Теперь она знала то, о чем раньше лишь догадывалась. Душа не ведает пределов, не знает тлена, а музыка одно из связующих звеньев, чарующий посредник в интимном диалоге душ. Но почему так непоправимо и безнадежно мы разошлись во времени?..»

Теперь уж она непременно должна была знать все, что вышло из-под его руки, из-под его пера. Отыскав потрепанную книжку, она залпом прочла ее от корки до корки (и если раньше длинная пьеса воспринималась как скучнейшая школьная повинность, устаиваясь лишь равнодушного пролистывания, то теперь вся до последнего слова наполнилась новым смыслом и особым значением).

И тут уж девочка влюбилась окончательно.

Все что так привлекало ее во взрослых мужчинах: тонкая ирония, разбег изошренного ума, расточительный блеск небрежных насмешливо-метких суждений – все это было, было здесь! было едва ли не в каждой строчке...

Бедный, бедный Чарльз – разве мог он тягаться с гением?..

– «Я-то как раз помню! Его звали Чарльз. И довольно гадко было с твоей стороны... и только глупая девчонка могла так беспардонно влезть в чужие отношения, зачем-то меж людьми все разрушить...» – начала, было, Юля – но младшая перебила, не дав ей договорить.

– «Ну да, ну да, Чарльз. Я и сама теперь вспомнила. Гадко или не гадко – сейчас ведь не о том речь. Может быть и гадко, – скосив глаза, торопливо согласилась она. – Ах, все это так не важно теперь... то есть, совсем не важно. Детские шалости с Чарльзом давно забыты. Теперь я выросла и точно так же как англичанина влюблю в себя наследника. И между прочим, – она вдруг озаренно ткнула себя пальцем в лоб, – я даже знаю, как это сделаю».

– «Как же, например?» – сестра в притворном удивлении расширила глаза.

– «Например, при помощи магнетического взгляда. Все возможно, дорогая Юля... особенно, если знать специальные приемы».

– «Во-первых, для того, чтобы кого-то в себя влюбить, нужно хотя бы изредка его видеть. И как у тебя получится? И какой еще взгляд – что за глупости! Вообще откуда ты нахваталась?» – Юля вновь оглядела себя в зеркале – и вздохнув, сняла приставшую к подолу белую нитку.

– «Смейся, смейся!.. только учти: чаще всего люди смеются над собственным невежеством. Между прочим, я специально читала сборник лекций одного профессора... Турн... Торн... – она подняла глаза вверх, но, так и не вспомнив, махнула рукой. – В общем, нерусская фамилия... английская, что ли. Да это и неважно! Вот тебе раз, – она засмеялась. – Что это со мной сегодня – чего нихватишься, все английское! Подожди – дай-ка, дай сюда! – Выхватив из рук сестры нитку, она намотала ее на указательный палец: Аз, буки, веди... смотри-ка! какой-то белобрысый Владимир пристал к тебе – верно, влюбился!.. Или Вадим... или Виктор.

Она уселась в кресло; оглянувшись, с озабоченным выражением выудила из-за спины книгу, мельком взглянула на обложку.

– О! «Дневник графини Д**», – дивный кстати, роман! И смешной. Один из моих самых любимых... Так вот, тот профессор – ну, которого я забыла – он написал руководство, можно сказать, учебник. О магнетизме. О магнетических людях...

Невнимательно пролистав книгу, она весело взглянула на сестру. – Советую почитать, впечатляет. Я, например, ужасно увлеклась этой идеей – магнетизма. Даже выписала важные мысли в дневник».

– «Что еще за магнетизм, я не понимаю», – небрежно проговорила сестра, рассматривая обложку книги.

– «Ну, Господи, Юля!.. какая ты отсталая. Да ведь теперь все только о них и говорят – о магнетических людях! И все кроме тебя про них знают. Эти люди излучают особый ток – называется магнетизм. Понимаешь? А человек, который излучает магнетизм...»

– «Притягивает гвозди», – сестра засмеялась.

– «Вот только, пожалуйста, не надо ерничать! Не знаю, как тебе объяснить... магнетический человек это тот, кто всегда знает, чего он хочет от жизни. Он следует собственному плану, никто и ничто не может повлиять на него. Рано или поздно эти люди получают от жизни все. Все, – понимаешь? Не судьба управляет ими, а они управляют своей судьбой. Их не волнуют чужие мнения, не интересуют знаменитости – для них вообще не существует авторитетов. Зато сам магнетический человек всегда и всем интересен. Он как магнит притягивает к себе других, обычных людей. И легко ими управляет – можно сказать, манипулирует...»

– «Манипулировать другими – вот как прекрасно!.. теперь это относят к достоинствам?» – Сестра пожала плечом.

– «Подожди, ты даже не дослушала! А прекрасно в них то, что они возвышаются над всеми. Магнетизм чувствуется другими людьми как скрытая сила, а к сильным тянутся все. Магнетический человек с легкостью заставляет выполнять его волю. И представь – выполняют. И даже с радостью! Потому что приятно получить похвалу от магнетического человека. Эти люди страшно обаятельны, – их все обожают, ими все очарованы. Они не открываются никому – больше молчат, чем говорят. Тут важен принцип „все держи в себе“... – только так твоя батарея остается постоянно заряженной. Сила магнетизма как раз в этой внутренней батарее, – ее нельзя истощать болтовней, ненужной откровенностью. Потому что притягивает лишь загадка, лишь неизвестность. От того, что ему стало понятно, человек моментально отворачивается, отворачивается. Магнетический человек как полный сосуд хранит все в себе, не проливая ни капли. Ты замечала, что скрытные люди манят уже самим секретом своей души? И я хочу стать такой же – загадочной, притягательной. И стану. Вообще, мне от природы дано очаровывать».

– «О чем же тогда беспокоиться? Просто сиди и жди, когда он очарованный сам упадет к тебе в руки».

Матильда в раздумье почесала бровь.

– «Пока что рано об этом говорить. Сейчас, например, я разболтала тебе все свои секреты: про то, что влюбилась, про магнетизм. Ну вот, – полностью разрядила свою батарею. Ты ведь чувствуешь, что ровно с этой минуты я стала тебе неинтересна? Потому что во мне нет тайны».

Сестра расхохоталась.

– — «Но ведь ты так долго крепилась. По-моему ты забиваешь себе голову ерундой».

– «Ах, Юля, у тебя все ерунда. Между прочим, я постоянно упражняюсь. Тренирую волю, выдержку...»

– «О, да. Это сейчас чувствуется! Ты так скрытна...».

– «Ну, Господи – ну ведь признала я уже свою ошибку! – младшая, сведя брови, нервно задрожала ногой. – Не стоило рассказывать тебе про наследника. Я не выдержала. Я не вижу выхода, мне тяжело, – уныло вздохнув, она поцарапала ногтем поручень кресла. – И все равно я уверена в своем магнетизме. Уверена – и все тут! Захочу – и он будет мой!» – она засмеялась и галопом проскакала к окну.

– «Сумасшедшая. Прыгаешь, точно вчера пять лет исполнилось. Душа моя, так захоти! Какой-то магнетизм, батареи какие-то... – сестра ладонью разгладила юбку на колене. – И как ты поймешь, что вполне уже сделалась магнетической личностью? Есть какие-то видимые признаки?»

– «Юля, ну сама-то подумай! – младшая потрясла ладонью перед лицом, – разве возможна видимость в таких тонких и необъяснимых вещах? Здесь все на уровне интуиции. И я же говорю – во-первых, магнетический взгляд!..»

– «Что-то я за тобой не замечала... – Юля насмешливо скрестила на груди руки, – взгляни, сделай милость. Я, может быть, тоже хочу обольщать наверняка».

Младшая вздохнула и передразнила жест сестры.

– «Хочешь узнать про магнетический взгляд?»

– «Заинтриговала, так теперь уж выкладывай». – Юля уселась в кресло.

– «Хорошо, изволь. Допустим, что-о...» – пристально глядя на сестру, растягивая гласные, начала младшая.

– «Да, допустим», – усмехаясь, качая ногой, подтвердила Юля.

– «Допустим, что ты хочешь заинтересовать собою некоего господина. Пожалуйста – легко и просто! Тут ты как раз и включаешь магнетический взгляд. Во-первых, ты мысленно ставишь точку между его бровей, – ну, на переносице твоего объекта. Понимаешь – тво-его объек-та».

– «Ах, вон оно что... точку! И как же?»

– «Воображаемую. И ничего смешного».

Матильда встала перед сестрой.

– Для начала сосредоточься. И запомни: во время разговора ты должна внимательно и спокойно – вот это уж особенно важно: спо-кой-но – на эту точку смотреть, смотреть...» – она таинственно понизила голос и немигающим надменным взглядом уставилась на лоб сестры. Та, морща губы, едва сдерживалась от смеха.

– «И что?»

– «И все!»

– «Что все?»

– «Ну, все! Он твой! И заметь – всего лишь при помощи взгляда! А ведь есть много других способов!»

– «Каких? каких же способов?» – со смехом вновь переспрашивала Юля. Матильда махнула рукой.

– «Даже не проси – все равно больше ничего не скажу. Ни единого слова».

Во-первых, тебе не нужно. Ты слишком красивая – в тебя и так, без всякого магнетизма все влюбляются. И во-вторых, что тебе ни скажи, ты только смеешься. Ну хорошо, – если хочешь знать, бывает еще магнетическое рукопожатие. Не так как было принято раньше – некоторые и сейчас еще так знакомятся... – когда барышня как бы нехотя подает безвольные вялые пальцы. (Изобразив жеманную гримасу, она отвернула лицо в сторону и протянула повисшую кисть). – Вот это как раз и есть настоящее мещанство. Теперь такие манеры считаются ужасно старомодными и глупыми. Смотри как нужно: ты быстро и крепко пожимаешь ему руку... – так, знаешь, тепло, энергически. (Она сжала маленькую кисть сестры и глядя ей прямо в глаза, довольно крепко встряхнула). – И потом, отнимая пальцы, ты должна обязательно скользнуть по его ладони... Вот так. – Не отводя взгляда, она многозначительно задержала прохладную кисть сестры в своей. – От этого как раз и получается мгновенное чарующее воздействие!»

– «Так уж и чарующее!.. Я, например, ничего чарующего не заметила – просто щекотно. Ну и как? Испробовала ли ты это свое чарующее воздействие на... сама знаешь на ком?» – Юля усмехнулась.

Матильда уставилась на сестру.

– «Ах нет, нет, что ты! – поняв, кого та имела в виду, она покраснела. – Мне и в голову не пришло... я тогда как во сне была – плохо помню, что делала, что говорила. Какой уж там магнетизм! Нет, не испробовала, – повторила она, качая головой и с унылым видом рассматривая бодрый раскидистый фикус. – И с чего ты взяла, что я собираюсь за него замуж?»

Я-то как раз понимаю, что об этом и речи быть не может. Я всегда помню, – она вздохнула и неуверенно кашлянув, пожала плечами, – что он будущий император. Я так просто!»

Сестра подняла брови.

– «Как это «просто?»»

– «Ну так, просто! Просто влюбилась и все! Может быть, вообще ничего не получится. А может быть получится, как я задумала».

– «Что же ты могла задумать?» – Сестра вздохнула и встала с кресла.

– «Пока не скажу, потому что тайна. Сама ведь упрекаешь меня в болтливости. А насчет твоего замечания... ну, чтоб его видеть, – это ты в самую точку попала. Именно в том, Юлечка и состоит моя к тебе просьба. Ты ведь знаешь, что папа не пускает меня одну гулять – едва ли не следит за мной. Все боится, что убегу на свидание с Колей Рахмановым. Очень он мне нужен, как же! Мне теперь совсем другой Николай интересен... – Она оглянулась на дверь. – Пожалуйста, Юля! Прошу тебя, давай пройдемся немножко... ну, там, где мы можем случайно его встретить! Не могу же я идти одна. Понимаешь, есть такие места в городе... – приблизившись к сестре, она взяла ее за рукав и глядя в упор, гипнотизировала горящим взглядом. – Юля, единственный раз я тебя умоляю! Мне так это важно... просто необходимо».

– «Что важно? Повстречаться с наследником, что ли?»

– «Ну, да, ну да! А то, получается, знаешь... с глаз долой из сердца вон. Я прямо с ума схожу, как хочу его видеть! Но мне нужно, чтобы он также этого хотел. Чтобы не забыл меня, – чтобы всегда отличал среди других».

Юля усмехнулась.

– «Запоминают того кто нравится. Если бы ты ему понравилась, он сам бы тебя нашел. Хотя это невозможно, потому что...»

– «Запоминают того, кто удивляет, – перебила младшая. – И поверь, я его удивлю».

– «А-а, – сестра тонко улыбнулась, – и чем же ты собираешься удивить... страшно сказать, царского сына?»

Матильда потупилась, вздохнула и без тени улыбки, словно не замечая насмешливых глаз сестры, решительно и твердо проговорила: «Я удивлю его своей безумной любовью».

Юля безнадежно махнула рукой.

– «Главное слово здесь – безумной. Даже если ты ему понравишься и он пожелает обратить на тебя внимание (в чем я сомневаюсь) – даже тогда его императорскому высочеству не позволят увлечься танцовщицей из кордебалета. Все что делает наследник престола сто раз обсуждается его родителями. А его родители... – она замолчала, не найдясь, что сказать, – да пойми же ты, наконец, – он не может совершать самостоятельных поступков. На которую ему укажут, ту он и станет любить».

– «Я не всегда буду танцовщицей кордебалета. С моими успехами я совсем скоро стану балериной... а потом и прима-балериной. А если он полюбит меня, то уговорит родителей дать согласие... ну, чтобы мы встречались. И настоит на своем. Их величества ведь не враги собственному сыну!»

По-детски гримасничая, Матильда смотрела в зеркало. Сестра усмехнулась.

– «Поди уж который день уговаривает. Ночей не спит его императорское высочество, никак не забыть ему Мальку Кшесинскую».

– «Ладно, может быть ты и права... вряд ли он обо мне думает. – Матильда с улыбкой прошлась по комнате, оборачиваясь на свое отражение в зеркале, – но все равно, Юля... ты должна мне помочь!»

– «Вовсе даже не собираюсь. Ни помогать, ни потакать твоим безумствам не стану принципиально. И никуда я с тобой не пойду, – не хватало еще выслеживать на улицах царского сына», – сестра решительно отстранилась.

– «Юля, Юлечка – ну пожалуйста, умоляю!»

– «Нет! Никогда и ни за что – даже не проси! И не надейся! И не выдумывай себе несбыточных любовей! Это химия, это обморок, это весна, Малька! – глаза сестры отливали стальным блеском, указательный палец неколебимо был поднят вверх. – И не чуди! И приди, наконец, в себя, душа моя!»

12

На следующий день две стройные, кокетливо одетые барышни под руку прогуливались по Невскому. Та, что постарше – красивая, уверенная в себе, выглядела вполне взрослой молодой дамой. Другая – совсем юная, тоже очень хорошенькая с легкомысленным взглядом веселых быстрых глаз вертела головой по сторонам и по-детски на ходу подпрыгивала.

Свернув на Большую Морскую, барышни двинулись к Дворцовой площади. Войдя под своды гулкой прекрасной арки с узорчатым потолком, с выпуклыми бронзовыми барельефами двуглавых орлов, с живущим наверху эхом, они услышали шум – и уже в следующую минуту, трясясь по булыжникам, мимо прокатил экипаж.

Несколько следующих мгновений слились для Матильды в одно внезапное обморочное впечатление: дробный стук колес гулким эхом отозвался под сводами высокой арки, мохнатым ругутным цветком отразилось в весенней луже солнце (этот навязчивый черно-зеленый призрак долго еще плавал у нее перед глазами, заслонив видение, ослепившее едва ли не больше чем солнце). В тот самый миг мимо сестер задумчиво проплыл профиль наследника Николая Александровича...

Поистине чудо, сказочный мираж? Грохочет по булыжникам золотая карета, взволнованная бледная Золушка дрожащей рукой нашаривает в кармане залатанного фартука парный хрустальный башмачок. Спустя минуту глаза влюбленных встречаются, они узнали друг друга. Трубят фанфары и не за горами уже счастливая свадьба...

Поистине сам Господь покровительствует влюбленным! И отчего так спешит Он выполнить их самые заветные желания?! Сердце милой Малечки словно сжали в ледяной горсти. Ноги, несмотря на ежедневные тренировки, в один момент сделались ватными...

Экипаж проехал совсем близко: мелькнул правильный профиль, розовая щека и моргающий голубой глаз... побледневшая Матильда, хлопая ресницами, в упор смотрела на наследника. Тот, узнав девушку, приветливо улыбнулся и даже слегка кивнул. Вцепившись ледяными пальцами в рукав сестры, Матильда ответила наследнику глуповатой, дрожащей улыбкой.

Призрачный экипаж, не останавливаясь, покатило дальше и вскоре растаял в сером воздухе Большой Морской; цоканье копыт раздробленным гулким эхом отдавалось под аркой (и гораздо, гораздо дольше в сердце влюбленной барышни).

– «Ты видела, видела, Юля? – стуча кулаком правой руки в ладонь левой, громким шепотом прокричала Матильда и уставилась на сестру изумленным взглядом. – Ведь не приснился он мне? Он смотрел на меня – понимаешь? Он мне улыбался! И даже поклонился! Он узнал, узнал меня!»

– «Еще бы не узнать, когда битых два часа он просидел с тобой бок о бок за одним столом, – резонно заметила сестра.

Солнце, словно спеша раскрасить декорации, вновь вынырнуло из сероватой проруби облаков.

Матильда ликовала.

– «А-а-а! я чуть с ума не сошла от радости! Послушай, Юля, но если он узнал меня – почему проехал мимо, почему не остановился?»

– «О, Господи! – сестра насмешливо закатила глаза, – вот лишний повод спуститься с облаков. По-твоему, что же, наследник должен останавливаться перед каждой, едва знакомой ему барышней, которых сотни гуляют по Невскому? И почему ты думаешь, что его императорское высочество на тебя смотрел? По-моему, он улыбался мне». – Юля опустила на лицо сетчатую вуальку и пошла вперед.

– «Подожди! – Матильда обогнала сестру и, подбоченясь, загородила ей дорогу – ты глупости говоришь! Он на меня смотрел! мы с ним глазами встретились!»

Сестра пожала плечом. – «Он и на меня смотрел также. Может быть, он подумал: что это за красивая незнакомка идет рядом с маленькой Кшесинской?»

Матильда быстро заморгала.

– «Юля, да как же тебе не совестно! Ты насмехаешься надо мной что ли? В конце концов, это даже нечестно – отнимать у родной сестры!.. Ты, разумеется, красивая, но только уж, извини, для него ты слишком... как бы поделикатнее выразиться...»

Сестра остановилась и Матильда едва на нее не налетела.

– «Слишком, слишком! – качая головой передразнила Юля, – а ведь ты, Малька, большая негодяйка!.. ты хотела сказать, что я для него слишком старая – так?»

– «Ну, не то чтобы старая, но... может быть, слишком взрослая!..» – младшая, не удержавшись, покатила со смеху.

– «Ай-ай-ай – некоторым должно быть стыдно. Это в благодарность за то, что я любезно согласилась тебя выгуливать? – Юля щурилась и качала головой. Довольно некрасиво насмеяться над пожилой сестрой. Просто я решила тебя слегка подразнить. Чтобы зря не обольщалась. Никого я не отбираю... да и отбирать-то некого. Только уж запомни, душа моя: в любовных делах возраст вовсе не помеха. Наоборот, – есть некоторая пикантность в том, что дама старше кавалера. Настоящая любовь предполагает очарованность душ, – а душа, знаешь ли, возраста не имеет. Так-то. – Стареющая Юля свела у подбородка концы воротника и туманно улыбнулась. – Хотя... может быть, он и правда слишком юн для меня. Бога ради – пусть он смотрит на кого хочет. На кого еще и смотреть-то ему – когда ты как сумасшедшая едва не прыгнула под колеса экипажа. Хорошо еще что я за руку удержала. Однако не жди от него ничего кроме ответного взгляда. И не к лицу взрослой девице бегать за царским экипажем...»

Матильда молча вздохнула. Юля, искоса взглянув, взяла ее под руку.

Сестры пошли рядом, перешагивая через голубые мартовские лужи – в их бездонной глубине быстро неслись облака. Матильда, пристраиваясь в ногу с сестрой, воображала лицо наследника (так мелькает скорее тень, нежели реальный человек).

– «Я и обрадоваться-то толком не успела. Привидение проще встретить, чем его императорское высочество. А все-таки это произошло. Разве не чудо?»

Перед сестрами открылся пустынный простор Дворцовой площади. Не сговариваясь, они свернули к Зимнему дворцу. Бессчетные чисто вымытые окна, блестя зеркальной ртутью, разглядывали полупустую площадь с выражением брезгливого бесстрастия. Дворец выглядел безмолвным и словно бы необитаемым.

Зимний дворец и полуовал Главного штаба каменными ладонями обнимали Александровскую колонну, загораживая грустного Ангела на ее вершине от холодных ветров и от людной суеты Невского. В любое время года площадь была исполнена державного величия, изначально заданного дворцу и колонне, и всему этому бескрайнему мошеному пространству. Именно здесь на Дворцовой особенно чувствовалась протяженность и мощь Российской империи.

Сестры остановились перед дворцовым фасадом. И почему-то это нарядное здание уже не казалось теперь таким чужим и казенным как раньше, – словно соединилось оно с тем, в кого так неосторожно влюбилась она несколько дней назад. Он, ее возлюбленный, имел прямое отношение и к этой площади и к царскому выезду, и к дворцу с надменным взглядом бесчисленных окон. По странному совпадению возлюбленный был сыном императора, будущим властителем России...

– «Нет, это невозможно, он никогда меня не полюбит...» – она взглянула на Александровскую колонну. Крылатый Ангел, прижимая к груди крест, равнодушно и кротко взирал из своего поднебесья. С такой высоты люди кажутся ему разноцветными букашками. Правой рукой Ангел указывал в небо.

– «Если смотреть сбоку, то... – она усмехнулась, прикинула – ну да, определенно третья позиция. – Отстав от сестры, Матильда вновь обернулась на колонну. – Его императорское высочество так же недоступен для меня как этот Ангел. – Она прищурилась, крылатая фигура Ангела раздвоилась и задрожала. – А ведь совсем недавно мы сидели рядом, запросто разговаривали. Он обязательно меня забудет – уже забыл. Зато я никогда не смогу его забыть! никогда! Нужно как-то исхитриться – нужно устроить хотя бы еще одну встречу. Только ведь, если повезло сегодня, то совсем не обязательно, что повезет завтра. Невозможно встречаться с наследником ежедневно. Постоянно караулить на улицах что ли? – она покусала губы, – ах, я на все, на все готова! Но что бы я ни планировала – это нереально... вот и Юля говорит что нереально.

Неожиданно мелькнула у нее идея («дурацкая совершенно», – заметила бы сестра Юля). Нашупав в кармане монетку, Матильда размахнулась и швырнула ее на мостовую.

– «Если орел, он будет мой! а если решка... тогда не будет. Тогда умру от горя», – Монета, звеня, покатила вперед. Придерживая шляпу, неотрывно следя глазами за монеткой, Матильда ринулась вдогонку.

– «Это вот не пятиалтынный – это моя судьба делает сейчас крутой поворот».

Пятиалтынный, насколько это у него получалось, решил, видимо, отдалить роковой вердикт – повернул направо, налево... опять покатился прямо...

Положим, что судьбу свою она догнала – и даже протянула за ней руку. Однако, заколебавшись, тут же и отдернула. Обидно, если обычная монетка вот так в одночасье обрушит все твои мечты...

Вмиг высохнет песок, и рухнет замок, и лопнет шарик, в небеса не улетев...

Впрочем, барышня Кшесинская не была склонна к долгим колебаниям. Она нагнулась, взглянула – и, схватив монетку, так крепко сжала в кулаке, что больно стало пальцам.

– «Орел! орел!.. Вот этого уж, милая, вовек я тебе не забуду! Никогда больше не отдам в руки торговца! положу в шкатулку с драгоценностями и будешь у меня главной реликвией! Дырочку просверлю – стану носить на шее как талисман». – Прежде, чем сунуть монетку в карман, она обтерла ее краем юбки и многократно со всех сторон обцеловала...

– «Юля! Ю-ля-а-а!» – она помчалась к сестре (в щелях между черными торцами застряли невыметенные обгорелые спички, конфетные обертки, остатки золотистого лошадиного навоза – все это она успевала заметить по пути своими быстрыми глазами).

– «С ума сошла – кричишь на всю площадь. И вот что ты там, спрашивается, на земле, искала?» – сестра в своей излюбленной насмешливой позе, скрестив на груди руки, безмолвно за ней наблюдала.

– «Нет, ты только посмотри, Юля, какая дивная весна!.. моя выпускная весна! И день-то какой чудный! И все так прекрасно складывается!.. Вот не зря я похожа на папа – говорят, к счастью. Верно и впрямь я счастливая!»

Она с разбега налетела на сестру и, схватив ее в охапку, закружила. Запрокинув голову, Матильда глядела в небо с редкими проблесками синевы, с серыми несущимися облаками. Дворец качнулся, в зеркальных окнах отразилось небо с плывущими облаками. Рискуя уронить тщетно крылатого Ангела, накренилась Александровская колонна.

– «Послушай, довольно уж, хватит! Танец умалишенных... Что люди подумают? – высвободившись из объятий сестры, Юля безнадежно махнула рукой. – Ты как всегда в своем амплуа! Сейчас видно будущую артистку. И эти твои вечные эскапады! – Она покрутила головой. – Впрочем, может быть, за это твое сумасбродство я тебя и люблю... гораздо больше, чем ты заслуживаешь».

– «Заслуживаю! Я очень даже заслуживаю, – с глуповатой довольной улыбкой младшая уронила вдоль боков руки. – Я ведь тоже тебя люблю, Юлечка – прямо обожаю! И гораздо

сильнее, чем ты думаешь! Несмотря даже на твою противную правильность и на твой вредный насмешливый характер!»

Юля, соединив углы ее воротника, шутливо придушила младшую сестру и поцеловала в нос. Матильда обхватила ее за талию и так крепко к себе прижала, что Юля, пискнув, отстранилась, покрутила пальцем у виска и рассмеялась.

13

Той весной наследник все свое время отдавал военной службе – собственно говоря, он всецело ей принадлежал. Впрочем, Николаю Александровичу всегда нравилась полковая гвардейская жизнь – нравилось гусарство, летние лагерные сборы. Он любил лошадей – любил тот миг, когда вскакиваешь в седло и, чувствуя под собой сильный круп, слушаешь все убыстряющийся мерный топот. Он вообще обожал быструю верховую езду, – до полного слияния с конем, до превращения в единое летящее целое. Любил, когда на полном скаку свистит в ушах ветер (он вообще любил делать то, что у него отменно получалось; и он был прекрасный наездник – это отмечали все, кто его знал). Николай Александрович с удовольствием носил военную одежду, считал что хорошо подогнанный мундир украшает мужчину, придавая ему стройности и щеголеватости. Собственно говоря, военную форму по традиции носили все без исключения Романовы. С удовольствием надевая безупречно пригнанный, тонкого сукна китель, сшитый у Норденштрема (у этого лучшего в Петербурге военного портного одевались все великие князья), Николай Александрович кроме телесного комфорта ощущал еще и приятное единение со славным гвардейским офицерством. Звание гвардейца уже само по себе обязывало к благородству и доблести – любой гвардейский офицер, не раздумывая, готов был положить жизнь за веру, за честь, за царя и Отечество.

Наследник-цесаревич старался глубоко и добросовестно вникать в военную службу. Любил он также полковые праздники в Офицерском собрании, – особенно так называемое «сиденье», когда в проветренной после обеда зале раздвигались стулья, гасились керосиновые лампы и зажигались свечи в бронзовых канделябрах. Запах от потрескивающих свечей разливался в воздухе и плыл по зале, соединяясь с ароматом цветочных гирлянд. И можно было курить, расстегнув тугие крючки воротника – пока доверху наполненные братины с шампанским осторожно, чтобы не быть расплесканными (и в то же время небрежно, как и полагается у гусар), передавались по кругу из рук в руки. Был в этом некий веселый смысл и традиционное военное дружество...

Случалось, что из офицеров полка складывался свой струнный оркестр (многие для души поигрывали на гитаре). Иногда засиживались до утра – тогда уж разгул крепчал, доходя до высокого градуса... И все было так мило, так просто и весело – и неизменно присутствовал на таких полковых посиделках какой-то особый лихой и легкий гусарский дух. И да – весело бывало без притворства, по-настоящему. Впрочем, братство и душевное единение чувствовались уже после первого бокала вина...

Николай Александрович считал себя приверженцем и патриотом Преображенского полка. Быть преображенцем было, безусловно, почетнее и приятнее нежели, предположим, семеновцем; преображенцы и остряли смешнее и праздновали веселее. Никогда однако Николай Александрович не заявлял о собственных предпочтениях во всеуслышание, понимая свое особое положение и сугубую весомость каждого своего слова.

Товарищи уважали его за добрый нрав и за простоту в обращении. Наследник был всегда уравновешен, спокоен, не заносчив и незлобив. Мать обожала Ники. Царь любил старшего сына по-своему – его любовь была более сдержанной и требовательной. Пока что он давал сыну относительную свободу, не приближая особо к государственным делам, считая его юношей, почти мальчиком. Иногда наследник был обязан присутствовать на заседаниях Государственного совета (отец намеренно брал его с собою, дабы тот постепенно вникал в важнейшие государственные дела).

Вообще, Николай Александрович был вполне доволен своим положением блестящего гвардейского офицера, живущего лишь интересами военной службы, – ему нравился его нынешний, несколько романтический, гусарский статус.

Как юная девушка, танцующая на балах и флиртуя с кавалерами, постоянно держит в голове мысль о будущем замужестве, так и наследник Николай Александрович всегда и везде должен был помнить (и помнил, разумеется) о своей миссии будущего самодержца. Осознание монархического будущего неприятно довлело над ним, вселяя определенное душевное беспокойство и даже некоторое уныние. Грядущее царствование Николай Александрович воспринимал без тени радости (вот уж припас Господь подарочек...) И он даже слегка хандрил, если родители излишне часто напоминали ему то, о чем и так вынужден он был помнить постоянно.

Не чуждо было наследнику некоторое самоедство; он имел привычку анализировать едва ли не каждый свой faux pas¹² (привычка, надо сказать, не особенно свойственная его ровесникам и полковым товарищам). Николай Александрович был из числа тех совестливых молодых людей, которые в другой раз старались не повторять единожды допущенных досадных промахов.

От природы наследник был наделен веселым нравом, и он не прочь был развлечься, «похлыщить», как он сам говорил, с приятелями по Невскому, до легкого безумия напробо-ваться модных портвейнов с бисквитными печеньями. Он любил поплясать на балу, любил наряжаться в маскарадный костюм. Однако почти всегда после слишком весело проведенной ночи его мучили угрызения совести. Николай Александрович стыдился промахов (иногда и вовсе невинных), полагая, что непозволительно будущему императору предаваться столь легкомысленному разгулу. Также он сильно расстраивался после невоздержанного подпития и сознательно не позволял себе в другой раз перебраться с хмельным. (Несколько раз все же перебирал – так что друзья, стоявшие на ногах немногим тверже самого перебравшего, уводили его под руки). Подобное не слишком осуждалось в полку – напротив, умение выпить почиталось среди офицеров едва ли не за молодечество, необходимое подлинному гвардейцу. У наследника, однако, после подобных подвигов на душе бывало изрядно муторно...

В общем, престолонаследник не только не рвался наследовать уготованный ему престол, но словно бы даже побаивался своего императорского будущего. Слава Богу, что будущее это маячило где-то далеко, впереди – настолько впереди, что в него не слишком-то и верилось. Николаю Александровичу казалось, что Россией всегда будет править его отец, решительный и твердый Государь Александр Третий.

И все таки будущее царствование нависало над его беззаботной и относительно свободной жизнью... и это было что-то вроде нависающей глыбы, которая неизбежно когда-нибудь обрушится.

Родители частенько напоминали старшему сыну о его предназначении – и он изо всех сил старался соответствовать (хотя с большим трудом представлял себя выслушивающим, например, доклады пожилых министров). Он пытался и не мог вообразить во главе с собою заседание Государственного Совета, сплошь состоявшего из надменных старцев, разодетых в обильно расшитые золотом мундиры. (Государь Александр Александрович всегда чрезвычайно серьезно относился к таким заседаниям – и к каждому готовился долго и тщательно). Ники казалось, что он вечно будет тушеваться перед этими старыми важными сановниками, пугавшими своей тяжеловесностью; и он понятия не имел, о чем станет говорить с ними.

Также опасался он многочисленных упрямых родственников, с которыми нельзя было спорить, нельзя было портить отношений – напротив, каждому из них надобно было угодить, выказав особое уважение.

Вообще, совестливость, сдержанность, чистота помыслов и намерений – все это было вполне присуще наследнику Николаю Александровичу. Он воспитывался как царевич, как русский принц – а ведь известно, что русские любят смешивать идеал с действительностью. Именно русские родители с достойными лучшего применения азартом и педантичностью пыта-

---

¹² ошибочный шаг (франц.)

ются сотворить из своих детей сияющий идеал. И совсем уж по-русски, то есть, простодушно путая абстрактный идеал с собственными устремлениями, пытается соответствовать указанному образцу сам воспитуемый – покладистый русский мальчик, что называется, «из хорошей семьи». Вообще, наследник Ники получил достаточно блестящее и обширное образование. Воспитание же его было по большой степени спартанским: то есть, намеренно простым, побуждающим к телесной и чувственной скромности, – и это последнее входило порой в ошутимое противоречие с широтой помыслов и свободой взглядов.

Была у наследника и своя душевная тайна, своя *idée fixe*. Едва ли не с детства (точнее, с шестнадцати лет) Николай Александрович постоянным, возвышенным и странно глубоким чувством привязан был к иностранной принцессе – единственной в мире девушке, достойной его любви. И если пытался он вообразить себя будущим российским императором, то рядом всегда была она – высокая, стройная, в длинном серебристом наряде... с вдумчивым и слегка печальным взглядом – именно такой виделась ему будущая жена, императрица. И всегда это была она: чуть холодноватая, до надменности застенчивая (и в этом неизменно похожая на него самого) Дармштадтская принцесса Алиса. Белокурая, нежная, с большими серыми глазами, с черточками прямых бровей, Алиса Гессенская была внучкой английской королевы Виктории; для наследника же Ники она всегда была Аликс. – Моя милая Аликс...

Впервые принцесса приехала в Петербург с отцом в возрасте двенадцати лет.

Когда их представили друг другу, Ники показалось, что он знал ее всегда. Вечером принцессу увели спать, – и он никак не мог дожидаться утра, настолько неодолимым было желание поскорее увидеть ее вновь.

Эта девочка вызывала у него внутренний тихий восторг, – он, что называется, глаз от нее не мог отвести. Ему нравилось болтать с Аликс, смеяться вместе с ней над «разными глупостями» (так она говорила), нравилось наблюдать ее грациозные детские ужимочки, и обаятельные гримаски.

Через несколько дней после их знакомства в Аничковом дворце намечался большой детский бал, и Ники, сам себе удивляясь, ждал его с каким-то веселым алчным нетерпением.

Танцевали в зеленой бальной зале. Он пригласил Аликс на первый же вальс – и потом приглашал снова и снова (в этот вечер он вообще особенно много танцевал – и больше всего с нею). Она ни разу ему не отказала, но избегала прямых взглядов, часто опускала глаза в пол и была несколько напряжена. Ошибившись невзначай в танцевальной фигуре, молча улыбалась, мотала белокурой головкой и мило морщила носик. Быстро взглянув на него, тут же смущенно исправлялась – и в эту минуту выглядела чрезвычайно мило, точно провинившаяся ученица. Он нежно, но твердо вел ее в танце, чувствуя под пальцами тонко прогибавшиеся ребрышки. Она же, словно опасаясь новой оплошности, старалась ему угодить, подстраивалась быстрыми ножками под его ритм. Как бы ища у него одобрения, принцесса изредка взглядывала веселыми светлыми глазами и с сиюминутной милой готовностью подчинялась малейшему нажиму его руки.

И все это было так трогательно...

Он кружил свою тоненькую легкую партнершу с упоением. На том детском бале Ники едва ли не впервые получал подлинное наслаждение от танцев. Ему хотелось, чтобы тот бальный вечер никогда не кончался. Он вдыхал исходящий от ее волос и платья едва уловимый нежный запах ванили, – и он был готов танцевать с ней бесконечно. Принцесса, перебирая своими маленькими ножками, также танцевала без усталости, – временами он почти приподнимал ее над паркетом; ему казалось тогда, что оба они летают.

Косясь в зеркала, Ники с удовольствием отмечал, что вдвоем они составили вполне гармоничную и красивую пару – оба юные, тонкие, прямые... оба красивые, веселые, радостно оживленные...

Во время того первого вальса незнакомая молодая дама, мимолетно взглянув на его визави, с треском сложила веер и вполголоса с улыбкой произнесла: «*Quelle bonne et charmante enfant!*¹³» – И еще какое-то время явно любовалась порхающим нежным ангелочком. Ники тогда взглянул на тоненькую Алису сторонними глазами той дамы, – и ему вдруг стало ужасно приятно, – как будто бы похвалили его самого. И почему-то особенно лестно было услышать похвалу из уст красавицы. То же самое, что красивая дама произнесла вслух, подумал и он, впервые увидав Аликс. Та лишь прояснила и подтвердила его собственные мысли, неожиданно и просто оформив их в слова.

Потом он стоял, прислонившись спиной к полированной белой колонне и позвоночником ощущал гладкий каменный холод. Скрестив на груди руки, он уже неотрывно и ревниво следил за тем как его миленькая партнерша танцует с другим кавалером. Все в ней было обворожительно: поворот золотистой головки, нежный с застенчивой быстрой усмешечкой голос, невнимательный чуть исподлобья взгляд... Разница между нею и другими девочками заключалась в том, что Аликс со временем не разочаровывала, не надоедала – напротив, пленяла еще больше...

Наверно на том памятном детском балу он и влюбился в нее – окончательно и навсегда. Ники горел желанием постоянно быть рядом с маленькой принцессой-красавицей. Он любил танцевать с ней, любил глядеть на ее ровный пробор. Любил подавать ей руку – и потом во время танца ощущать в своей ладони тонкие влажноватые пальчики. Ему нравилось сидеть подле нее за столом, болтая о чем придется. Нравилось вместе с ней гулять по парку и хохотать. Ему хотелось без конца слушать этот нежный тонкий голосок, так уверенно, обстоятельно и обаятельно выговаривающий английские – реже немецкие и еще реже французские – фразы... и как же прелестно звучали они, слетая с ее розовых детских губ.

Он радовался ее нечастому нежному смеху и постоянно старался рассмешить Аликс.

Как-то вместе они поехали в Петергоф – и там сверкающим камешком ее колечка, такого крошечного, точно снято было оно с пальца Дюймовочки, смеясь, голова к голове, долго и старательно вырезали, процарапывали на оконном стекле свои имена. Ники неотрывно смотрел на ее прозрачные до огненной алости просвеченные солнечным лучом пальчики, чувствовал шоколадно-ванильное дуновение ее близости, и у него сладко кружилась голова. («О мое милое, чудное, заманчивое пирожное!»)

Николаю Александровичу и теперь еще слышался алмазный скрежет пыльного стекла и виделись узкие с лаковыми бантами туфельки (тоже пыльные после гуляния по сухим красноватым дорожкам нижнего Петергофского парка). И как трогательно, как по-детски мило – носочками внутрь – она ставила ножки, идя с ним рядом!..

– «Вот бы заполучить, залучить к себе на недельку-другую (а лучше бы навсегда!) это маленькое чудо... Чтобы ходила по нашим залам, многократно отражаясь в высоких зеркалах, – а я бы любовался ею. Чтобы говорила только со мной, смеялась только со мной... больше ничего и не нужно для счастья!»

Имена их так остались навсегда рядом на том запыленном солнечном стекле:

Alix

Niki

В его памяти она все встряхивала русыми в крупных кольцах волосами и ладонью отводила со лба позолоченную солнцем челку. Эти ее милые жесты —любующимся жадным взгля-

---

¹³ какой замечательный и очаровательный ребенок (франц.)

дом он следил за взмахом тонкой ручки, с умилением отмечая, что ладонь у нее такая же узкая, как у Пречистой... и так же утончались и загибались к концам нежные пальчики.

Потом, когда Аликс с отцом уехали (она все махала ему, оборачиваясь), Ники долго не мог забыть ее странно настороженного и одновременно доверчивого взгляда. Бывая в Петергофе, он первым делом бежал взглянуть на ту детскую надпись. Стекло на удивление уцелело – и соединенные их имена, вырезанные так давно, что, казалось происходило это в какой-то другой, прошлой жизни, по-прежнему приятно волновали Николая Александровича. Он всегда улыбался, глядя на то окно и воображая неровные детские буковки, нацарапанные ее маленькой рукой. Милый автограф, оставленный для него милой Аликс. Эта надпись словно связала их двоих, будучи подтверждением действительного существования Аликс в нынешнем, ином, взрослом мире. Короткое, словно из детской сказки имя звучало так волшебным, так многообещающе... Впрочем, все, что касалось Аликс, было наполнено волнующей радостной тайной.

Из хорошенькой куколочки с золотистыми локонами, удерживаемыми ободком атласной голубой ленты она превратилась в стройную вполне взрослую девушку. И по-прежнему очаровательна... Сразу же после ее отъезда он вклеил карточку на первую страницу дневника и теперь ежевечерне встречался с тревожным, слегка укоризненным странно отрешенным взглядом. Шоколадного цвета фоточка: неожиданно повзрослевшие, но все так же настороженные глаза; все те же маленькие ножки в узких лаковых туфельках. Белокурые выющиеся волосы причесаны как бы на греческий манер – приподняты и сколоты на затылке. Выбившиеся из прически завитки лишней раз подчеркивают сладостную линию шеи. Как она мила! Милая Аликс! Каждый вечер он любовался ею, воображая рядом с собой, мысленно вызывая в Петербург из ее далекого нежного и непонятного мира, казавшегося ему таким особенным и важным (гораздо интереснее и важнее чем его собственный). Ему представлялось, что она ведет какую-то свою блестящую и возвышенную жизнь, абсолютно непохожую на ту грубоватую простую действительность в какой существовал теперь он сам. И почему-то чаще всего он представлял ее на садовой скамье – вот она склонилась над книгой, машинально смахивает нежными пальчиками букашку с нагретой солнцем страницы...

Может быть потому что Николай Александрович давно не видался с Аликс, она не ожидала, не напоминала о себе ощущениями, звуками, красками, предпочитая оставаться идеальной и бесплотной фотографической моделью.

И по-прежнему она была самым притягательным на свете женским существом.

– «Не просто мила! – Un bijou!¹⁴ Красавица, ослепительная красавица!» Повзрослев, стала еще красивее...

С рассеянной нежностью он гладил фотографическое изображение. – Милая, милая Аликс!»

...Тогда, во второй ее приезд в Петербург, он совсем потерял голову — настолько, что вскоре после отъезда принцессы попробовал было завести с отцом осторожный разговор о давнишней своей мечте жениться на Аликс Гессенской.

Государь внимательно выслушал, внимательно взглянул – и тут же свел начатый разговор к шутке, заметив, между прочим, что опасается гнева королевы Виктории (бабушки Гранни, как называли ее родственники).

– «Боюсь, Гранни не одобрит, коли стану сватать в Россию еще и вторую ее внучку – говорят из всех самую любимую. Послушай, Ники, эта девочка еще слишком молода, – да и тебе только двадцать минуло. Ты юн, мой друг, неискушен. Да ты и не видал никого кроме нее. А между тем в Европе помимо Гессенских есть и другие принцессы. На Дармштадте свет

---

¹⁴ прелесть (франц.)

клином не сошелся», – царь коротко усмехнулся. (Он намекал на женитьбу великого князя Сергея Александровича на Элле, старшей сестре Аликс).

Так, в сущности, ничем закончился тот важный для Ники разговор.

Николай Александрович вздохнул, разглядывая снимок. Бесконечно влекла его к себе эта девушка с печальными светлыми глазами. Именно такой должна быть его любимая женщина... его жена. Звонкое как весенняя капель имя – и как же приятно повторять: Аликс, Аликс... И он уже так привык к ней фотографической, что ему было трудно представить, что где-то ходит, смеется и разговаривает настоящая живая Аликс. Не будучи склонен идеализировать, он вполне допускал, что в действительности принцесса могла быть вовсе не такой, какую он сочинил ее для себя (и при том был готов принять ее любую!) О, несомненно, это любовь.

– «Бедняжка! она выглядит такой растерянной на фото... Люди и впрямь теряются от нацеленного на них бесцеремонного объектива, в то время как тот запечатлевает их, в сущности, навсегда – и порой не в самом удачном виде. Но как же она мила – даже в этом состоянии скованного смущения...»

Следуя уверенной интуиции влюбленного, вопреки всем сомнениям (главное из которых было помнит ли вообще о нем Аликс), с нею одной он связывал свое будущее (оно представлялось далеким, спрятанным за туманной голубоватой дымкой). До полного соединения с повзрослевшей принцессой должно пройти время. С тех пор как он увидел ее, с тех пор как на том памятном детском балу она подала ему свою маленькую теплую ручку и старательно завальсировала рядом, Аликс стала постоянной вожаделенной целью. Он обнял ее, вальсируя – и больше не выпустил из своих мысленных объятий, навсегда очаровался красотой, пугливой грациозностью. Эту трогательно доверчивую девочку хотелось постоянно держать при себе, не выпускать из поля зрения – чтобы оберегать, чтобы любоваться... За все прошедшие годы он так и не смог освободиться от этой влюбленности. Он и теперь мечтал жениться на Аликс... Какое счастье иметь рядом с собою столь обворожительное существо!..

Его родители по-прежнему уклончиво молчали. Император и императрица не слишком-то желали этого брака, и они попросили сына не ездить в Москву на Рождество, в те дни, когда Аликс гостила у сестры Эллы. Ники уступил просьбе родителей, послушно не поехал – и два Гессенских цветка украшали Москву в его отсутствие.

Теперь Аликс вновь была далеко, и они так давно не виделись, что впору было сомневаться в реальности ее существования...

Не потому ли так часто и с таким явным удовольствием вспоминал Ники выпускной концерт в Императорском Театральном училище и другие глаза – вовсе ничем не напоминавшие те, что глядели на него с коричневатого фото в дневнике. Эти быстрые лукавые глаза, ошутимо тревожившие в последнее время его воображение, принадлежали хорошенькой маленькой танцовщице с польской фамилией, с несколько громоздким именем – скорее французским, нежели польским. Все странно перепуталось. Если взгляд Гессенской принцессы был светел и прохладен, то глаза танцовщицы Кшесинской едва ли не с первой минуты знакомства светились горячим страстным обожанием.

– «Или я обманываюсь?» – спрашивал себя Николай Александрович; но, вспоминая все мимолетные встречи, с самоуверенной и довольной улыбкой говорил себе, что нет, не обманывается, не ошибается. Впрочем, он и всегда был избалован женским вниманием – приглашающие женские взоры не были ему не в новинку. Привыкнув к этим заинтересованным, ждущим взглядам, он отмечал их всего лишь с лестным для себя удовлетворением. Приятно, – но и в то же время нелегко быть желанным для множества женщин...

Возможно, что со временем Ники навсегда забыл бы и тот мартовский вечер в Театральном училище и болтовню свою с балетной выпускницей, если бы не попадалась она ему на глаза так необъяснимо часто. Казалось, что между ним и маленькой Кшесинской установилась странная связь – незаметная, невидимая для других, она была вполне очевидна для них двоих.

– «Если и так, то вовсе не я тому причина», – говорил себе Николай Александрович.

Их знакомство не длилось и двух часов, – но едва ли не с первых минут маленькая танцовщица смотрела на него как на будущее любовное приключение. И он точно знал, что барышня Кшесинская в него влюбилась.

Она словно предоставляла ему *carte blanche*¹⁵ (так было при каждой следующей встрече) и наблюдала, выжидая, что же он станет предпринимать. И хотя такого рода настойчивость всегда настораживала (а в известной мере и расхолаживала) Николая Александровича, он в общем-то не прочь был завести маленький роман с танцовщицей. Мимолетный и ни к чему не обязывающий... даже не роман, а так – беглый легкий романчик.

И слишком уж соблазнительными, недоступно желанными были тайные приключения, о которых вполголоса, как бы невзначай, проговаривались наиболее искушенные полковые приятели. Рассказы о любовных связях с танцовщицами он выслушивал с видимым равнодушием, неопределенно улыбаясь, – хотя в глубине души завидовал приятелям, которые более чем он преуспели в этом заманчивом тайном деле.

Балет Ники любил. И не только потому что со всех сторон это было приятное для мужского глаза зрелище, но и потому еще что сам он, будучи превосходным танцором, любил и понимал это искусство. С детства обучаясь танцам, Николай Александрович не только вполне чувствовал прелесть танцевания, но умел ценить мастерство тех, кто преуспел в хореографии профессионально. Талант маленькой Кшесинской был очевиден, при этом танцевала она как бы небрежно, вовсе не стараясь. Так художник, пишущий с точки зрения дилетанта слишком крупными слишком неаккуратными даже неряшливыми мазками, удивляет потом несравненным конечным результатом. И Николай Александрович способен был оценить смелость мастера, умеющего видеть главное – то, чего никогда не дано старательному дилетанту.

Именно эту привлекательную уверенность профессионала (как и несомненный дар кокетливой выпускницы) отметил он, не слишком внимательно наблюдая за танцем Кшесинской. Одаренность вообще обладает большим очарованием для тех, кто способен ее распознать.

– «Да, обаяние таланта – вот это точно есть в ней».

Он и не подозревал, что миленькая скромница, не раздумывая, не мучась сомнениями, с того первого дня когда так мирно обсуждали они неказистый вид казенных фаянсовых кружек, самым решительным образом взялась за осуществление стратегически продуманной операции по его, Николаю Александровича, завоеванию. Он не знал, что не только разработан, но и принят уже к исполнению захватнический план под самонадеянным девизом «Он будет мой».

Спустя несколько дней после выпускного экзамена, проезжая по Дворцовой площади, он почти физически ощутил на себе энергию упорного неотрывного взгляда. Всмотревшись, Николай Александрович узнал в одной из двух под руку идущих барышень балетную выпускницу Кшесинскую и приветственно ей кивнул. С тех пор они частенько встречались – то на Невском, то возле Михайловского Манежа, то на Караванной. Он заметил, что неожиданные столкновения учащаются и повторяются с систематическим постоянством, и это заставляло задуматься. Николай Александрович все же полагал встречи случайными... хотя... так ли уж настойчив бывает случай? – хм...

Как-то в середине апреля Ники с двумя сестрами и братом Мишей вышли прогуляться по Аничковому саду. Ники и Ксения, переговариваясь вполголоса, держали за руки млад-

---

¹⁵ полная свобода действий (франц.)

шую Олечку. В какой-то момент, переглянувшись, они разом приподняли девочку вверх и та, хохоча, подогнув ноги, требовала качать ее как на качелях. – «Выше! выше! еще выше!..» – кричала она и радостно взвизгивала.

Миша гонялся по саду за странно ранней, странно большой оранжево-черной бабочкой. Бабочка то застывала в воздухе – то порхала в такой заманчивой близости, что можно было подробно разглядеть дразнящую красоту бахромчатых крылышек с лоснящимися бархатными пятнами и черные кольца дрожащих усиков. Словно бы утомившись, бабочка присаживалась на прошлогоднюю сухую былинку, соединяла вместе два пульсирующих, вздрагивающих крыла и потом медленно раскрывала и закрывала их точно маленькую яркую книжечку. Плотно приоткрыв рот, Миша подкрадывался к бабочке, но ровно в тот миг, когда он собирался накрыть бабочку ковшиком сложенных ладоней, та неспешно и лениво взлетала – и потом прекрасная, насмешливая, мнимо доступная, трепетала в синем весеннем воздухе, то взмывая над голыми деревьями, то резко падая вниз. Порой она подпускала к себе так близко, что казалось можно взять ее двумя пальцами прямо с воздуха; но уже спустя секунду бабочка неспешно виляла в сторону, издевательски медленными рывками уходя вверх.

– «Не так, не так, подожди! Не пугай! Дай я!» – пронзительно вскрикнула Олечка; она выдернула пальчики из рук брата и сестры, сорвала с головы берет, и мелькая клетчатым пальтишком между кустов, помчалась к Мише.

– «Почему бабочка – и так рано? Всего лишь апрель...» – Ксения вздохнула и щурилась мохнатые глаза, взглянула в синее небо.

– «Скоро лето», – рассеянно и несколько невпопад отвечал Николай Александрович.

– «Да, да! – улыбаясь, словно бы изнутри засветившись мечтательной девической радостью, подтвердила сестра. – Господи, как же мне надоела зима, как жду я этого лета!.. если бы ты только знал, Ники!..»

Он понимающе кивнул, улыбнулся.

Солнце сквозь пальто приятно грело спину и плечи. Воздух наполнился запахами влажной земли, прошлогодних прелых листьев, так и оставшихся лежать на газоне с прошлой осени – с той поры, когда завалил их неожиданно выпавший глубокий снег. Теперь эти слежавшиеся за зиму кучи обнажились и мокро чернели на прошлогодней жухлой траве; над ними с жужжанием проносились первые сонные зелено-золотые мухи.

Все вместе пьянило и будоражило, обещая впереди что-то манящее, прелестное, несбыточное – то, о чем мечтается лишь в молодости и лишь весной...

Брат и сестра рассеянно разглядывали прохожих сквозь садовую решетку, и Николай Александрович вдруг кожей щеки почувствовал настойчивый пристальный взгляд: так порой ощущаешь на лице невесомую щекотку солнечного зайчика еще до того как ослепит он своей нестерпимой яркостью.

Мимо дворцовой ограды проходили две невысокие тоненькие барышни, и обе они, свернув головы, неотрывно глядели на Николая Александровича. Одну он узнал сразу: балетная выпускница Кшесинская, запомнившаяся ему как смесь из спиральных кудрей, цветочных духов, ярких карминовых губ и сияющих глаз, глядевших на него с нескрываемым восхищением в течение всего вечера.

Наследник российского престола и надежда русского балета, одинаково улыбаясь, забыв про разделявшую их садовую решетку, двинулись было навстречу друг другу – но уже в следующий момент, отметив удивленный взгляд сестры, Ники отступил и ограничился лишь узнающим легким поклоном. В ответ хорошенькая маленькая танцовщица присела в коротком быстром реверансе-книксене (у них в училище это называлось макнуть) и расцвела очаровательной розовой улыбкой. Барышня состроила наследнику глазки и словно бы невзначай, приветственно взмахнула маленькой рукой в красной лайковой лаковой, ярко вспыхнувшей на солнце, перчатке...

(Так уж случилось, что после занятий Малечка Кшесинская, конечно же, совершенно случайно проходила мимо Аничковского парка под руку со своей смешливой подругой Оляшей Преображенской).

И вроде бы ничего не было удивительного в этой встрече – Театральное училище располагается менее чем в десяти минутах неспешного хода от Аничкова Дворца, – но Николаю Александровичу показалось странно, что так подозрительно часто и в самых разных местах встречается он в последнее время эту грациозную девушку. И всегда она улыбалась ему одинаково: призывно, кокетливо и радостно.

– «Знаешь кто эта барышня, что поздоровалась сейчас со мною? Кшесинская молодая, младшая из балетной династии; сколько я себя помню, они всегда танцевали на императорской сцене».

Наследник посмотрел вслед девушкам. Те в очередной раз оглянулись и одновременно рассмеялись.

Ксения отметила, что та же самая улыбка, какую одарила ее брата балетная танцовщица почти зеркально отразилась теперь на его лице.

– «Которая же из них твоя Кшесинская?» – Ксения выглянула из-за ограды.

– «Моя? – он засмеялся. – Та, что с пелериной и пониже ростом... как раз сейчас машет нам рукою. Но почему моя? Боюсь, ты желаемое выдаешь за действительное, – вслед за сестрой он выглянул сквозь решетку. – С моей стороны как раз ничего и не было, – по крайней мере, специального внимания я ей не уделял. Ну, если и было, то так, мимоходом. После выпускного концерта мы сидели рядом за столом, поскольку маленькая Кшесинская особенно приглянулась папа. Ему понравилось как она танцевала, и он усадил ее рядом с собою. Меня он даже не спрашивал – велел сесть рядом и приказал не флиртовать, словно только это и было у меня на уме. Постой!.. Кшесинская, Кшесинская... а зовут ее... такое громоздкое имя. Да, Матильда. Матильда Феликсовна. Дочь Феликса Кшесинского, того, что обучает мазурке. В общем, главного по мазурке».

– «Она понравилась только папа? точно?.. А тебе нет? – Ксения лукаво взглянула на брата, – однако громкое имечко. И не польское. Я бы сказала, французское. Впрочем, у артистов приняты громкие имена, – Ксения усмехнулась, – родители явно думали о сценической карьере для дочери. Ее отец поляк?»

– «Ну да, Кшесинский. Кстати, по-моему, она хорошенькая, как тебе?» – Ники рассеянно поглядел в небо, синевшее сквозь голые кроны деревьев. Ксения с хитровой улыбкой взглянула на брата.

– Мне показалось, что эта хорошенькая с тобой заигрывала. Может быть ты и не собирався ее в себя влюблять, да только уж она без твоего ведома взяла и влюбилась».

Николай Александрович, одновременно подняв плечи и брови, шумно выдохнул.

– «Слушай, вот отчего они все в меня влюбляются? Не знаю... не давал ни малейшего повода – напротив, был холоден и угрюм. И неприступен... как Печорин».

Сестра засмеялась.

– «Опять на себя наговариваешь. Только учти, что от этой твоей холодности они еще больше в тебя влюбляются. Помнишь – чем меньше женщину мы любим...»

– «Может быть ты и права... – Николай Александрович усмехнулся, – вообще, там было так много полураздетых барышень... то есть полуодетых... у меня прямо глаза разбежались. И знаешь, по-моему, все они были не прочь посидеть со мной рядом. А с этой Матильдой, поскольку уж рядом нас посадил папа, просто мило поболтали... так, ни о чем, о разных пустяках».

На глаза ему попала гора черных прошлогодних листьев, и он вдруг оживился.

– «А что, Ксеничка, хочешь немного поработаем? С удовольствием бы я размялся. И лопаты как будто специально для нас приготовлены».

(Невдалеке ткнулась в землю до половины груженная тачка с косо воткнутой в нее лопатой, а к стволу толстой липы прислонена была еще одна лопата и грабли с надетыми на самый верх черенка рукавицами; оттопыренный и поднятый к небу большой палец словно бы с похвалой отзывался обо всем сразу, – о ярком солнечном дне, о предложении поработать и о весне, наступавшей уже самым решительным образом...) Рядом валялась беспризорная метла – и казалось, что хозяина всех этих садовых инструментов спешно вызвали для исполнения какого-то важного поручения, которое тот, второпях все побросав, убежал исполнять.

Ксения покладисто кивнув, засучила рукава и взялась за грабли. Улыбаясь своим потаенным мыслям, она сгребала прошлогодние листья. Небрезгливый Ники натянул те самые рукавицы (они оказались ожидаемо просторными для его небольших рук) и принялся доверху догружать тачку. Он отвозил мусор на задворки, где свалены были разные древесные отходы – обрезанные ветки, груды черных листьев, старые распиленные стволы, на которых коричневая кора отставала от белой как кость древесины.

Тут же примчались Олечка с Мишей и, встав рядом, завистливо наблюдали за спорой и оттого особенно заманчивой работой старших. Уже через минуту, не отводя глаз от растущей кучи листьев, они прыгали и в два голоса кричали, что, пожалуйста, ну пожалуйста, дети ведь также хотят поработать!..

– «Ольга Александровна! И в особенности это касается вас, Михаил Александрович! – грозная Ксения подбоченилась и сдвинула брови. – Всегда весело смотреть со стороны, как трудятся другие. Только учтите: чтобы уже через пять минут не говорить, что надоело! Работа не игра. Ты меня понял, Floppy?»

Выпросив грабли и лопату (пожалуйста, Ники, ну пожалуйста!) младшие неумело и старательно орудовали слишком большими для них инструментами, мешая старшим.

Вчетвером они сгребали, грузили и отвозили на виляющей тачке садовый мусор и вскоре выполнили всю работу за дворника Степана, который позже, будучи слегка навеселе, вернулся к исполнению своих обязанностей и, почесывая затылок, в долгом бессмысленном изумлении глядел на чисто убранный участок, где бросил он невыполненным свой урок.

Впрочем, если бы ему сказали, что работу за него сделали царские дети, он не особенно бы удивился. У русского царя в обычае было приучать своих мальчиков (впрочем, и девочек) к простому домашнему труду. Император любил вместе с детьми сгребать снег на садовых дорожках, убирать сухие листья, сажать молодые деревца. Прилаживаясь друг к другу, царские дети, подолгу и с удовольствием пилили двуручной пилой. Мальчики обо- жали рубить дрова. Вообще, выполнять простые здоровые работы считалось в царской семье обычным делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.